ПИОНЕР

МАРТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1957 год

3

ВНИМАНИЕ!!!
ВНИМАНИЕ!!!
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
ОТКРЫВАЕТСЯ
КЛУБ
ПИОНЕРА,
спешите все на открытие
клуба.
Альфредо Варела
РАССКАЗЫВАЕТ:
Что будет
в Москве на фестивале.
ЛАГЕРЬ ДРУЖБЫ
Т. В. МАТВЕЕВА
О путешествии в Норвегию
У ТЕЛЕФОНА — БЕРЛИН
РАЗГОВОР О СИНЕМ ГАЛСТУКЕ
E-2 E-4 Заочный шахматный матч на трёх досках
НЕМЕЦКИЕ ПИОНЕРЫ СДЕЛАЛИ СВОЙ ПЕРВЫЙ ХОД.
Wollen Sie mitmachen?
ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЮНЫХ СПОРТСМЕНОВ ГЕРМАНИИ

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Год издания 34-й

МАРТ
№3 1957

В этом номере:

На обложке:
рисунок П. Сыроежкина «Весна».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПИСЬМО С КАТЕРА

Рассказ А. Мошковского.

Рисунки П. Кузьмичева.

Дождь лил третий день, и Димка, наверное, умер бы с тоски, если бы не Витька Терехов. Так его звали друзья-студенты, практиканты байкальской экспедиции. Димка обращался к нему неопределенно. Витькой не назовешь: уже взрослый; дядей Витей величать — тоже язык не поворачивается. Какой он дядя! Дядя должен быть строгий и важный, а у этого Витьки лицо безусое, молодое, смешливое, глаза с хитрым прищуром. Ходит в вытертой студенческой куртке с тусклыми золотыми вензелями на плечах и всегда без шапки, с густой каштановой шевелюрой, и ходит как-то несерьезно — пританцовывая, отбивая ногой такт, точно вблизи играет радиола,— а какая может быть радиола в глухой тайге?

И лицо у Витьки каждую минуту какое-то разное: то хохочет, то улыбается, то сердится. Когда он удивляется, брови взлетают на лоб, рот полуоткрывается; когда хмурится, губы сжимаются, брови лезут вниз и нависают над глазами, а светло-карие глаза становятся черными-черными. Голос у него резкий, отрывистый, и когда он поет, ребята подшучивают над ним за то, что он все время мотив перевирает: «Медведь обеими лапами на ухо наступил!» Но Витька плюет на их насмешки и поет больше всех. Соберутся вечером у костра — поет, умывается утром на Байкале студеной водой — поет, и когда Димка слышит, как после завтрака по тайге плывет песня, он знает: это Витька, Витька Терехов с геологическим молотком на плече уходит от стана в сопки...

Палатку, где жил научный руководитель экспедиции Жук, называли «штабной», а палатку, где поселился Витька, окрестили клубом. У него был походный радиоприемник «Турист», маленький, зеленого цвета, похожий на чемоданчик, и фотоаппарат «Зоркий». Говорили, что после лекций в университете Витька бегал на пристань грузить ящики и бочки и на заработанные деньги купил приемник и фотоаппарат. И вот в свободное время геологи и рабочие экспедиции не вылезали из «клуба», слушая последние известия или музыку...

Ни на шаг не отставал Димка от Витьки.

Однажды они шли через сопку и наткнулись на канаву, где работал долговязый, с рыжими усиками студент, которого в экспедиции не любили. Долговязый не отличался особым трудолюбием и ушел в лагерь раньше времени. Витька обошел его канаву, поругал — дно не зачищено, стенки осыпаются,— потом вдруг, подмигнув Димке, присел на корточки, отпечатал на свежей земле отвала свою ладонь и стал осторожно подправлять ее. Аккуратно отпечатав еще несколько следов, он строго-настрого велел

Димке молчать. На следующий день долговязый весь в поту прибежал в лагерь, влетел в их палатку.

— Иван Савельевич! — сказал он, задыхаясь, начальнику, Димкиному отцу. — Медведи!

— Какие медведи? — сердито спросил отец.

— К моей канаве ходят медведи! — выпалил долговязый. — Свежие следы видны... Больше моя нога не ступит туда...

— А вы уверены, что это медвежьи следы? — спросил отец.

— Да я своими ушами слышал, как они убегали, рыча и ломая сучья!

Тут Димка, не выдержав, прыснул, и все открылось. Отец вызвал Витьку.

— Товарищ Терехов,— резко сказал он,— этим в тайге не шутят. Я вам ставлю на вид.

У Витьки было такое лицо, что не поймешь, что ему хочется больше: извиниться перед начальником или хохотать.

И вот сейчас, когда три дня непрерывно льет дождь и Димка успел уже забыть, какого цвета солнце и как выглядит голубое небо, он, можно сказать, переселился в палатку, где жил Витька. Здесь стоял такой шум, что не было слышно, как по тугому брезенту дремотно стучит дождь. Когда всем надоедало слушать танцевальную музыку, Витька то затевал игру в ножичек, то мерился с ребятами в силе: схватятся два противника ладонями, упрут локти в землю и жмут каждый в свою сторону — кто осилит! Три дня не переставая лил дождь, и кое-кто из студентов решил перейти на сухой паек, но Витька в первый же день принес в палатку ведро с водой, полкуля картошки и крикнул:

— Клинки наголо!

Все вынули ножи, достал и Димка свой перочинный ножик, и вся шумная компания принялась чистить картошку. Свежий, упругий хруст наполнил палатку. Витька тут же объявил соревнование: кто первый очистит картошину. Не обошлось без жульничества: кое-кто пытался выбрать картошину поменьше, да и чистил ее не по всем правилам, а стругал, срезая добрую треть. Провинившегося немедленно заставляли петь арию Ленского: «Куда, куда вы удалились...» Витька ухитрялся под дождем разжигать очаг, ставил на него ведро, чугун или чайник, и у ребят был обед из трех блюд. И вот когда один провинившийся парень с длинным зачесом дрожащим голосом завывал: «Паду ли я, стрелой пронзенный, иль мимо пролетит она...» — и, взяв слишком высоко, на миг остановился, чтоб глотнуть воздуха, до Димки вдруг донесся стон сирены. Он был далекий и тревожный.

Димка вскочил на коленки, подполз к обвисшей брезентовой дверце и напряг слух. Стон повторился.

— Катер! — закричал Димка, вылетел из палатки и под дождем побежал к «штабной», чтоб сообщить отцу. Но мальчишка опоздал: на крутом обрыве уже стояли человек шесть, смотрели на Байкал и взволнованно переговаривались.

Димка не видел ничего, кроме высоких темных волн и сизой мглы. Плотные, синие тучи лежали на море, как зовут тут Байкал, и, казалось, так давили на него, что ему было тесно в своем каменном ложе, и оно гнало на берег волны. Опять закричала сирена, и только сейчас Димка увидел черное пятнышко — прыгающий по волнам катерок.

— Что ему надо? — недовольно спросил долговязый с рыжими усиками, тот самый, что испугался медведя.

— Надо, раз орет! — ответил коренастый парень в коричневой фуфайке, рабочий экспедиции, байкальский житель.

К берегу подходили все новые и новые люди. Собралась небольшая толпа. Вспыхнул спор. Одни утверждали, что катер хочет оставить им какой-то груз, другие говорили, что с катера запрашивают, нет ли в экспедиции больных. Спор становился все ожесточенней.

Внезапно толпа раздвинулась, и к обрыву быстро подошел Витька. Он заходил по краю, не спуская с моря глаз. Потом резко провел рукой по голове. В густых, зачесанных назад волосах блеснули мелкие капли воды.

— А ведь это почта, ребята,— сказал он,— надо принять. Плывем!

Димка взглянул на высокие волны, и по его телу пробежала дрожь: шутит!

Спор сразу стих.

— Ну, чего молчите? Поплывем, что ли?

— Мне еще жить не надоело,— усмехнулся долговязый и отошел подальше от Витьки.

Ветер опять донес качающийся вой — катер сильно швыряло.

На берег пришел Димкин отец. На нем был синий прорезиненный плащ, на шее висел бинокль.

— Иван Савельевич,— подскочил к нему Витька,— почту привезли... Разрешите.

Отец быстро приставил к глазам бинокль.

Море пенилось и клокотало. Волны шли на берег одна за другой с упорством человека, решившего во что бы то ни стало до-

биться своей цели. Шипящие языки пены доползали до лодки, вытащенной на гальку. Байкал бил в берег, и казалось, что отвесная гранитная скала, на которой они стояли, содрогается от ударов.

— Рисковать собственной жизнью из-за какой-то почты? Это в высшей степени глупо,— сказал долговязый, страдальчески морщась от дождя.

Отец опустил бинокль и, не повернув к нему головы, сказал:

— А я тебя и не пошлю. Успокойся...

Набежавшая волна оборвала его голос. Когда волна отошла и на мгновение стало тихо, отец посмотрел на Витьку.

— Плыви.

Витька только и ждал этого. Он прыгнул на отвесную тропу и на каблуках сапог поехал по скользкой грязи. За ним, придерживаясь за кусты, бросились пятеро других. Следом по тропе сполз Димка. Будто чувствуя вину — Витька плывет, а не они! — работали подчеркнуто четко и быстро. Не успел Димка и коснуться просмоленного борта, как лодка с хрустом подъехала по гальке к воде. Переждали гулкий удар, и улетающий назад вал стремительно унес лодку с Витькой.

Он сразу налег на весла, чтобы новый вал не вышвырнул лодку на берег. На ручках весел — худые сжатые пальцы, ветер сдувает на правый висок волосы.

Все стоявшие наверху сошли вниз.

— А вдруг ему и письма-то нет? — со вздохом спросил кто-то.

— Ничего страшного,— протянул долговязый,— наши прихватит, он у нас романтик, любитель острых ощущений...

Ударил вал. Лодка взлетела в синюю тучу, носом рассекла вал, навылет прошла пенистый гребень. Грохот оглушил людей, волна обдала брызгами. Утирая лица, отошли

Он сразу налег на весла, чтобы новый вал не вышвырнул лодку на берег.

подальше от берега. Двадцать пар глаз боялись оторваться от лодки, словно удерживали ее на воде.

— А вдруг утонет? — ахнул кто-то.

— Все там будем,— успокоительно заметил долговязый.

— Это Витька-то утонет? — спросил третий голос. — Иди проспись.

Новый вал еще большей силы обдал людей. Они отошли подальше, к кустам лозы. На катере, очевидно, заметили лодку: он стал приближаться к ней. Он шел, зарываясь носом в буруны, легкий и обтекаемый, как поплавок. Димка знал: через сопки и тайгу дорог нет. Только Байкал связывает экспедицию с внешним миром. Катера да шаланды привозят сюда провизию, почту, инструменты.

По временам лодка исчезала между валами, и тогда что-то холодное, как ящерица, проползало у Димки под рубахой. Но вот становилось видно, как лодка карабкается по стене вала к кривому белому гребню, и мальчишке опять делалось тепло.

Отец не отрывал глаз от бинокля. Он так крепко сжимал его, что пальцы в суставах побелели. Рот у него был сжат, загорелая шея напряжена. «Ох, наверно, и жалеет, что разрешил! Ох, и жалеет!..» — подумал Димка, и ему стало чуточку жаль отца.

— А говоря на полном серьезе, он дурак,— буркнул долговязый. — И что его дернуло?

— Заткнись,— сказал парень в фуфайке,— что бы ты делал, если бы второй месяц писем не получал?

— Велика важность! Ждал бы третий... А от кого он ждет?

Димка подошел поближе, встал на цыпочки, прислушался: все, что касалось Витьки, жгуче интересовало его.

— А тебе что? Есть от кого... Иди в палатку, насморк заработаешь...

— Ага, все ясно! — хихикнул долговязый. — Я же говорил: у него романтическая душа... Привезли бы почту на обратном пути.

— Это через две недели?

— Хотя бы и через три.

— Слушай, ты, вобла копченая, заработаешь! — сказал парень в фуфайке, сплюнул и подошел к самому берегу.

Море хлестнуло по латаным кирзовым сапогам, но он не сдвинулся с места. Витька отплыл так далеко, что уже невозможно было различить ни рук на веслах, ни лица. Да и лодка казалась не больше горохового стручка.

— Как он подойдет к катеру? — сказал отец. — Волна слишком большая.

Теперь только он видел все подробности того, что делалось на море. А Димка ничего не видел. Только серое море и слепое небо, только волны и брызги. А Витька?.. Что он там? Как он там? Хоть бы одним глазком глянуть в окуляр! Димка дернул отца за рукав. Но отец, не отрываясь, пристально смотрел на лодку и не обращал на него внимания. По-прежнему лил дождь. Узкие листья лозняка дрожали под его ударами. Шапки, рубахи и пиджаки промокли. Но никто не замечал дождя. Димка не чувствовал, как с затылка на воротник стекают крупные капли и холод растекается меж лопаток.

Димка смотрел в эту серую мглу, смотрел и думал: правда ли, что из-за письма, из-за какой-то там бумажки Витька плывет сейчас в лодке?

— Подплыл к катеру! — громко, чтоб все слышали, сказал отец и через секунду добавил: — Отбросило волной... Опять подошел! Снова отбросило... Подходит с кормы...

Волны накатывались на берег, били в скалы. И казалось, это не волны, это молотобоец со всего размаха кувалдой вгоняет клепки в пустой корабельный котел. Шел дождь. Он шуршал по гальке, по лозняку, по отцовскому плащу.

— Передали...

Отец опустил бинокль и вздохнул. Он так крепко прижимал его к лицу, что вокруг глаз остались круглые отпечатки окуляров. И лицо его осунулось, как-то сразу похудело, словно после большой и трудной работы. Димка потянулся к биноклю. Но отец снова поднес его к глазам и стал смотреть на море.

Минут через пять волна опустила лодку на песчаную отмель. Витька нарочно подгреб к ней. Он быстро выскочил из полузатопленной лодки, и двадцать крепких рук мгновенно оттащили ее в надежное место.

Димка гордо вытер о штаны липкие от вара руки.

На Витьку налетели со всех сторон.

— Почта?

Он тряхнул головой, полез во внутренний карман куртки — спрятал от дождя — и стал раздавать письма — белые, голубые, с яркими картинками на конвертах и без них, а одному протянул открытку. Долговязый получил сразу три письма. Он ухмыльнулся, пощипал рыжие усики и немедленно ушел в лагерь: больше его ничего не интересовало на берегу. Витька был весь мокрый; потертая куртка с тусклыми вензелями на плечах

блестела, как кожаная, с подбородка и ресниц капало. Но вода так и не могла примять шапку жестких темных волос. Его лицо, румяное, разгоряченное, с горящими глазами, смеялось.

— А себя-то не обидел? — вполголоса спросил парень в фуфайке.

Витька подмигнул ему и прижал палец к губам. Раздав все письма, Витька занемевшими от студеной воды руками застегнул куртку на медные пуговицы и побежал по скользкой тропинке вверх. Рубчатые подошвы его сапог замелькали у Димки перед глазами.

— Счастливец! — вздохнул отец.— А нам-то с тобой, горемыкам, ничего и нет. Ну, пойдем, Дима.

Словно только сейчас заметив, что идет дождь, он прикрыл сына полой плаща. Они зашагали к палаткам.

— Хочешь есть? — спросил отец и, не дождавшись ответа, сказал громко: — Товарищи, прошу в «штабную» на совещание!

Но Димке уже было наплевать и на совещание и на еду. Он бросился к Витькиной палатке.

Он любил, он очень любил этого бесшабашного парня: с ним было весело и хорошо,— но, признаться, того, что только что случилось, Димка не ожидал. Ни за какие деньги не поплыл бы Димка в такую погоду на лодке к катеру. А Витька поплыл...

Мальчишка вскочил в палатку.

Внутри холодный полумрак. На медной пуговице Витькиной куртки висел электрический фонарик и освещал маленький листок почтовой бумаги с тонкой голубой каемкой. Этот легкий листок Витька держал обеими руками. Письмо написано авторучкой, синими чернилами. Кое-где буквы расплылись: видно, Витька распечатал конверт и стал читать, еще не дойдя до палатки, прямо под дождем.

И вдруг Димка заметил, что Витькины пальцы, крепкие, в косых ссадинах, которые только что держали гнущиеся от шторма весла, начинают чуть-чуть вздрагивать. Нет, наверное, показалось...

Витька сидел на спальном мешке с неподвижным, сосредоточенным лицом.

Прочитав первую страницу, перевернул листок другой стороной. И Димке опять показалось, что пальцы его мелко вздрагивают. Буквы на странице, повернутой к Димке, написаны разборчиво, округло, с небольшим наклоном,— видно, писалось письмо не на полевой сумке и не на шершавом кедровом пне, а на гладком, прочном столе. Каждую букву даже на расстоянии разобрать можно. Вот, например, как явственно и твердо написано внизу страницы: «...Оля».

Витька сложил письмо, спрятал во внутренний карман куртки, ладонью провел по волосам и посмотрел на Димку. Димка виновато улыбнулся и пожалел: ну зачем он влез в палатку, когда геолог читал письмо? Кто его звал?

Но Витька смотрел так, словно мальчишки и не было тут. Глаза черные, тяжелые. А были такими быстрыми. Да он ли это? Димке стало не по себе. Он отодвинулся в сторону, подобрал ноги.

Витька смотрел на брезент. Смотрел как раз туда, где только что сидел мальчишка.

В палатку всунулась голова отца.

— На совещание. А ну, живо!

Витька и с места не тронулся. Наверное, не слыхал.

Отец влез в палатку.

— Витя,— спросил он тихо,— что-нибудь случилось?

Витька вздрогнул, точно очнулся.

— Да что вы! Все в порядке,— сказал он и улыбнулся.

— Нет, я серьезно.

— И я серьезно, Иван Савельевич.

— Ну, тогда идем на совещание.

— Иду.

Димка вылез из палатки вслед за ним. Витька подошел к «штабной», постоял немного, словно раздумывая о чем-то. Но в палатку он не полез. Он подошел к обрыву, прислонился плечом к черному стволу мокрой лиственницы и остался так стоять. Шел дождь. Не было видно ни туч, ни волн. Байкал, небо, сопки — все слилось в одну серую мглу. Димка смотрел на Витьку издали, но подойти не решался. Его и узнать нельзя. И все это случилось за каких-нибудь пять минут...

Димка медленно пошел к своей палатке. Отстегнул деревянные палочки-пуговки, открыл дверцу, влез внутрь. Потом лег на матрац и заложил за голову руки. По тугому брезенту монотонно стучал дождь. Стучал, стучал... Под рубахой стучало сердце, и иногда стук дождя сливался с его стуком, а иногда Димка путал стук дождя со стуком сердца. С берега через равные промежутки времени доносились удары волн.

Димка лежал с закрытыми глазами, думал о какой-то Оле и видел тяжелые грохочущие валы и маленькую черную лодку на самой вершине белого гребня.

★

КОНЕЦ ДВУГЛАВОГО ОРЛА

«Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки. ...Николай II» — такое приказание получил от царя 10 марта (по старому стилю 25 февраля) 1917 года командующий Петроградским гарнизоном.

С подданными царь говорил коротко. На докладах министров он, не утруждая себя, ставил всего несколько слов: «Надеюсь, повешены». Или: «Царское спасибо молодцам-фанагорийцам» (на докладе о расстреле забастовщиков). Или: «Молодцы конвойные. Не растерялись» (на докладе об истязаниях и пытках, которым подвергли революционеров в тюрьме). Не тратил он лишних слов и на приказы. Привык, чтобы их выполняли тотчас же. Он был «хозяином земли русской». Так он сам назвал себя, заполняя в анкете во время переписи населения графу о роде занятий.

«Прекратить!» — потребовал царь и, отдав этот очередной приказ о расстреле восставших рабочих, был уверен, что его выполнят.

Но не так-то легко было «прекратить беспорядки» в марте 1917 года.

Семнадцатый год начался в России стачками, рабочими демонстрациями, забастовками. Перепуганная охранка доносила: «Надвигаются события, перед которыми 1905 год—игрушка».

Никакие угрозы, расстрелы, тюрьмы не могли остановить рабочих. Жизнь в России была такой тяжелой, что и смерть не казалась страшной.

Шел третий год мировой войны. Нужна она была только капиталистам, а народ терял в этой войне последние силы. В России свирепствовал голод, разруха.

Царь и капиталисты обрекли рабочих на «медленное умертвление».

«Это медленное умертвление не так заметно. Тут нет ни пушечной стрельбы, тут нет гибели на виду у всех. Незаметно, далеко от глаз сытой толпы, по сырым подвалам и чердакам медленно угасают рабочие из-за недоедания, холода и ужасных санитарных условий» (из листовки большевиков).

Не лучше было и в деревне. У крестьян забрали на войну лошадей, отняли последний скот. Всех, кто мог держать оружие, угнали воевать. Пахать землю было некому.

Даже для армии в стране уже не хватало продовольствия. На Западном фронте солдаты получали только консервы и сухари. На Юго-Западном — похлебку из селедки или просто одну селедку на руки.

Вести, которые приходили к солдатам из дому, тоже были нерадостными. И солдаты — а ведь это те же самые крестьяне и рабочие — теряли терпе-

Петроградские рабочие вооружились. Вместе с солдатами они выбивают полицейских из засады.

ние. В армии нарастали возмущение и гнев против царя.

Сохранились письма фронтовиков того времени. Вот отрывки из них:

«...мы сделали забастовку. Все полки говорят, что довольно воевать, просят мира. Если солдаты не замирят, то мира не будет».

«...как только начнутся внутри России бунты, так и мы забастуем, более не будем воевать».

«...скорее бы, товарищи, нам подняться на борьбу с царем Николаем».

Настроение у солдат было такое, что один из царских генералов, Крымов, докладывал на совещании в ставке главнокомандующего:

«Так дальше идти нельзя.

Армия в течение зимы может просто покинуть окопы и поле сражения».

«Так дальше идти нельзя» — это понимали все: и генералы, и министры, и придворные. Только царь и царица хоть и боялись революции, но никак не хотели поверить, что она уже пришла. Царица описывала начало революционных событий в таких словах:

«Это **хулиганское** движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, просто для того, чтобы создать возбуждение... Если бы погода была холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам...»

Царь считал, что, как и прежде, он сможет расправиться с народом. Стоит лишь заключить мир

МАНИФЕСТЪ

Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи

Ко всѣмъ гражданамъ Россіи.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Граждане! Твердыни русскаго царизма пали. Благоденствіе царской шайки, построенное на костяхъ народа, рухнуло. Столица въ рукахъ возставшаго народа. Части революціонныхъ войскъ стали на сторону возставшихъ. Революціонный пролетаріатъ и революціонная армія должны спасти страну отъ окончательной гибели и краха, который приготовило царское правительство.

...съ пролетаріатомъ воюющихъ странъ для революціонной борьбы народовъ всѣхъ странъ противъ своихъ угнетателей и поработителей, противъ царскихъ правительствъ и капиталистическихъ кликъ и для немедленнаго прекращенія кровавой человѣческой бойни, которая навязана порабощеннымъ народамъ.

Рабочіе фабрикъ и заводовъ, а также возставшія войска должны немедленно выбрать...

Этот манифест большевистской партии был выпущен в день решительного боя с царизмом — 12 марта (27 февраля). Он призывал продолжать восстание до победного конца.

Восстание победило. Народ охраняет революционный порядок. По улицам разъезжают дозорные автомобили.

Весть о свержении царя пришла и в Сибирь. Народ штурмом взял тюрьму для политических заключенных — Александровский централ. Видите гору кандалов? Они были сняты с освобожденных из централа революционеров.

с немцами, армию послать на усмирение рабочих, усилить террор в стране, и все будет в порядке.

Но мира с немцами не хотели капиталисты. Слишком уж прибыльным делом была для них война, слишком много барышей получали они, продавая правительству пушки и снаряды. Капиталисты тоже понимали, что надвигается революция, и тоже хотели каким-нибудь способом ее предотвратить. Но царский способ им не подходил. Они придумали другой. Они решили убрать царя Николая и поставить другого царя — его брата Михаила, который продолжал бы войну. Война была капиталистам необходима. А кроме того, они рассчитывали, что, если не будет на троне ненавистного всем Николая, народ успокоится и революция остановится.

Но им не удалось ни опередить революцию, ни остановить ее. Народ выбрал свой путь. Это был тот путь, который давно указывала ему партия большевиков, Ленин.

27 февраля (14 февраля) Петроградский комитет большевиков обратился к рабочим с воззванием:

«Ждать и молчать больше нельзя! Рабочий класс и крестьяне, одетые в серые шинели и синие блузы, подав друг другу руки, должны повести борьбу со всей царской кликой, чтобы навсегда покончить с давящим Россию позором... Настало время открытой борьбы».

3 марта (18 февраля) вспыхнула забастовка на Путиловском заводе. К ней один за другим присоединялись все крупнейшие заводы Петербурга, а 10 марта (25 февраля), когда пришел царский приказ «прекратить беспорядки», бастовали не только все крупные предприятия Петербурга,— бросили работу трамвайные парки, мелкие мастерские и заводы и даже торговые заведения. Весь трудовой народ столицы с лозунгами: «Долой царя!», «Долой войну!», «Хлеба!» — вышел на улицы и, ожесточенно сражаясь с отрядами полиции, двигался к центру города.

Это была уже не простая демонстрация. Это было начало открытой борьбы, восстания...

В ночь с 10 на 11 марта власти подготовились для решительного сражения с революционными рабочими. На крышах домов и в полицейских участках расставлялись пулеметы, во дворах и на улицах устраивались засады. Жандармы всюду разыскивали и арестовывали большевиков. Пять членов Петроградского городского комитета партии, революционного штаба питерских рабочих, были схвачены.

Но расстроить ряды большевистской партии не удалось. Большевики умели работать в самых тяжелых условиях. Преследования, аресты не были для них неожиданными. Душа партии, Ленин, вынужден

был жить далеко за пределами России, в эмиграции... Свердлов, Орджоникидзе, Сталин, Петровский, Ярославский были в ссылке... В тюрьме сидели Дзержинский, Стасова и еще сотни большевиков, арестованных до мартовских событий. И все-таки партия продолжала работать. Она возглавила революционный пролетариат и повела его на решительную борьбу.

В Петрограде находились члены Русского бюро ЦК: Калинин, Молотов, Ольминский, Залежский. Место арестованного Петроградского комитета партии занял Выборгский райком.

Утром 11 марта он тайно собрался на станции Удельной и по поручению ЦК партии взял на себя руководство восстанием в Петрограде. Тут же был разработан подробный план действий.

Весь следующий день, 11 марта, шли бои рабочих с полицией. Рабочие во многих местах брали верх, разоружали полицейских, создавали свои вооруженные отряды, убеждали солдат переходить на сторону народа...

И все же этот день кончился победой полиции. К вечеру стрельба затихла. Рабочие отступили, унося убитых и раненых.

А 12 марта (27 февраля) рабочие снова вышли на улицу. Они захватили Арсенал на Выборгской стороне и разобрали оружие. Полиция уже ничего не могла с ними поделать. А солдаты в этот день открыто перешли на сторону рабочих.

В ночь на 12 марта учебная команда Волынского полка, еще накануне стрелявшая в рабочих, приняла решение встать за народ. Когда рано утром в казармы явился офицер, застучали приклады о цементный пол казармы, защелкали винтовочные затворы.

«Уходи, пока цел!» — закричали солдаты и высыпали на улицу с криками «ура».

Стреляя в воздух, они двинулись к казармам других полков. Эти полки один за другим присоединились к волынцам: Литовский полк, Преображенский гвардейский полк, саперы. Восставшие солдаты направились на Выборгскую сторону к рабочим, а оттуда, навстречу им, от Арсенала уже шли вооруженные рабочие. Они соединились с солдатами. Теперь это была могучая сила, вооруженная армия революции.

С боем были взяты склады патронного завода, главное артиллерийское управление, захвачены тюрьмы. Освобожденные революционеры сразу же включились в борьбу.

Весь день рабочие, солдаты и матросы выбивали из засад городовых, жандармов и охранников. Уже к вечеру столица была полностью в руках восставших. Эмблему самодержавия — двуглавого орла — сшибали с крыш правительственных зданий, сбивали с вывесок. Железных орлов ломали, из деревянных устраивали костры.

Самодержавие рухнуло. А царь все продолжал цепляться за власть. Он отозвал часть войск с фронта и отправил их в Петроград, чтобы силой оружия подавить там восстание.

Из этого ничего не вышло. Как только солдаты встретились с рабочими, они перешли на сторону революции. Не только простые солдаты — казаки «собственного его величества конвоя», надев красные банты, с пением «Марсельезы» вышли на улицу.

Теперь даже те, кто был за царя и его власть — придворные, генералы, министры, — увидели, что сопротивление безнадежно, бесполезно. Они уговорили Николая, и 15 марта царь подписал отречение от престола в пользу Михаила. Но и тот, боясь революции, не захотел стать царем. А для рабочих все это уже не было важно. Царь перестал существовать для народа гораздо раньше: в тот день, когда восстание победило. И, не дожидаясь царских манифестов об отречении, тысячи рабочих, солдат, матросов заполнили 12 марта (27 февраля) огромный зал Таврического дворца. Здесь состоялось первое заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — первое заседание новой власти, создаваемой народом.

Революция из Петрограда перекинулась в другие города страны. Победным маршем прошла она по России.

14 марта народ победил в Москве. 17 марта состоялось первое заседание Московского Совета солдатских депутатов. Во всех других городах рабочие

Вот одно из знамен революции. Его несли на демонстрации рабочие снарядного завода в Москве. На знамени — призыв: «Да здравствует демократическая республика!».

тоже свергали старую власть и создавали свою — Советы рабочих и солдатских депутатов.

Но капиталисты вовсе не хотели уступать власть народу.

Они ненавидели восставший народ. Один из видных деятелей буржуазии, Шульгин, писал в своих воспоминаниях: «Пулеметов, вот чего мне хотелось, ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя... Увы — этот зверь был... его величество русский народ».

Но усмирить народ капиталистам не удалось. И помешать восстанию они не успели. Зато после свержения царя они старались повернуть все в другую сторону, себе на пользу.

Буржуазия решила создать свое правительство. Об этом тоже рассказывает в своих воспоминаниях Шульгин. Вот его разговор с миллионером Родзянко, которому буржуазия предлагала взять в руки власть, стать во главе правительства:

«Родзянко долго не решался... он все допытывался, что это будет — бунт или не бунт?

— Я не бунтовщик, никакой революции я не делал и не хочу делать. Если она сделалась, то именно потому, что нас не слушались... Но, с другой стороны, правительства нет... Что делать? Как же быть?

Я ответил совершенно неожиданно для самого себя, совершенно решительно:

— Берите, Михаил Владимирович. Никакого в этом нет бунта... Положение ясно. Может быть два выхода: все обойдется — государь назначит новое правительство, мы ему и сдадим власть... А не обойдется, так если мы не подберем власть, то подберут другие, те, которые выбрали уже каких-то мерзавцев на заводах...»

Было создано правительство, в котором все министры были крупными помещиками или капиталистами.

Чтобы обмануть народ, это правительство для отвода глаз назвали Временным.

И вот в России оказалось две власти: народная — Советы и буржуазная — Временное правительство. Они неминуемо должны были вступить в борьбу.

Борьба была впереди. Как она шла, как победили Советы, мы будем рассказывать вам, ребята, в следующих номерах журнала.

Е. Манучарова

Восставший народ разрушал царские памятники. Как символ поверженного самодержавия долго валялась в пыли на одной из московских улиц каменная голова царя в короне.

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

(Продолжение)

Павел Вежинов **Рисунки Ф. Лемкуля.**

Письмо

Под вечер компания отправилась к дому, в котором жил зубной врач. Юлия подошла к ребятам: она должна была показать рыжего задиру. Улица была почти безлюдной, лишь несколько малышей играли на тротуаре в «классы». Прошел час, миновал второй, и хотя немало мальчишек прошмыгнуло за это время мимо, рыжий все не появлялся.

— Что же, нам до утра, что ли, торчать на улице? — стал ворчать Бебо.— Пойдемте-ка лучше домой, а утром снова придем сюда.

Рыжий появился неожиданно, когда уже совсем стемнело. Юлия, еще издали признавшая обидчика, решила не выдавать его. Девочке не хотелось, чтобы из-за нее мальчишки затевали драку, и сейчас она не знала, как замять всю эту неприятную историю. Но было уже поздно: по внешности и повадкам рыжего ребята сразу узнали его.

— Он?

— Не знаю, вроде он,— уклончиво ответила Юлия.

— Не узнаешь? — подозрительно спросил Пешо.— Уж не хочешь ли ты...

— Ясное дело, он,— заявил Веселин, медленно поднимаясь с тротуара.

— Я один с ним справлюсь,— тоном приказа сказал Пешо.— Вы только смотрите, чтобы он не удрал!

Когда рыжий поравнялся с группой, перед ним выросла живая стена. Выступив вперед, Пешо кивнул головой в сторону Юлии и сурово спросил:

— Узнаешь ее?

— И в глаза не видал! — нахально заявил рыжий.

— Врешь! — возмутилась Юлия.

Схватка продолжалась несколько секунд. Хотя рыжий был выше и сильнее, Пешо несколькими молниеносными ударами сбил его с ног и сел на него верхом.

— Сдаешься? — тяжело дыша, спросил Пешо.

— Сдаюсь,— сквозь зубы процедил рыжий.

— Будешь бить девчонок?

— Не буду...

— Брось ты его,— сплюнув, сказал Веселин.— Нашел с кем разговаривать!

На улице показалось несколько мальчишек. Они молча остановились вдали, явно не желая ввязываться в драку. Пешо встал. Медленно поднялся и рыжий, ладонью потирая синяки.

— Если снова будешь приставать к девчонкам, смотри! — пригрозил Пешо.

Рыжий молчал. Вдруг он замахнулся, изо всех сил двинул Пешо по скуле и скрылся в ближайшей подворотне.

— Вот ведь подлец! — даже удивился Чарли.

К группе несмело стали подходить мальчишки, издали наблюдавшие за поединком. Один из них, в очках, одобрительно сказал ломающимся, мальчишеским баском:

— Здорово ему влетело! Он никому на улице проходу не дает.

— Могли бы сами проучить!

— Проучишь такого!.. Да нам и драться не велено,— вздохнул очкастый.

— Ну и подставляйте свои бока, если вам это нравится,— заключил Чарли.— Пошли, ребята!

Через полчаса компания была уже в своем скверике. Коста и Фис доложили, что Тороманов выходил, купил кое-какую мелочь и опять вернулся домой. Ничего подозрительного не произошло. Веселин распределил дежурства на завтрашний день, и ребята стали расходиться по домам.

— Бебо, подожди немного,— окликнул Пешо.

Задержался и Веселин. Ему хотелось узнать, о чем это Пешо собирается разговаривать с Бебо.

— Недавно Тороманов заходил к вам,— начал Пешо.— Ты знаешь об этом?

— А ты откуда знаешь? — удивился Бебо.

— Мы все знаем.

— Приходил,— подтвердил Бебо,— но только я тогда не знал ничего.

— А зачем приходил?

— Не знаю,— покачал кудрявой головой Бебо.— Я только слышал, как папа сказал маме, когда Тороманов ушел: «Ты видела, какой нахал?»

— Если Тороманов приходил к твоему отцу, значит, отец знает его?

— Наверное, знает...

— Тогда вот тебе задание: ты должен как-нибудь половчее выведать у отца, что за человек этот Тороманов, и вообще разузнать про него побольше. Понятно?

— Так прямо и спросить папу?

— Зачем же это прямо? — рассмеялся Веселин.— Лучше сторонкой, незаметно как-нибудь. А то ты его спросишь прямо, и он тоже прямо: «Зачем тебе это знать?».

На четвертый день после этого разговора Бебо спозаранку примчался в скверик, где в засаде сидели два дежурных разведчика.

— Важные новости! — на ходу кричал он.— Сбегай-ка за Пешо и остальными!

Когда прибежал Пешо, Бебо с таинственным видом вытащил из кармана сложенный вчетверо лист бумаги, развернул его и торжественно начал:

— «Дорогой товарищ Савов...»

— При чем тут Савов? — нетерпеливо перебил его Пешо.— Что это за письмо?

— А вы слушайте, сами все узнаете!

— Нет, ты прежде скажи, что за письмо!

— Письмо, письмо! — рассердился Бебо, недовольный тем, что все получается не так эф-

фектно, как он задумал.— Слушайте: «Дорогой товарищ Савов! Недавно приходил ко мне некий инженер Тороманов, мой бывший сослуживец. Узнав каким-то образом о нашей с тобой дружбе, он очень просил, чтобы я помог ему устроиться на работу на твои рудники. Под благовидными предлогами я уклонился от рекомендации. Но у Тороманова могут найтись доброжелатели, которые, чего доброго, согласятся его рекомендовать тебе, зная, что ты нуждаешься в опытных инженерах. Поэтому я и решил на всякий случай предупредить тебя вот о чем: Тороманов, по-моему,— скользкий человек, двуличный. Впрочем, суди сам: до 9 сентября[1] я вместе с Торомановым служил в военно-инженерной мастерской. Тороманов был в чине подполковника. Поговаривали тогда, что по его вине была раскрыта одна из наших подпольных групп, снабжавшая партизан оружием. Одного из членов этой группы предали суду и расстреляли. После 9 сентября 1944 года Тороманова арестовали, но так как прямых улик против него не оказалось, его выпустили.

Я не против того, чтобы он работал, но не на таком важном государственном предприятии, как твои рудники.

С дружеским приветом

К. Апостолов».

— Какой же подлец, оказывается, а? — выругался Коста, когда Бебо кончил читать.— Партизана из-за него расстреляли!

— И еще романчики почитывает!

— Я сразу сказал: тут что-то есть! — торжествуя, напомнил Веселин.

— А кто такой Савов? Где его рудники? — поинтересовался Пешо.

— Ты лучше расскажи, Бебо, где ты это письмо достал! — потребовали ребята.

История письма оказалась совсем простой: утром, как это часто бывало, Бебо сел за отцовский письменный стол, чтобы почитать книжку. На столе лежало какое-то письмо, очевидно, забытое отцом перед уходом на работу. Когда Бебо отодвигал письмо в сторонку, ему невольно бросилась в глаза хорошо знакомая фамилия: «Тороманов». Он тут же прочитал, а потом переписал письмо. Вот и все.

Друзья поручили Бебо раздобыть как можно больше дополнительных сведений о Тороманове, о Савове и о рудниках.

— Главное, не выдавай себя. Никто не должен знать, зачем нам все это нужно...

— Можешь не беспокоиться! — снисходительно усмехнулся Бебо.— Я в таких делах разбираюсь.

Что это значит

Приближалось время обеда. Первым заторопился домой Чарли. Он с утра улизнул из дому, даже не предупредив мать, куда уходит и когда вернется. Это случалось с ним крайне редко.

Отца у Чарли не было: он умер лет десять назад. С тех пор рано овдовевшая женщина содержала и себя и сына на те небольшие средства, которые ей удавалось заработать. Была она портнихой, обшивала заказчиц, которым были не по карману первоклассные мастерицы или дорогие ателье.

Чарли понимал, как трудно достается матери каждый грош. Не только в каникулы, но и после уроков он всегда помогал ей по хозяйству, бегал за покупками.

Взбежав на площадку второго этажа, Чарли открыл дверь своим ключом и тихо вошел в прихожую. Из соседней комнаты сюда доносились два женских голоса: громкий, хрипловатый голос незнакомой гостьи и другой, чуть слышный, мягкий — мамин.

— Кто там? — послышалось из-за двери.

— Я, мама...

Распахнув дверь, Чарли увидел привычную картину: сметанные платья, отрезы, бумажные выкройки, катушки, разбросанные по полу лоскуты. Перед большим зеркалом стояла высокая, нарядно одетая женщина с крашеными, льняного цвета волосами; мать, с сантиметром в руках, снимала с нее мерку.

— Это ты? Вовремя пришел. Пойди вымой тарелки,— сказала мама таким тоном, что Чарли так и не понял, сердится она на него или нет.

Подняв глаза, Чарли случайно взглянул в зеркало, да так и обмер: там отражалось худое, накрашенное, капризное лицо госпожи Тороmановой.

Стараясь ничем не выдать своего волнения, Чарли медленно повернулся и неторопливо пошел в кухню, предусмотрительно оставив дверь открытой. Ему казалось, что какая-нибудь случайно оброненная фраза или хотя бы одно словечко Тороmановой наведет группу на верный след.

Перед большим зеркалом стояла высокая, нарядно одетая женщина.

[1] 9 сентября 1944 года — начало антифашистского восстания в Болгарии.

На кухне он мигом сунул грязные тарелки в горячую воду и, сняв ботинки, неслышно, на цыпочках, пробрался в полутемную прихожую.

— Простенькое платье вам не к лицу,— убеждала Тороманову мать Чарли.— У меня есть такие элегантные фасоны... Будто специально для вас придуманы...

— Нет, нет, ни в коем случае! — резко перебила ее Тороманова.— Все это мне совсем не нужно. Я хочу сшить пару самых простеньких платьев, вроде домашних. И ничего элегантного. Так и запомните!..

— Жаль... Вы только взгляните на фасончик. Подчеркнута талия, небольшое декольте...

— Нет, нет! Никаких декольте!.. Ни в коем случае! — запротестовала заказчица.

— Напрасно. Вы так молодо выглядите...

Польщенная Тороманова сразу оттаяла.

— Вы, пожалуй, правы,— согласилась она,— но сейчас такие времена... Стоит появиться в декольтированном платье — и вас назовут буржуйкой... Чем скромнее, тем лучше.

Наступило неловкое молчание.

— А что вы хотите сшить из сукна? — переменила тему мать Чарли.

— Спортивную юбку. Самую обыкновенную.

— Это не так просто, как вам кажется,— подумав, ответила портниха.— За неделю я не успею сшить все, что вы просите.

— То есть как не успеете? — нетерпеливо возразила Тороманова.— Это два-то простеньких платья и одну юбку?.. Вы не-пре-мен-но должны успеть.— Она властно подчеркнула слово «непременно».

— Но у меня есть старые заказчицы, которым я обещала...

— Отложите на несколько дней другие заказы,— перебила ее Тороманова.

— Не могу,— покачала головой портниха.— Я никого не обманываю, это не в моих привычках.

— В таком случае поработайте сверхурочно. Один — два вечера посидите подольше. Я вам хорошо заплачу за работу... вдвойне. Не позже чем через неделю я непременно,— она снова подчеркнула это слово «непременно»,— должна получить свой заказ.

— Уезжаете, наверное, куда-нибудь?

— Возможно,— неопределенно сказала заказчица.

Что ответила мать, Чарли не расслышал: за дверью раздались легкие шаги, и он стремглав метнулся в кухню. Мать вошла в кухню, когда Чарли уже заканчивал свою работу. Мельком взглянув на ее усталое лицо, он спросил:

— Та ушла, что ли?

— Ушла,— вздохнула мать, приподнимая крышку кастрюли.

Кухня наполнилась аппетитным запахом тушеного лука.

— Это не жена ли Тороманова? — как можно равнодушнее проговорил Чарли.

— Она самая.

— Раньше я никогда ее у тебя не видел.

— Первый раз пришла,— задумчиво ответила мать и будто про себя, вполголоса проговорила: — Как времена меняются, а? Разве прежде госпожа Тороманова пожаловала бы ко мне? Кроме мадам Дюранти, она и адресов-то портних не знала... Я, когда работала у этой самой мадам, частенько встречалась с Тороманой. Боже мой, как она тогда помыкала нами! И до чего же была прижимиста!

— Скупая? — удивился Чарли.

— Когда деньгам счету не знала, так из-за каждого гроша торговалась, а нынче за ситцевое платье двойную цену предлагает!

За обедом Чарли попытался было возобновить разговор про Тороманову, но вскоре убедился, что ничего нового ему не узнать. «И почему это она так торопит маму? — недоумевал он.— Уж не удирать ли они собираются?» Эта догадка так встревожила мальчика, что, торопливо проглотив обед, он выскочил из-за стола, пробормотал что-то о важном деле и убежал.

Чарли помчался было к Пешо, но на полдороге вспомнил, что тот сейчас должен быть на посту, и повернул в скверик. Пешо на месте не оказалось.

Чарли, поразмыслив, решительно засунул руки в карманы и направился к Веселину. Он любил бывать в этом уютном доме: мать Веселина была такая приветливая и веселая, что с ней дружили все ребята. Да и сама она тонкой фигуркой и всем своим поведением напоминала озорного мальчишку. Встретив на пороге Чарли, она взъерошила его волосы и с притворной строгостью приказала:

— А ну, признавайся во всем, разбойник!

— Веселин дома? — попробовал увильнуть от ответа Чарли.

— Скажи лучше, сколько порций мороженого вы слопали вчера?

— Всего по две...

— Это мало, по-твоему?.. А теперь вот Веска заболел... Ну, ладно, иди к нему.— И она легонько подтолкнула мальчика в спину.

Веселин и в самом деле лежал в постели. В комнате было прохладно. Свет едва пробивался сквозь задернутые шторы. Букетик желтых цветов в фиолетовой вазочке стоял у изголовья. От всей комнаты веяло чистотой и свежестью.

Чарли плотно прикрыл за собой дверь и пошел к приятелю.

— Ты что, всерьез, а?

Веселин неопределенно хмыкнул.

— Ведь говорил же я тебе: нельзя есть четвертую порцию мороженого! А ты что?.. Живот заболел, да?

— Ничего у меня не болит,— зашептал Веселин, приподнимаясь на локтях,— я притворяюсь.

— Тут такие дела, а он притворяться вздумал! — заворчал Чарли.

— Ты слушай! — перебил его

— Ничего у меня не болит,— зашептал Веселин.

Веселин.— Мама собирается завтра утром отправлять меня в пионерский лагерь, а я не хочу. Только бы они поверили, что я и вправду заболел!..

Чарли удивленно посмотрел на друга.

— Не хочешь ехать в лагерь? — словно сомневаясь, спросил он.

— Вот чудак! В лагерь-то я хочу, да разве можно мне сейчас уезжать? А Тороманов? Ничего не поделаешь, попрошу папу, чтобы меня послали во вторую смену...

Тут только Чарли вспомнил, зачем пришел к своему другу.

— Заболтались мы с тобой! А я ведь из-за Тороманова к тебе и явился! Он, по-моему, удирать собирается.

— Удирать?! — встревожился Веселин.—То есть как удирать?

Чарли подробно пересказал весь разговор матери с Тормановой. Забыв про лагерь, друзья наперебой заговорили о тех таинственных приключениях, которыми они жили все эти дни.

— Интересная история! — задумчиво проговорил Веселин.— Почему она так торопится с платьями? Нам надо обязательно докопаться до этого!

— И зачем ей понадобились простенькие платья? Из скромности, скажешь, да? Ходит всегда расфуфыренная, а тут вдруг... По бедности? Тоже нет! Ситец покупает самый дешевый, а за шитье платит вдвойне... Что это такое?

— Ты, небось, еще что-то знаешь? — недоверчиво спросил Веселин.

— Сдается мне, что она просто хочет замаскироваться,— высказал свою догадку Чарли.— Хочется ей стать похожей на простую женщину, вроде моей мамы.

— Нет, не то... Ну, платье она наденет другое, а лицо-то останется прежним... Любой человек за километр узнает ее крашеные волосы и нарисованные бровки.

— Ничего ты в таких делах не кумекаешь! И волосы и брови — все можно перекрасить. Вымазал черной краской — и все тут! А ей и краситься не надо: просто помоется как следует с мылом, и ты ее ни за что не признаешь!

— А зачем ей маскироваться?

— Если бы я знал,— пожал плечами Чарли.— Может, они хотят убежать за границу?

— Могут,— согласился Веселин.

— Тогда все наши труды пойдут насмарку... Если Тороманов убежит, мы во всем будем виноваты. От милиции, небось, не удрали бы!

Ребята, встревоженные неожиданным поворотом дела, умолкли.

— Давай все-таки пойдем в милицию и расскажем там обо всем,— упавшим голосом предложил Веселин.

— Пожалуй, верно. Придется,— нехотя согласился Чарли.

Ребятам показалось, будто в комнате как-то вдруг потемнело. Все эти дни, пока они следили за Тормановым и мучились, разгадывая его странные поступки, жизнь их была, как никогда, интересной и разнообразной. Впервые столкнулись ребята с настоящим, серьезным делом. Сколько было бы радости, если бы они сумели самостоятельно довести его до конца! А вот теперь у них только один-единственный выход: рассказать обо всем милиции, а самим скромно отойти в сторонку...

— Ты как хочешь, а все-таки мы должны поговорить с Пешо,— нашелся наконец Веселин.

— Конечно, должны! — обрадовался Чарли.

Не признаваясь в этом друг другу, мальчики надеялись, что Пешо не согласится с ними. Они невольно чувствовали, что характер у Пешо потверже, что такой парень, как он, не побоится взять на себя ответственность, которая им самим была не по плечу.

— Знаешь что,— предложил Веселин,— ты иди в сквер и жди там Пешо, а когда он вернется, приходите ко мне — поговорим и решим, что делать.

Чарли отправился в сквер. Пешо не было на посту, однако ждать его пришлось недолго. Минут через тридцать вдали показался Тороманов со своей неизменной сумкой. Он возвращался домой не спеша, не оборачиваясь и не глядя по сторонам. Шагах в пятидесяти позади него неторопливо, с безразличным видом шествовали Пешо и Бебо.

Когда приятели собрались вместе, Чарли, стараясь ничем не выдать своей тревоги, рассказал Пешо о мнимой болезни Веселина и предложил на минутку забежать к нему: ничего, дескать, не случится, если Бебо и один недолго побудет на посту. Бебо возражать не стал, и друзья направились к «больному».

По дороге Пешо рассказал Чарли, что ничего подозрительного в поведении Тороманова за этот день они не заметили. Около получаса тот вертелся в палатке возле жены, потом ушел, купил десять пачек сигарет, заглянул в магазин, торгующий туристскими принадлежностями, никаких покупок там не сделал и вернулся домой.

— Что-то не везет нам,— закончил Пешо свой рассказ.— Вроде бы и на верном пути, а понять ничего нельзя.

— Пожалуй, так,— неопределенно ответил Чарли.— Вот сейчас соберемся у Веселина, авось, кое-что и прояснится,— загадочно добавил он.

Пешо краешком глаза подозрительно посмотрел на Чарли, но расспрашивать ни о чем не стал. Из всей компании он один умел, когда это было нужно, оставаться сдержанным и не ронять своего достоинства излишним мальчишеским любопытством.

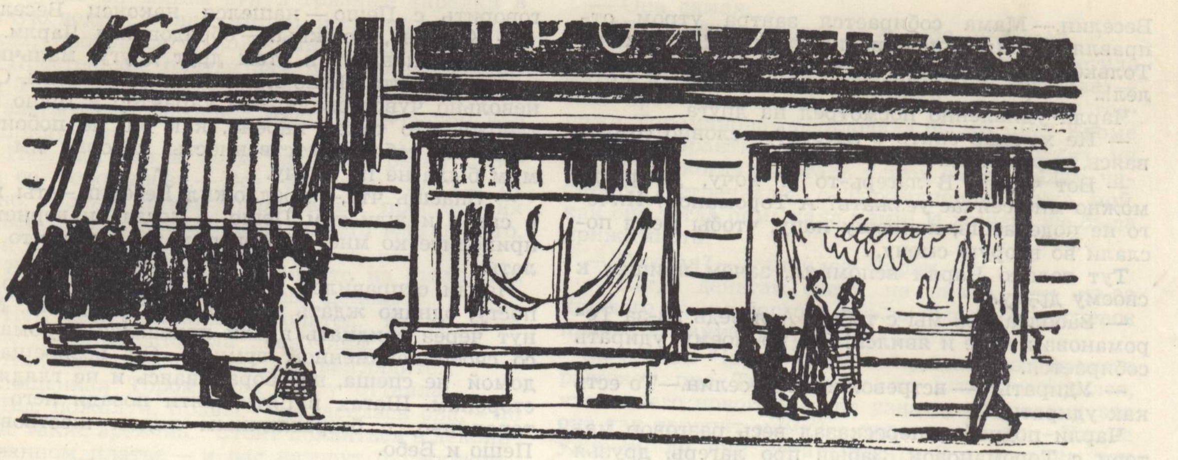
Спокойно выслушал он сбивчивый рассказ Веселина и Чарли, лишь изредка перебивая их каким-нибудь коротким вопросом.

— Вот и все,— закончил Веселин, слегка обиженный невозмутимостью приятеля.— Пора нам решать, как быть дальше, а дела, сам видишь, какие...

Пешо продолжал молчать. Но Веселин зря думал, будто он равнодушно отнесся к таким важным новостям.

«Неужели,— думал он,— пришел конец нашим приключениям? Неужели утром придется пойти в милицию и все, что они с таким трудом разузнали, добровольно отдать в чужие руки?» Пешо и сам понимал: ребята предлагают дельный выход. Остальное им не по силам. Не по силам? Но разве не они, мальчишки, нашли преступника, не они открыли его гнездо, не они разгадали его тайные планы? А теперь отказаться от всего? Неужели они не сумеют довести дело до конца? Еще как сумеют! Вот только бы узнать, какую дверь Тороманов открывает тем ключом, который он выбросил!.. Если они и это выведают, ну, тогда не обидно будет в милицию заявить...

— Ты что, оглох, что ли? — рассердился Веселин.

В этот день Тороманов рано вышел из дому.

Пешо, очнувшись, поднял голову.

— Я слушаю,— сухо ответил он.

— Тебе рассказывают, а ты по сторонам смотришь!

— Когда Тороманова собирается зайти за платьями?

— На той неделе, в среду.

— Через шесть дней, значит. Чего же паниковать?

— Никто и не паникует,— обиделся Чарли.

— Но ведь до среды они никуда не денутся? Вот я и предлагаю: в тот самый день, когда Тороманова придет за своими платьями, пойти в милицию и обо всем рассказать. Ну, что, согласны?

— Согласны! — в один голос закричали Веселин и Чарли.

Исчез...

Однажды утром, кроме дежурных наблюдателей, в скверике собралось несколько помощников-добровольцев. Всем им не терпелось узнать, когда появится Тороманов и куда он пойдет. Часов в восемь утра из дому вышла высокая, худая женщина в темных очках, на которую сперва никто не обратил внимания. И вдруг Чарли, которому фигура женщины показалась удивительно знакомой, вскрикнул:

— Да ведь это же Тороманова!

Ребята сразу насторожились: и верно, она! Лишь приглядевшись, они сообразили: волосы! Тороманова была блондинкой, а сегодня оказалась вдруг темно-русой. Она не только перекрасила, но и подстригла волосы, смыла краску с бровей и ресниц, да и губы ее уже не были ярко-красными, как прежде.

Тороманова свернула за угол.

— И туфли стала носить на низком каблуке,— заметил Пешо. И добавил:— Теперь надо в оба присматривать за ними.

На другой день Тороманов рано вышел из дому, зашел в магазин, торгующий туристскими принадлежностями, и вышел оттуда с перекинутым через плечо вещевым мешком.

«Готовятся!» — решили ребята.

Наступил воскресный день. Обычно в такие дни мальчишки отправлялись за город. Чаще всего ездили они на реку Искыр — купались, загорали, ловили рыбу, а поздно вечером дачным поездом, веселые и усталые, возвращались домой. Но в этот воскресный день никто из них даже и не вспомнил о тенистых берегах любимой реки: нужно было остаться в городе и следить за Торомановыми.

Дежурный чуть свет заступил на пост, однако целый день никто из Тороманових на улице не появлялся. «Уж не скрылись ли они ночью?» — встревожились ребята. Когда напряжение достигло крайнего предела, они решились на крайнюю меру: пойти и проверить, дома ли Тороманoвы. Коста получил задание: подняться наверх и долго, настойчиво звонить Тороманoвым. Если ему откроют, Коста должен спросить доктора Найденова, которого будто бы срочно вызывают к больному в соседний дом. Доктор Найденов жил этажом выше, но Коста должен был сделать вид, будто второпях он ошибся.

План тут же был приведен в исполнение, но разведка оказалась безрезультатной. Напрасно Коста звонил, напрасно с бьющимся сердцем стоял он перед закрытой дверью. Никто не отвечал ему, за дверью стояла непроницаемая тишина. «Неужели они так крепко спят? Да нет, кто же ложится спать в половине шестого вечера?» Коста позвонил последний раз, подождал с минуту и, понурив голову, поплелся вниз.

Компания встревожилась не на шутку: а вдруг Тороманoвы и в самом деле ночью бежали? Когда стемнело, свет вспыхнул во всех окнах дома, кроме окон торомановской квартиры; они оставались темными, шторы по-прежнему были задернуты.

— Все ясно,— пробормотал Коста,— они улизнули ночью, пока мы спали.

— Это еще неизвестно,— больше для успокоения собственной совести заметил Пешо.

— Они могли и за город поехать,— неуверенно высказала свое мнение Юлия, поглядывая на взволнованного Пешо.— На дачу куда-нибудь...

Обсудили и этот вариант, хотя никто всерьез в него не верил.

— Плохи наши дела! — махнул рукой Коста.— Какой же дурак поедет за город ночью?

— Ездят и ночью... Некоторые даже с вечера уезжают,— снова вставила Юлия. Ей хотелось хоть сколько-нибудь утешить ребят.

— Ездить-то ездят,— возразил Чарли,— да только не такие люди, как Тороманов.

— Растрещались, сороки! — оборвал ребят Пешо.

Никто не хотел уходить домой. Просидели в скверике часов до десяти вечера. Заговорили о том, как лучше предупредить милицию обо всем случившемся. Вспомнили, что у Фиса дядя работает в министерстве внутренних дел. Только Пешо и Веселин упрямо поглядывали на улицу, словно еще на что-то надеялись.

И правда, часам к одиннадцати вдали блеснули автомобильные фары, а через минуту — другую мимо скверика промчалась легковая машина. Ребята заметили, что она сильно запылена и даже забрызгана грязью, хотя дождя в этот день в городе не было. Веселин успел заглянуть сквозь стекла пролетевшей машины. Перед его глазами промелькнула женская голова в развевающемся шелковом шарфе, рядом с ней блеснул огонек сигареты.

— Тороманы! — неуверенно вскрикнул он.

Вся группа вскочила на ноги и бросилась на улицу.

— Стой! — властно скомандовал Пешо.— Проверим мы с Чарли!

Когда они вдвоем выскочили из скверика, машина уже остановилась перед домом, в котором жили Торомановы.

— В автомобилях разбираешься? — тихо спросил Пешо.

— Еще бы!

— Запомни марку машины и номер. Я буду наблюдать за пассажирами.

Прежде чем они успели подойти, из машины вышли усталые Торомановы. Следом за ними появился шофер. При свете уличного фонаря ребята разглядели, что на вид ему было лет сорок, что у него продолговатое лицо и черные подстриженные усики. Этот высокий, стройный человек не очень-то был похож на обыкновенного шофера: тщательно выутюженные брюки, ладно скроенная клетчатая рубашка. Подойдя к багажнику, он достал оттуда рюкзак и молча подал его пассажиру. Тороманой уже не было, а ее муж, кивнув шоферу головой, направился к подъезду.

Ребята медленно прошли мимо машины. Мгновение спустя позади них снова вспыхнули ослепительно яркие фары, раздался шум мотора. Автомобиль, с места набрав большую скорость, обогнал их и тут же свернул налево, в первый переулок.

— Все видел? — спросил Пешо.

— Все.

— Марка машины?

— «Шевроле», пятиместная, цвет черный, заднее крыло справа помято, на окнах шторки, на ветровом стекле «дворник»...

— А номер?

— Софийский — одна тысяча сто пятьдесят.

Тревожный день наконец кончился. Ребята разошлись по домам. Но уже в шесть часов утра очередной дежурный, как и полагается, был на своем посту. К восьми в скверике собралась вся группа. Утро не принесло ничего нового. Торомaнова сходила в молочную, муж — за газетой и сигаретами. На работу они не пошли: устали, наверное, после воскресной прогулки, а может быть, понедельник у них был выходным днем.

Часа в четыре толстяк вторично вышел из дому с базарной сумкой. По пятам за ним отправился Пешо, а Юлию и Бебо послали к дому зубного врача.

Компания встревожилась не на шутку...

В кабинете зубного врача

Запыхавшись от быстрого бега, Бебо и Юлия примчались к дому зубного врача. Здесь они должны были поджидать Торомaнова на случай, если бы тому удалось ускользнуть от Косты. Бебо было поручено следом за Тороманoвым под видом пациента проникнуть к врачу в кабинет.

По правде говоря, ему очень не хотелось идти к этому самому доктору. Бебо уже заранее словно чувствовал, как тонкое сверло вгрызается в его зуб...

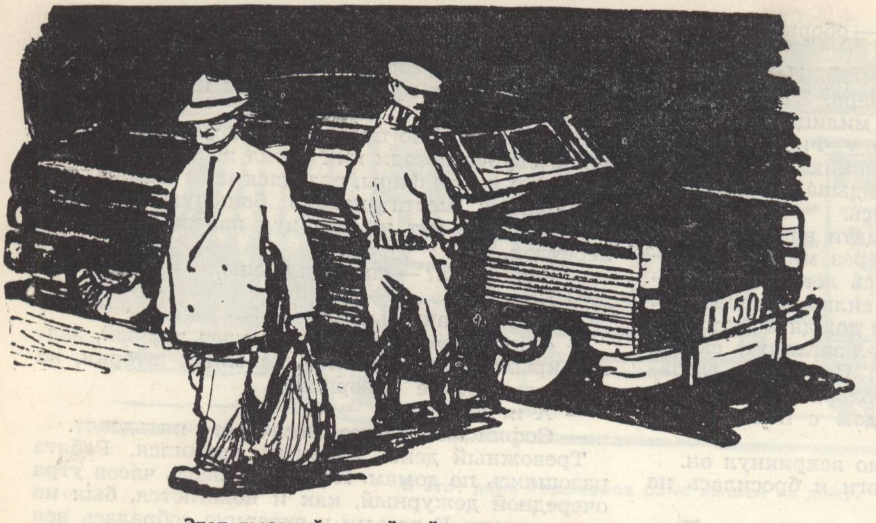
Улица оставалась пустынной. Лишь откуда-то издали доносился сюда привычный шум столицы: звонки трамваев, гудки автомобилей, заливистые свистки милиционеров. А здесь, на этой улице, царил непривычный покой. Из какой-то подворотни появился серый откормленный кот и, лениво потягиваясь, вразвалку засеменил по мостовой.

— Кис-кис! — позвала его Юлия, но тут же прикусила язык, вспомнив, что ей, взрослой, серьезной девочке, получившей столь важное задание, не к лицу заниматься всякими пустяками.

Прошло уже минут пятнадцать, если не больше, однако ничего подозрительного не произошло. Время от времени появлялись случайные прохожие, иногда, позванивая, проезжал мимо велосипедист, и снова наступала тоскливая тишина. Окна квартиры зубного врача оставались распахнутыми настежь, но и оттуда не доносилось ни звука. За все время из этого дома вышла только сгорбленная старушка.

— Знаешь что, Бебо, давай сыграем в «классы»? — предложила Юлия.

— Вот еще! — презрительно фыркнул Бебо. Сейчас он думал только о том, как бы избавиться от посещения зубного врача.— Что, ты меня девчонкой считаешь, что ли?

Этот высокий, стройный человек не очень-то был похож на обыкновенного шофера.

ни малейшего желания драться с рыжим Крумом.

— С ним лучше не связываться,— сказала Живка.

И тут, как нарочно, на улице появился рыжеволосый Крум и неторопливо зашагал прямо к ним. Как всегда, он был бос, в одной руке сжимал увесистую палку, в другой — какую-то железку.

Кровь застыла в жилах Бебо, когда он увидел до зубов вооруженного врага.

Рыжий, чувствуя свое превосходство, решительно шел на сближение, а когда заметил Юлию, злобно сощурил свои узенькие глазки.

— А ну-ка, проваливайте отсюда! — грубо приказал он.— И чтобы духу вашего тут не было!

— Сам проваливай! — огрызнулся Бебо дрогнувшим голосом. Выражение твердой решимости как-то сразу исчезло с его лица.

— Мальчики тоже играют в «классы».

— Это только сосунки играют в девчачьи игры!

— Вовсе и не сосунки! — настаивала Юлия.— Сделаем вид, будто мы пришли сюда поиграть, тогда никто не удивится, что мы торчим тут так долго.

С таким убедительным доводом Бебо волей-неволей пришлось согласиться. Достав из кармана кусочек мела, Юлия быстро начертила на тротуаре «классы». С тех пор, как мальчики приняли ее в свою компанию, ей никак не удавалось поиграть, и сейчас она очень обрадовалась, что можно наконец попрыгать на одной ножке.

— А мне можно поиграть с вами? — раздался чей-то голос.

Обернувшись, Юлия увидела рядом высокую девочку с двумя толстыми, черными, как смоль, косами, спадавшими на грудь, и с алым пионерским галстуком на белой блузке. Она сразу узнала Живку, с которой познакомилась несколько дней назад, когда поджидала здесь Тороманова.

— Ой, это ты! — обрадовалась Юлия.— Давай поиграем. Втроем интереснее.

Бебо поморщился: играть с одной девчонкой еще куда ни шло, но с двумя... «И как от нее отделаться, когда появится Тороманов?» Бебо нехотя прыгал по квадратикам, нарисованным на тротуаре. Настроение у него было совсем неважное.

— А вы не боитесь играть на нашей улице? — спросила Живка.

— Это чего же нам бояться?

— А если придет Крум?

— Какой Крум? — не поняла Юлия.

— Ну, тот самый, которого вы прошлый раз поколотили...

Бебо, и так дувшийся на девчонок за то, что они заставили его играть в «классы», разозлился:

— Пускай только придет! Я ему так наподдам, что своих не узнает!

Юлия с уважением посмотрела на воинственную фигуру Бебо, а Живка иронически покачала головой:

— Ты его не знаешь, вот и храбришься...

— И еще как всыплю! — петушился Бебо, но уже без прежней уверенности: у него не было

Но все-таки окрик подействовал на рыжего.

— Не очень-то задирайся! — помягче пробасил он.— Стукну вот раз — другой, приклеишься к стенке, как марка на конверт!

— Если я стукну, глаза на лоб выскочат!

Как ни страшны были угрозы, перебранка принимала все более мирный характер.

— Но, но, не очень-то! — злобно бормотал рыжий.— Не на таковского напал!

— Мало тебе тогда досталось?

Рыжий с любопытством оглядел Бебо с головы до ног.

— Так ты из тех, значит? Давненько я тебя поджидаю...

— И т е х поджидаешь?

— И т е м покажу!

— Подумаешь, герой какой нашелся! Вот о н и придут сейчас...

Рыжий незаметно оглянулся.

— Интересно, откуда же они появятся тут? — будто невзначай спросил он.

— К доктору пошли,— не растерялся Бебо.— Свистну, мигом все тут будут...

Рыжий еще раз смерил Бебо долгим презрительным взглядом и, не говоря ни слова, вперевалку зашагал прочь.

Бебо с видом победителя взглянул на девчат, на тех самых девчат, из-за которых он постыдился удрать в первую же минуту. К своему удивлению, он увидел неприветливое, насупленное лицо Юлии.

— Здорово же ты его отколошматил! — насмешливо фыркнула она.— Так твой Крум и ушел с синяками!..

— Да если б я захотел...

— Будь здесь Пешо,— перебила его Юлия,— уж он еще разок проучил бы рыжего!

Бебо покраснел до ушей.

— Нельзя же было шум поднимать,— виновато сказал он.— Сама знаешь, какое у нас дело...

Строго взглянув на болтуна, Юлия ничего не ответила, зато Живка сразу насторожилась:

— А зачем вы приходите сюда? Ведь вы далеко живете...

— Просто так,— нахмурился Бебо.

— Ну да, на нашей улице, наверное, интереснее играть в «классы»! — съязвила Живка.

— Очень нужны мне твои «классы»! — фыркнул Бебо.— Захотел прийти, вот и пришел... Зубы лечить.

— Да ведь зубной врач живет не на улице!

— Без тебя знаю, где живет доктор! — рассердился Бебо.— Когда нужно будет, тогда и пойду!

Живка понимающе улыбнулась.

— Страшно, да? — Но в ее голосе сочувствия было больше, чем насмешки.

— Скажет тоже!

— Наш доктор очень хороший,— перебила его Живка.— Все говорят: «Охнуть не успеешь, как...»

— Ты его знаешь? — удивилась Юлия.

— У нас все знают его. Он и мне зуб лечил. Вот посмотри.— Разинув рот, она показала запломбированный зуб.— Видишь? Наш доктор — очень хороший человек.

— Хороший? — недоверчиво переспросила ее Юлия.

— Хороший, а что?

— Честное пионерское?

— Ну, как тебе сказать...— замялась Живка.— Хороший, конечно... У нас его все любят... И чего ты вообще ко мне привязалась? — вдруг возмутилась она.

— Ничего, это я просто так спрашиваю,— сказала Юлия.

— Э, да мы про игру забыли! Чья очередь? — переменил разговор Бебо.

— Моя,— без всякой охоты ответила Юлия.

Она была огорчена. Во-первых, ее покоробила трусость Бебо, во-вторых, она никак не могла поверить, что доктор, действующий заодно с Торомановым, может быть хорошим человеком.

Рыжий, чувствуя свое превосходство, решительно шел на сближение.

А если он и в самом деле хороший?.. Кто же тогда их сбил с толку?.. Они-то все время думали, что, проникнув к доктору, сразу разгадают тороманoвскую тайну!.. Нет, не может этого быть! Просто Живка ничего не знает! Разве девчонка может разоблачить шпиона? Шпионы на то и шпионы, они умеют кем угодно прикинуться. Настоящий шпион, если захочет, у тебя под носом такое сделает!..

Но как ни успокаивала себя Юлия, на сердце у нее было тревожно.

Неужели Тороманов и в самом деле случайно приходил к врачу, приходил потому только, что у него заболел зуб? Может, доктор ничего не знает про ключ, выброшенный толстяком? И Тороманов почему-то задерживается. Уж не зря ли они караулят здесь?

Прошло еще с полчаса. И — о радость! — вдали показался человек в белом, с переполненной сумкой в руке. Едва завидев его, Бебо, тяжело вздохнув, сказал:

— Заигрался я тут с вами, а мне к доктору пора. Давно, наверное, ждет меня...

— Ладно, иди,— понимающе кивнула головой Юлия.— А я с Живкой поиграю, подожду тебя.

В конце улицы появился Коста, а следом за ним Пешо.

Тороманов, на секунду задержавшись перед подъездом дома зубного врача, украдкой осмотрелся по сторонам и быстро вошел в дверь.

Потоптавшись на месте, медленно поплелся через дорогу и Бебо. Поднявшись на третий этаж, он в нерешительности остановился перед дверью. С бьющимся сердцем Бебо нажал кнопку. За дверью раздался негромкий звонок. Минута ожидания показалась ему вечностью. Наконец дверь бесшумно распахнулась.

У Бебо отнялся язык, когда на пороге появился низенький, широкоплечий мужчина с полным, круглым и добродушным лицом. Доктор взглянул на смущенного, чем-то напуганного мальчика, и в глазах его блеснули веселые искорки. Он по-своему истолковал страхи маленького пациента.

— Что тебе, мальчуган? — весело спросил он.

— Я... у меня... я... у меня один зуб...— заикаясь, пробормотал Бебо.

— Вот так-так! Только один зуб и остался? — рассмеялся врач.— Ай-яй-яй! Как же ты теперь жить будешь?

— Нет, у меня их много... Один зуб у меня болит,— осмелел Бебо.

— Так, так! Бьюсь об заклад, что заболел не один, а все четыре... Ну, ладно, ладно, заходи...

Бебо покорно переступил порог. Миновав небольшой, тесный коридорчик, он попал в такую же тесную, темную, без окон, комнатушку с голыми стенами. Там стояли несколько стульев и круглый столик, на котором в беспорядке валялись старые, растрепанные журналы. Бебо сразу бросилась в глаза огромная, до отказа набитая базарная сумка Тороманова, оставленная в приемной между столиком и стеной. Она, словно магнит, тянула к себе мальчика, и он сел на стул, стоявший рядом с сумкой.

— Подожди здесь немного. У меня клиент,— сказал врач, возвращаясь в кабинет.

Он неплотно прикрыл за собой дверь, и Бебо, не сходя с места, видел все, что происходило в кабинете. На массивном, поблескивавшем никелем кресле небрежно, будто в шезлонге, полулежал Тороманов. Кресло стояло спинкой к две-

ри, поэтому Бебо мог спокойно наблюдать за каждым движением врача и Тороманова.

— Откройте рот,— попросил врач и взял в руку никелированный инструмент.— Вот так. Скоро мы кончим.

Нет, это не было похоже на тайный заговор. Тороманов пришел сюда всего минутой раньше Бебо. Если бы они хотели о чем-нибудь поговорить, то, конечно, плотно прикрыли бы за собой дверь.

Улучив момент, когда врач наклонился над раскрытым ртом пациента, Бебо заглянул в базарную сумку. Она была битком набита всякой всячиной: торчала колбаса, аппетитно попахивало острым сыром, соблазнительно выглядывали румяные батоны... У проголодавшегося Бебо даже слюнки потекли при виде всех этих вкусных вещей. Оставалось проверить, есть ли в сумке романы. Но Тороманов вдруг резко дернулся в кресле, и Бебо, отскочив от сумки, как ни в чем не бывало принялся разглядывать голые стены приемной.

Врач молча подал пациенту стакан воды. Тороманов, облегченно вздохнув, приподнялся.

— Все? — спросил он.

— С этим зубом все. А мост?

— Нет, нет, не сегодня! — покачал он круглой головой.— Сегодня у меня неотложные дела...

— Я задержу вас всего на несколько минут. Произведем хотя бы подготовку, чтобы вам лишний раз не тратить время.

— Нет, нет! Сегодня нет смысла... К тому же на днях я уезжаю.

Бебо наблюдал за каждым движением врага...

— Как вам угодно,— любезно улыбнулся врач.— Я считаю, что на полпути останавливаться не стоило бы.

Тороманов встал, расплатился с врачом и неторопливо направился в приемную. Бебо, уткнувшись носом в журнал, незаметно наблюдал за ним. Тороманов взял свою сумку, пробормотал: «До свидания» — и не спеша пошел к выходу. Бебо слышал, как захлопнулась дверь и мягко щелкнул замок.

Бебо даже растерялся: каждый член их группы был твердо убежден, что Тороманов носит полные сумки книг и продуктов доктору, что именно здесь, в кабинете врача, скрыты все тайны, а оказывается, ничего подобного! Тороманов спокойно унес свою сумку, битком набитую продуктами, и кто знает, куда он направится дальше...

— Пошли, мальчуган,— раздался над самым его ухом голос доктора.

«Ох, этот зуб!» — вздрогнул Бебо, и без того расстроенный неудачей. После всех неприятностей он еще должен был терпеть эти мучения. С видом преступника, приговоренного к смертной казни, слез он со стула и безропотно пошел к никелированному зубоврачебному креслу.

— Садиться? — упавшим голосом спросил он.

— А как же? — усмехнулся врач.

Бебо опустился в кресло, как на электрический стул, и умоляюще взглянул на доктора.

— А можно вылечить зуб так, чтобы не было больно?— жалобно спросил он.

— Вот так герой! Конечно, вылечу без боли, если посидишь спокойно и не станешь вертеться.

Живка сказала правду. Бебо и в самом деле не почувствовал боли. Врач заявил, что лечить надо не один, а два зуба, но пока он займется одним.

— Ну, как, больно было? — закончив работу, спросил он.

Бебо радостно соскочил с кресла. Он забыл обо всем на свете, даже о Тороманове. Выскочили из головы все тревожные мысли, так он был счастлив, что избавился от мучений.

— Утром снова приду,— храбро пообещал он и пулей вылетел на лестницу.

Весело насвистывая, Бебо вприпрыжку спускался вниз. И вдруг на последнем пролете лестницы остановился, как вкопанный: ему показалось, будто за чьей-то спиной в белом пиджаке захлопнулась парадная дверь. Эту спину он узнал бы из тысяч. Тороманов!.. Одного Бебо не мог понять: где же тот пропадал, пока доктор возился с его зубом? Но сейчас раздумывать было некогда. Бебо, мигом очутившийся внизу, выскочил на улицу в тот самый момент, когда Тороманов сворачивал в переулок. По другой стороне улицы, следом за толстяком, шел Коста.

«Теперь не сбежит!» — перевел дух Бебо. Осмотревшись, он перехватил сердитый взгляд Пешо. Чуть поодаль стояла Юлия, что-то оживленно объяснявшая Живке. Пешо с хмурым видом направился к Бебо.

— Ты чего выскочил? — набросился на него Пешо.— Разве тебе не говорили, что ты должен остаться у доктора и все высмотреть?! А ты сломя голову летишь за Торомановым, будто без тебя и смотреть за ним некому!

Бебо даже онемел от обиды.

— Дай мне сказать, Пешо!

— Нечего тут рассказывать. Я сам все знаю!

— Но я же был у доктора! Он минут десять

возился с моим зубом. Честное пионерское! Вот смотри,— разинул рот Бебо.

— Уж не скажешь ли ты, что Тороманов целые десять минут шел по лестнице?

— Где он был, не знаю, а я догнал его у выхода на улицу.

— Растяпа!—разозлился Пешо.— Здóрово тебя, оказывается, провести можно! Пока ты сидел с разинутым ртом, этот самый доктор ушел вместе с Торомановым в соседнюю комнату, там они и успели обо всем договориться.

Тут уже рассердился Бебо:

— Ты бы лучше слушал, что тебе говорят, тогда понял бы хоть что-нибудь! А я за Тороманова во все глаза смотрел, пока он от доктора не ушел. Доктор разговаривал с ним, как разговаривают с обыкновенными больными.

— А зачем же твой доктор собирает продукты?

— В том-то и дело...— Бебо нарочно помедлил, чтобы поразить приятеля ошеломляющей новостью.— Никаких продуктов он доктору не носит!

— То есть как не носит?

— А вот так и не носит! — гордо повторил Бебо.— Я успел заглянуть в его сумку: все продукты лежали на месте... Потом он взял свою сумку и ушел с ней.

— Куда ушел?

— Как куда? Домой, наверное!

Пешо непонимающе уставился на Бебо.

— Не может этого быть! — И правда, в голосе Пешо впервые за все время зазвучала беспомощная растерянность.

— Не может быть, потому что... Тороманов вышел с пустой сумкой!

Бебо вытаращил глаза.

— С пустой?!

— Ну да, с пустой!.. Подожди, дай подумать. Значит, он не носит продукты доктору, но все-таки носит их кому-то в этом доме...

От волнения Пешо уже не стоял, а подпрыгивал на тротуаре.

— Ты понимаешь, какое важное открытие мы сделали? — горячился он.

Бебо не мог понять, почему так обрадовался приятель.

— Чертовщина какая-то! — выругался он.— Только было напали на настоящий след — и опять все пропало!

— Ничего не пропало! Теперь он попался по-настоящему!

Бебо безнадежно махнул рукой, будто хотел сказать: «Ищи ветра в поле!» Но у Пешо уже загорелись глаза. Он обдумывал новый план.

— Весь дом вверх дном перевернем,— решительно заявил Пешо,— а все равно докопаемся!

Круто повернувшись, Бебо в раздумье смотрел на девочек, которые только делали вид, будто увлечены игрой в «классы». На самом деле Юлия с Живкой давно уже наблюдали за ребятами. «А почему бы и не попробовать? — думал Бебо.— Она здорово помогла бы нам!»

— Слушай,— обернулся он к Пешо,— есть у меня один план...

Пешо вопросительно посмотрел на друга.

— Вон ту девчонку видишь? Да вон ту, которая с Юлией играет!.. Живет она в этом самом доме и знает здесь всех до единого. Давай поговорим с ней, расспросим.

— Ты что, сумасшедший? Доверить тайну первой попавшейся девчонке?!.

«Первая попавшаяся девчонка», будто почувствовав, что речь зашла о ней, бросила игру и выжидательно уставилась на ребят.

— Она пионерка,— убеждал приятеля Бебо.

— Языки у девчонок длинные,— не соглашался Пешо, хотя сам чувствовал, что другого выхода у них нет.

— Ладно, только, чур, обо всем ей не рассказывать! Придумаем какую-нибудь историю, чтобы сбить с толку,— согласился он наконец.

— И правда! — ухватился за эту идею Бебо и, подумав, тихо добавил: — Попробуем. Давай договоримся, как лучше начать разговор.

«Вертится!»

Живка еще в начале своего знакомства с Юлией и Бебо догадалась, что ее новые приятели не для того зачастили сюда, чтобы поиграть в «классы» или лишний раз сходить к зубному врачу. Что-то у них было на уме! Но что?..

Когда Бебо, ни с того ни с сего бросив игру, поплелся к врачу, а следом появились его дружки, некоторое время крутившиеся возле ее дома, подозрения Живки усилились.

Вот почему она не удивилась, когда Бебо и Пешо подошли к ней с видом заговорщиков:

— Слушай, Живка, мы хотим поговорить с тобой по одному важному делу. Только тут, на улице, нельзя,— добавил Пешо.— Пойдем во двор.

— Зачем во двор? Идемте ко мне домой,— предложила Живка.— У меня дома никого нет.

Квартира Живки находилась на первом этаже. Из небольшой прихожей ребята попали в просторный холл, обставленный скромно, но со вкусом. В центре холла стоял массивный стол светлого дерева с мягкими стульями вокруг. Ребята удобно уселись за столом. Наступило неловкое молчание.

— Видишь ли, Живка, дело какое,— начал Пешо.— Ловчить или недоговаривать мы не станем... Мы выслеживаем одного преступника. Тебя мы считаем настоящей пионеркой, потому и решили доверить тебе нашу тайну...

Живка покраснела. Эти слова, сказанные к тому же серьезным, совсем не мальчишеским тоном, по-настоящему смутили ее.

— Во-первых,— продолжал Пешо,— ты должна дать честное пионерское слово, что никому не выдашь тайну. Мы тут собрались не в игрушки играть, а важное дело делать. Говори сразу: язык за зубами можешь держать? Если не можешь, тогда нам и говорить с тобой нечего.

Все выжидательно смотрели на нее. Живка, покраснев еще больше, обвела всех глазами и, умоляюще глядя на Юлию, тихо произнесла:

— Даю честное пионерское.

— Ладно, теперь слушай. Преступник приходил недавно в ваш дом. Не знаю, может, ты и видела его — толстый такой, в белом костюме.

— Видела,— кивнула головой Живка,— он всегда ходит с большой базарной сумкой.

Ребята переглянулись.

— Правильно! — подтвердил Пешо.— В этой сумке он, наверное, листовки носит... Так вот, вошел этот человек в ваш дом с полной сумкой, пробыл там с полчаса, а вышел из дому с пустой... Ясно? Листовки он в доме кому-то оставил. Кому? Вот этого-то мы и не знаем!

— Понимаю...— протянула Живка, быстро перебирая в памяти жильцов дома.

— Кому, по-твоему, он мог оставить листов-

ки? — торопил ее Пешо.— Есть в вашем доме подозрительный народ?

Лихорадочно припоминала Живка все, что было известно ей о жильцах дома, и только растерянно покачивала головой. Теперь ясно: есть, но кто же эти люди?

— А ты, когда вошел в дом вместе с тем человеком, ничего не заметил? — спросила она у Бебо.

Бебо, смущенно замигав, вопросительно посмотрел на Пешо, как бы желая сказать: «Живка догадалась, что я сказал ей не всю правду!»

Ответил ей Пешо, которому понравилась сообразительность Живки.

— Мы думали, что тот человек понес листовки зубному врачу, на третий этаж. Бебо тоже пошел к врачу, а толстяк, оказывается, ушел от него с полной сумкой. Кому-то из жильцов твоего дома он отнес их, но кому, не знаем.

— Дай подумать еще немножко,— попросила Живка.— В нашем доме девять квартир...

— Почему девять? Ведь у вас пять этажей!

— Очень просто: этажей у нас, правда, пять, на каждом этаже по две квартиры, только в одной квартире не квартира, а мастерская художника. В одной живу я, в другой — доктор. Остается, выходит, семь. Нет, даже шесть, потому что на третьем этаже, как раз против доктора, живут наши родные. Я их хорошо знаю, они не такие.

— Не такие? — недоверчиво переспросил Пешо.

— Не такие! — строго сказала Живка.— Они очень хорошие люди.

— Пускай будет по-твоему,— кивнул головой Пешо.— Давай проверять каждый этаж, а то собьемся.

— Давай. На втором этаже живет Дончев. Он инженер... Как это говорят про таких? Он такой, ну... не очень, правда, симпатичный. Но только в квартире у них давно никто не живет. Все они на курорт уехали. Их почтовый ящик набит газетами, и вынуть их некому.

— Осталось пять,— подсчитал Бебо.

— Третий этаж мы уже проверяли, там доктор и наши родные. Там живет еще профессор Хаджиев. У него жена больная. Сам он весь седой и добрый-предобрый. У нас все его любят...— Живка на минутку задумалась, потом решительно заявила: — Нет, и он не такой!

— Интересно! Выходит, все у тебя хорошие люди, а кто же тогда враг? — недоверчиво спросил Пешо.

— Теперь проверим четвертый этаж,— продолжала Живка.— На четвертом слева живет Морис Давидов, который работает в министерстве иностранных дел. Всегда с разными докладами у нас выступает...

— Дальше,— нетерпеливо перебил ее Пешо.

— На том этаже живет еще Стефан Петров, счетовод какого-то завода... Забыла, как называется завод.... Лак там делают. Сердитый дядька, ходит всегда такой насупленный. Я его редко вижу.

— Наверное, он! — обрадовалась Юлия.

Живка покачала головой.

— Нет, не он. Его жена в суде работает. Неужели ты думаешь, что выберут судьей подозрительного человека!

— Остался пятый этаж,— торопил Бебо.

— Да ведь я сказала, что там только одна квартира! В ней живет дядя Трифон, рабочий, пряжу он красит.

В комнате наступило молчание.

— Что же получается? — возмутился Бебо.— Во всем доме нет ни одного подозрительного человека?

— Получается, так,— пожала плечами Живка.

— Неправильно это! — рассердился Бебо.— Толстяк притащил целый мешок листовок и оставил их тут. Значит, кто-то из твоих божьих коровок — тайный враг!

— Не может этого быть,— неуверенно возразила Живка.— Ну, кто, кто, по-твоему, говори!

— Если бы я знал! Может, профессор?.. Притворяется добреньким...

— Глупости! — возмутилась Живка.— Говорю, не он!.. Ты его просто не знаешь.

— Не спорьте! — подняв голову, остановил друзей Пешо, долго о чем-то размышлявший.— Я знаю, куда заходил Тороманов. Он был в квартире инженера Дончева.

Живка посмотрела на него разочарованно.

— В квартире Дончева никто не живет. Все они уехали из Софии.

— Ну и что же? — возразил Пешо, и все заметили, как загорелись его глаза.— В квартире, правда, никого нет, но когда хозяева уезжали, они ему оставили ключ. Понимаете, у Тороманова ключ от чужой квартиры!

Бебо с Юлией остолбенели от такого неожиданного открытия. Удивительная тайна, которая столько времени не давала им покоя,— тайна ключа,— вдруг перестала быть тайной! Так вот, оказывается, какую дверь открывает торомановский ключ, вот для чего он ему понадобился! Таинственное поведение Тороманова, обладателя секретного ключа, сразу стало ясным. А не ошибся ли Пешо? Не случайное ли это совпадение?

— Выдумываете вы все,— неуверенно сказала Живка, ничего не знавшая о ключе.— Зачем ему оставлять листовки в пустой квартире? Кому они нужны там?

— А откуда ты знаешь, что в квартире никого нет? — спросил Пешо.— А может, там поджидал его другой человек, у которого тоже есть ключ? Может, даже и не один был в квартире, а целая банда? Для нее он и продукты принес...

— Какие продукты? — Брови Живки поднялись от удивления.— Ты же говорил про листовки!

— Правильно,— не растерялся Пешо.— Листовки лежали на дне сумки, а сверху они продуктами были замаскированы.

— Зачем же он и продукты оставил в квартире? — не поняла Живка.— Тоже для маскировки? — усмехнулась она.

— Похоже, не для маскировки,— неохотно ответил Пешо.— В квартире инженера Дончева скрываются, наверное, какие-нибудь люди, а Тороманов подкармливает их...

В комнате стало очень тихо. Мысль о том, что над самой их головой притаились шпионы, заставила всех насторожиться. Как-то вдруг ребята поняли, чем объясняются все загадочные поступки Тороманова: покупка книг, продуктов, его таинственные исчезновения. Но вот что странно: зачем он ходил к зубному врачу? Бебо первым задал этот вопрос.

— По-моему, он хотел следы замести,— высказал свое мнение Пешо.— Если, скажем, завтра спросят его где-нибудь, в суде, например, с какой стати он ходил в этот дом, Тороманов ответит: «Зубы лечить!»

— Здорово придумано! — согласился Бебо.

— Ты не замечала, Живка, в окнах инженера бывает по вечерам свет? — спросил Пешо.

Живка отрицательно покачала головой.

— Не замечала. Их окна, как у всех, кто уезжает на лето, старыми газетами закрыты.

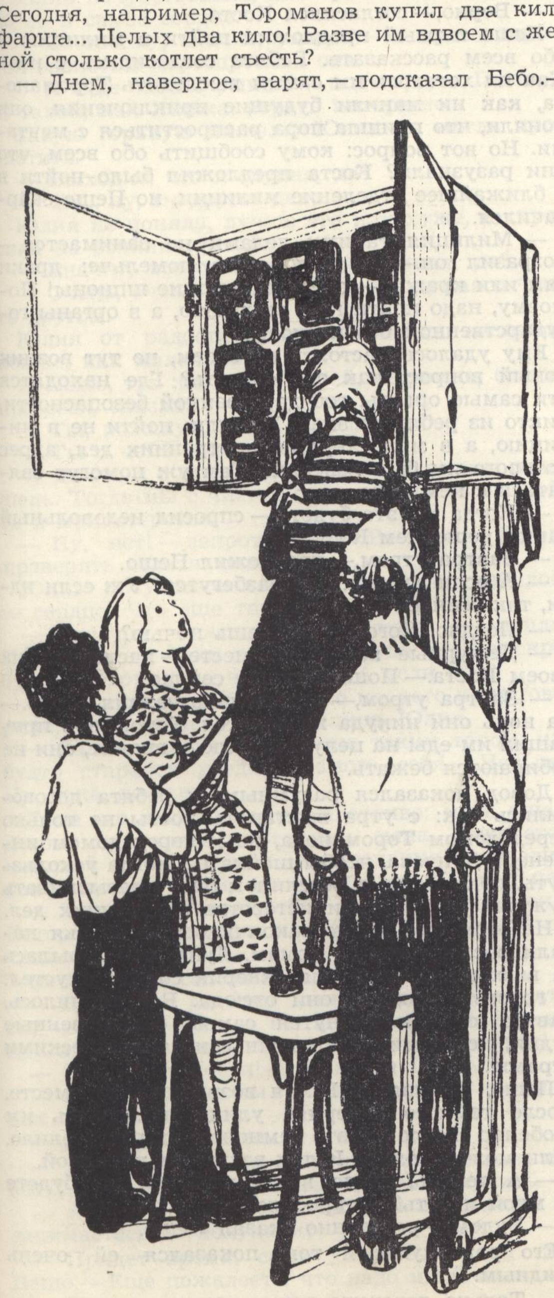
— Не могут они, конечно, светиться,— самому себе вслух ответил Пешо.— Каждый дурак догадается, что свет может выдать их. Они просто не включают свет.

— Живут, как кроты, в кромешной тьме,— поморщился Бебо.

— А как же они обед варят? — спросила вдруг Юлия.

— И правда, как? — заинтересовался Пешо.— Сегодня, например, Тороманов купил два кило фарша... Целых два кило! Разве им вдвоем с женой столько котлет съесть?

— Днем, наверное, варят,— подсказал Бебо.—

— Вертится! — испуганно прошептала Юлия.

Днем и без электрического света сварить можно.

— Может, они на плитке готовят,— сказала Юлия,— фрикадельки, например, кто угодно сделать сумеет!

— Пожалуй, правильно,— поддержал ее Пешо, и тут же у него мелькнула догадка: — Но ведь как только они включат плитку, сразу должен заработать счетчик... Понимаете? Живка, где у вас счетчики? Внизу, в подъезде? Нам надо проверить счетчик!

— Это здорово! — обрадовался Бебо.— Только как ты до этого счетчика доберешься?

— Ну, это — дело простое! — засмеялась Живка.— Моя мама работает управдомом. Она, когда уезжала, все ключи мне оставила...

— И ключ от счетчиков у тебя?

— Конечно!

Живка подбежала к буфету, выдвинула один из ящиков и достала большую связку ключей.

— Вот он!

Ребята, затаив дыхание, на цыпочках выбежали на лестничную площадку. Как и во всех больших жилых домах, коробка с электросчетчиками была смонтирована возле входной, парадной двери. Но до коробки было довольно высоко. Живка принесла стул, взобралась на него, дотянулась до маленького замочка, открыла его и широко распахнула дверцы. Показались три ряда черных счетчиков.

— Вот счетчик Дончевых,— прошептала она.

Счетчик не работал. Это видели все.

— Может, не этот? — усомнился Пешо.

Живка молча показала на белую наклейку, на которой химическим карандашом была написана фамилия: «Дончев».

— Давайте покараулим,— предложил Бебо.

— Давайте,— тихо сказала Живка.

— Подождем,— согласился Пешо.— Кто знает, может, и заработает...

Живка спрыгнула со стула. Все понимали: если счетчик не работает сейчас, он может заработать позже. Надо только постоять здесь и понаблюдать за ним. Ребят подстерегала лишь одна опасность: мимо могли пройти взрослые жильцы дома и поинтересоваться, зачем дети крутятся возле счетчиков.

И, как нарочно, в эту самую минуту с улицы вошла девушка в белом платье. Даже не взглянув на ребят, она торопливо прошла мимо и стала подниматься по лестнице. Все облегченно вздохнули.

— Кто это? — спросил Бебо.

— Дочка профессора, студентка... Ее бояться нечего!

Вдруг Юлия тихо взвизгнула. Мальчишки, зашикав, взглянули на нее. Оцепенев от неожиданности, Юлия не спускала глаз со счетчика.

— Вертится! — испуганно прошептала она.

Тоненький белый диск с красным пояском, сорвавшись с места, быстро завертелся. Ребята замерли, никто из них не мог оторвать глаз от ожившего счетчика. Повертевшись минуты две, диск остановился. Первым пришел в себя Пешо.

— Видали?

— Ой, даже страшно! — выдохнула Живка.

Счетчик, будто магнит, притягивал к себе ребят. Прошло несколько томительных минут.

— Опять завертелся! — снова первой заметила Юлия.

— Тише! — зашипел на нее Пешо.

И снова, повертевшись минуты две, диск остановился. Так повторялось несколько раз.

— Чудно! — мрачно пробормотал Бебо.— Разве так варят суп или жарят котлеты?

— Закрывайте ящик! — распорядился Пешо.— Долго оставаться здесь опасно. Самое главное мы узнали.

Живка, подхватив стул, отнесла его домой. Бебо, воспользовавшись ее отсутствием, наклонился к Пешо и тихо предложил:

— Теперь проверить надо, подходит ли ключ,— тогда все будет ясно.

— Ты дурак! — рассердился Пешо.— А вдруг там и вправду люди?.. Услышат, как мы замок открываем,— и все пропало!

— Это правильно,— смутился Бебо.— Я как-то и не подумал! А что же теперь делать?

— Вечером соберемся все вместе, тогда и подумаем. По-моему, самое главное сейчас — действовать!

— А что Живке скажем?

— Скажем, что идем в милицию.

Когда Живка вернулась, Пешо рассказал ей, что они думают делать дальше.

— Помни одно: никому ни словечка! — строго предупредил он девочку.— Никто ничего не должен знать про наши дела. Может и так получиться: явится завтра милиция, а бандитов и след простыл.

— Почему завтра, а не сейчас?

— Милиция сама знает, когда ей надо прийти: сегодня или завтра. А если ей надо чего-нибудь еще разузнать?.. Самое главное — помалкивай!

— И без тебя знаю, не маленькая! — обиделась Живка.

Пешо посмотрел ей прямо в глаза и решительно потребовал:

— Дай-ка мне ключ от парадного...

— Зачем он тебе? — вздрогнув, спросила Живка.

— Мне он ни к чему, а в милиции могут спросить...

Живка нехотя подала ему ключ. Пешо сунул его в карман с такой быстротой, словно холодный металл обжигал ему пальцы. Теперь все тайны Тороманова — оба ключа — были у него в кармане. Оставалось одно — действовать!

Ключ повернулся в замке

В тот же вечер вся группа собралась в своем маленьком скверике, чтобы принять важное решение. Но, как назло, ночь была такой лунной и светлой, что ребятам пришлось забраться в самую гущу сирени, чтобы не привлекать внимания случайных прохожих. Скверик казался совсем вымершим, лишь на далекой скамейке сидела молодая парочка, но она была так увлечена разговором, что не видела ничего вокруг. Бледная равнодушная луна, смотревшая сквозь ветви, была единственным свидетелем ночного разговора ребят.

Неторопливо, стараясь не забыть ни одной мелочи, Пешо рассказал обо всем, что произошло после обеда и что он думает о разных загадочных случаях, которые прежде были им непонятны. Разинув рты, боясь пропустить хотя бы одно слово, ребята слушали его.

— Могу спорить,— закончил Пешо,— что в квартире инженера Дончева скрываются шпионы! Инженер нарочно оставил ключ Тороманову, чтобы тот приносил им еду и все, что нужно...

— Что спорить! — пожал плечами Веселин.— Если бы мы сумели проверить, подходит ли ключ к этой квартире...

Пешо покосился на Веселина, но ответил ему не сразу. Хотя он давно уверенным тоном твердил, что тайна ключа раскрыта, но в душе и сам сомневался в этом: а вдруг Тороманов заходил в другую квартиру? А разве Дончев не мог, вернувшись домой, включить электричество? Правильно говорит Веселин: только проверка помогла бы узнать правду. «Надо, надо проверить»,— подумал он, но вслух сказал:

— Ничего из этой затеи не выйдет. Чуть дверь скрипнет — и все пропало...

— Верно,— согласился Коста.

Пешо первый предложил пойти в милицию и обо всем рассказать. Ребята согласились с ним. Как ни хотелось им самим выследить Тороманова, как ни манили будущие приключения, они поняли, что пришла пора распроститься с мечтами. Но вот вопрос: кому сообщить обо всем, что они разузнали? Коста предложил было пойти в ближайшее отделение милиции, но Пешо заартачился.

— Милиция такими делами не занимается,— возразил он.— Их дело — что помельче: драки там или кражи, — а тут настоящие шпионы! По-моему, надо пойти не в милицию, а в органы государственной безопасности.

Ему удалось настоять на своем, но тут возник новый вопрос: как это сделать? Где находятся эти самые органы государственной безопасности, никто из ребят не знал. Решили: пойти не в милицию, а в министерство внутренних дел, адрес которого им был известен. Там уж помогут связаться с кем надо.

— Когда же это будет? — спросил недовольный таким решением Коста.

— Завтра утром,— предложил Пешо.

— А если до утра они разбегутся? Уж если идти, так сейчас.

— Поздно. Кого ты найдешь ночью?

— Дежурные всегда на месте,— настаивал на своем Коста.— Пошли лучше сейчас!

— Завтра утром,— решительно заявил Пешо.— За ночь они никуда не денутся. Тороманов притащил им еды на целую неделю,— значит, они не собираются бежать.

Довод показался разумным, и ребята договорились так: с утра выставить посты не только перед домом Тороманова, но и перед домом инженера Дончева, чтобы шайка не могла ускользнуть, пока Пешо с Веселином будут разыскивать нужных людей в министерстве внутренних дел.

На этом совещание закончилось, и друзья начали расходиться по домам. Луна уже скрылась за высокими зданиями, скверик совсем опустел. С грустью уходили они отсюда. Все кончилось. Завтра с утра начнутся самые обыкновенные будни, с самыми обыкновенными мальчишескими играми...

Пешо, Веселин и Юлия возвращались вместе. После темного скверика улица показалась им особенно светлой, и это немножко их развеселило. Шли молча, только Юлия вздыхала украдкой.

— А теперь, когда все кончилось, вы будете со мной играть? — спросила она тихо.

— Будем,— рассеянно сказал Пешо.

Его равнодушный тон показался ей очень обидным.

— Только говорите так, а сами... сами опять будете от меня прятаться...

— Не будем,— успокоил Веселин огорченную девочку. — Зачем нам прятаться от тебя?

— Зачем?.. Не хотите вы играть с девчонками!

Мальчики промолчали.

— Скажете, я не помогала вам?

— Помогала, помогала! — нетерпеливо оборвал ее Пешо.

— Кто нашел доктора? Если бы я не подружилась с этой... с Живкой, вы так ничего и не узнали бы ни про доктора, ни про инженера...

— Что правда, то правда,— согласился Веселин.— Живка здорово нам помогла.

— Умная и хитрющая девчонка,— согласился Пешо.

Юлия почувствовала, как что-то снова кольнуло ее в самое сердце.

— По-твоему, значит, умная? — с плохо скрытой завистью переспросила она.

— И еще какая умная! — подтвердил Пешо.— С такой, как Живка, играть интересно...

Такую горькую пилюлю Юлия не могла проглотить.

— Выходит, что я глупая, да?

— Ты... ну, ты другое дело.

Юлия не поняла, лучше это или хуже, и спросила на всякий случай:

— Значит, все-таки не очень умная, да?

— Очень, очень! — ответил Пешо, думая о чем-то другом.

Юлия от радости даже запрыгала на одной ножке, как маленькая.

А Пешо, тут же забыв о ней, негромко, словно про себя, сказал:

— Ты, пожалуй, прав, Веселин...

— Ты о чем? — не понял тот.

— Да это я о проверке. Эх, если бы ключ подошел!.. Тогда мы с чистой совестью могли бы пойти в министерство.

— Ну, нет! — запротестовал Веселин.— Теперь проверять нельзя: опасно!

Юлия почувствовала, как тревожно забилось ее сердце. Что еще там надумал Пешо?

— Конечно, опасно,— со вздохом согласился Пешо.— А все-таки у меня на душе кошки скребут. Наговорим на человека... А если зря?

— Мы еще ни о ком ничего плохого не наговорили,— заступилась за Веселина Юлия.

— Ладно,— согласился Пешо таким тоном, как будто старался убедить самого себя.— Нельзя... Ну, пока, до завтра.

Дома его встретили неприветливо: мать еще в дверях принялась отчитывать сына. Даже отец, который редко делал ему замечания за позднее возвращение домой, и тот погрозил ему пальцем.

— Через край хватаешь! — сухо заметил он.— Который вечер подряд возвращаешься домой последним...

Пешо молча сел за стол.

— Виданное ли это дело — так заигрываться? — ворчала мать.— Ты не маленький, вон какой вымахал, а все глупостями занимаешься!

— Это не глупости! — обиделся Пешо.

— Ого! А где же ты изволил быть? — иронически спросил отец.

— Делом занимался...

— Делом? — Как ни старались отец и мать казаться серьезными, оба невольно улыбнулись.

— А нельзя ли узнать, какими же делами вы занимаетесь до полуночи?

— Придет время, сами узнаете,— надул губы Пешо.— Еще пожалеете, что надо мной смеялись!

— Разве мы смеемся?

— Смеетесь.

— А может быть, ты все-таки скажешь, где пропадал до сих пор?

— Ничего я не скажу.

— Разве так отвечают родителям?

— Завтра вы все узнаете. Мне нельзя говорить. Я честное пионерское слово дал.

Отец внимательно посмотрел на сына.

— Хорошо,— сказал он.— Человек всегда, при любых обстоятельствах, должен быть верен своему слову... Кто этого правила не соблюдает, того и уважать нельзя.

— Вот видишь! — обрадовался Пешо.

— В таком случае я хочу, чтобы ты и мне дал честное слово,— серьезно продолжал отец.— Я не буду расспрашивать тебя о твоих делах. Но ты должен обещать мне, что не сделаешь ничего такого, за что нам с тобой пришлось бы краснеть...

— Честное пионерское!

— Ты слишком легко разбрасываешься словами,— нахмурился отец.— Человек, прежде чем дать слово, должен все взвесить... Слово не воробей, вылетит — не поймаешь!

— Знаю! — коротко ответил Пешо.

На этом разговор и кончился. Вскоре Пешо лег спать, но, как ни устал он за день, уснуть ему не удавалось. Он спал на диване в гостиной и был очень доволен этим, по его мнению, привилегированным положением. Мальчик любил эти поздние вечерние часы, когда можно, вытянувшись на диване, читать, сколько хочется, или просто так — мечтать о том, как он вырастет, станет героем, совершит удивительный подвиг...

Но сейчас его одолевали невеселые мысли. Завтра все кончится, и конец этот почему-то казался ему неестественным, обидным. Они, мальчишки, сами напали на след шпионов, сами раскрыли их планы, а вот теперь, когда преступникам осталось только поднять руки, героями будут не они, а совсем другие люди, которые придут на все готовенькое... Эх, хоть бы нас, ребят, с собой взяли, когда поедут арестовывать банду! Да разве «они» согласятся? Скажут: опасно, дескать, не ребячье это дело и все такое прочее...

Больше всего его беспокоила мысль о тайной квартире. Заходил ли Тороманов на квартиру инженера Дончева? Есть ли в этой квартире шпионы? Может, это всего-навсего ребячья фантазия?

Стенные часы в кабинете отца медленно отсчитали двенадцать глухих медных ударов. Пешо прислушался. В квартире стояла чуткая тишина. Сгустившийся мрак, словно шапка-невидимка, окутал его комнату. Еле слышно посвистывал где-то сверчок или другая букашка, но сейчас и такие шумы настораживали Пешо.

А почему бы все-таки не проверить? В час — два ночи сон и бандитов одолеет, не могут же они не спать ни днем, ни ночью! Да и так ли уж это опасно — тихонько подняться по лестнице, бесшумно вставить ключ в замочную скважину, легко, совсем легко, чуть-чуть повернуть его и потом так же бесшумно вернуться назад? Никто и не узнает про недозволенную ночную прогулку. Зато с каким легким сердцем отправится он завтра утром в министерство и как уверенно доложит обо всем, что они разведали! И Пешо со вздохом опять переворачивался с боку на бок.

Пробил первый час ночи. Внезапно, даже не раздумывая, он встал. Лампу зажигать нельзя! Бесшумно, стараясь не задеть ни одного предмета в комнате, оделся и, подойдя к окну, остано-

Сильная рука легко подхватила мальчика...

вился в нерешительности. На улице ни души. Холодно и равнодушно светят ночные фонари.

Идти?

Дверь чуть слышно скрипнула, и вот он уже в прихожей.

Нет, назад он уже не вернется!

Через полминуты Пешо был на улице. Поначалу он шел медленно, неуверенно, но с каждой минутой шагал все шире. Пока что он не видел никого, даже привычных милиционеров не было на перекрестках, слышались только его собственные шаги. Лишь пересекая трамвайную линию, он встретил группу рабочих, ремонтировавших путь; звенело железо, ослепительно сверкали молнии электросварки.

Вот и улица и темная громада знакомого здания, в котором, быть может, притаились враги. Дом казался слепым: не было ни одного освещенного окна. Пешо, озираясь, пересек улицу и, остановившись перед парадной дверью, легко нажал на ручку.

Дверь была заперта. Пешо достал из кармана ключ, который дала ему Живка, и осторожно открыл дверь. Включать ли свет, освещающий лестничную клетку? Минутное колебание, и кнопка нажата. Яркий свет разорвал черноту ночи. Он залил все: и мозаичные ступени и потемневшие стены. Свет будет гореть две—три минуты, не больше, затем автомат сам выключит его. Переступив порог, Пешо захлопнул входную дверь, чтобы не вызвать подозрений какого-нибудь запоздалого жильца, и неслышно поднялся по лестнице. Вот уже и площадка перед входом в квартиру инженера Дончева. Коричневая дверь без ручки. Чтобы войти в квартиру, надо повернуть ключ и, не отпуская его, толкнуть дверь внутрь.

Все это понятно было с первого взгляда. Но сейчас, стоя перед закрытой дверью, Пешо заколебался, хотя и не испытывал никакого страха перед неизвестностью. В квартире и в самом деле могли оказаться шпионы. Ну и что же? Пешо и не собирался входить в чужую квартиру. У него одна-единственная задача: проверить, подходит ли к этому замку тороманoвский ключ. Никто и не услышит, если бесшумно вставить ключ в замочную скважину и чуть-чуть повернуть его. Приоткрывать дверь не надо. И без этого все будет ясно...

Засунув руку в карман, он достал тороманoвский ключ. Тут-то страх и перехватил его горло; сердце лихорадочно заколотилось. А вдруг за дверью враг, настороженно прислушивающийся к любому шороху, враг, который не остановится ни перед чем? Что же, он, Пешо, трус? Боязнь признаться в трусости заставила его действовать. Он осторожно вставил ключ в замочную скважину.

Как нарочно, именно в эту секунду автомат выключил свет. Пешо потребовалась вся его выдержка. Ему показалось, будто ключ с трудом втиснулся в щель. Подозрение, мучившее его весь вечер («Ключ не от этой двери!»), подтверждалось. У Пешо подкашивались ноги. А может быть, ключ с трудом входит в замочную скважину только потому, что он новый, еще не притерся к своему гнезду? Ведь слесарь делал его без проверки...

Успокоившись, Пешо попробовал осторожно повернуть ключ. Нет, не идет. Отчаяние заставило его предпринять последнюю попытку.

Послышался странный щелчок. Что это? Да нет, все правильно: ключ повернулся в замке!

И в это мгновение дверь распахнулась настежь. Ключ вырвался из рук. Волна затхлого, застоявшегося воздуха хлынула в лицо. Метнулась какая-то черная тень. Сильная рука легко, как перышко, подхватила мальчика и швырнула его на холодный пол. Падая, Пешо так больно стукнулся лбом, что едва не потерял сознание. Тут же хлопнула дверь и резко щелкнул замок. Захотелось крикнуть изо всех сил: «Спасите!». Но мальчик сдержался. Смешанное чувство стыда и гордости взяло верх в эту страшную минуту. Он лежал на полу, крепко стиснув зубы, готовый царапаться, кусаться, бороться не на жизнь, а на смерть, но не сдаваться врагам.

Яркий свет, вспыхнувший в прихожей, ослепил его.

Перевел с болгарского **Б. Диденко.**

(Продолжение в следующем номере)

Рассказы о смелых людях

Сквозь таежные дебри

Ю. Новикова

Г. М. Василевич в одной из своих экспедиций.

Оли кричат

Пенится горная речка, все круче подъем... Вьюки сползают с оленьих лопаток на спины, приходится спешиваться и подправлять их. Короткая остановка, и снова, чуть покачиваясь, плывет перед глазами дальняя гряда скал и кусок серого неба — все это в раме оленьих рогов.

Сколько картин прошло перед Глафирой Макаровной в этой ветвистой раме! Запорошенная инеем тайга, красные сфагновые болота, килянди — высокогорные тундры... Тысячи километров по Якутии, Читинскому и Амурскому краю, по суровым берегам Тунгусок — Нижней и Подкаменной изъездила она на оленях и не меньше эвенков знает цену этому умному и чуткому животному.

Однако олень бывает разный. Ветвисторогий красавец, доставшийся ей на этом отрезке пути, оказался редким капризником.

— Не очень умный олень,— осторожно, чтобы не обидеть оленя, говорит проводник-эвенк. И тут же одобрительно кивает головой всаднице: — Хорошо сидишь. Крепко.

Приятно слышать такую похвалу: не просто это — держаться на оленьем седле без стремян, когда тебе пошел шестой десяток.

— Приедем в стадо, все-таки нужно тебе оленя менять. Сменишь у пастухов,— продолжает проводник и вдруг настораживается.— Пастухи!

К шуму реки явственно примешиваются голоса. Кто-то вдали спорит, сердится...

— Стахановец я: на пятый день обещал, на четвертый привел! — радуется старик, но внезапно замолкает и в смущении крутит головой.— Ошибся... Оли это.

Теперь и Глафира Макаровна слышит: кричат оли — вóроны. Их перебранка очень похожа на человечью.

«Пургипкавун-конгипкавун»,— различает Глафира Макаровна тонким слухом языковеда, привыкшего приводить звуки в стройный порядок. В ее уме возникает догадка. Так, должно быть, и родилась древняя легенда. Тысячелетия назад шел по земле древний человек, над его головой, крича, кружились черные птицы, и ему казалось, что они решают его судьбу. Не из-за этой ли почти человечьей речи вóрон у некоторых древних народов считается божеством?

Собирательница слов

Чего раскричались оли? — недовольно ворчит проводник.

Его спутница погружена в свои мысли. Вдруг ход их прерывается, она взлетает вверх и со всего размаху падает в речку.

Речка мелкая, каменистая. Но в первую минуту боли почему-то совсем не чувствуется.

— Жива?! — кричит испуганно проводник.

Она встает, слегка оглушенная. Удалось подняться самой, стало быть, еще ничего, кости целы... Но фотоаппарат? А часы?..

Прихрамывая, она выбирается на берег, где проводник укоряет оленя, так неудачно прыгнувшего в реку.

— Совсем неразумный ты, бэе...— говорит он оленю, и, как ни больно Глафире Макаровне, она не может не улыбнуться: «бэе» — значит «человек».

Фотоаппарат цел, а часы остановились. Серьезная неприятность, плохо потерять счет времени в этих безлюдных местах!.. Однако ничего не поделаешь, нужно продолжать путь... Но проводник показывает на небо.

— Ехать нельзя, большой дождь польет...

...И вот олени остановлены в узкой долине. Морщась от боли, Глафира Макаровна помогает проводнику разбить палатку. Едва они входят в палатку, о стенки ее начинает барабанить дождь.

Глафира Макаровна стягивает мокрые сапоги и закатывает рукав куртки. На правой руке и на правой ноге два огромных кровоподтека.

— Сильно ушиблась, бэе,— сочувствует проводник.

— Ничего, то ли еще бывало!.. Отдохну немного, все пройдет. Дождь, как видно, надолго...

Капли стучат о стенки палатки, спешить некуда, самое время потолковать друг с другом двум пожилым людям. И хотя нехорошо надоедать человеку с расспросами, старик не может совладать с любопытством.

— Сендиви сендадечав, я слышал слух,— говорит он по-старинному,— много лет ты ездишь по нашим местам, бэе...

— Двадцать лет. Двадцать два года, если не считать перерывов.

— «Эвенки из Ленинграда» тебя зовут. Эвенки Василевич... Скажи, эвенки ты?

— Нет, я русская. Русская из Ленинграда.

— Хорошо по-нашему говоришь. Как эвенки... Скажи, бэе, — переходит он наконец к самому важному, из-за чего начал весь этот разговор.— Ты старая уже, белая голова у тебя скоро будет... Не легко ведь это — ездить по горам, по тайге, вот сегодня упала ты... В прежнее время русский зачем к эвенкам ездил? Соболя брал, белку. Брал много, платил мало. Богатство себе собирал... Скажи, бэе, зачем ты ездишь? Какое богатство собираешь, чем платишь?..

Последние слова старик произносит в шутку. Но «эвенки из Ленинграда» неожиданно отвечает серьезно.

— А ведь ты угадал,— говорит она,— я тоже собираю богатство... я сказки, предания, слова собираю.

Дом на Мойке

Старик не успел расспросить, что значит этот мудреный ответ. За стенкой палатки беспокойно захоркали олени, и он вышел посмотреть, что у них случилось.

Глафира Макаровна осталась в палатке одна и под шум дождя стала думать, как разъяснить проводнику, в чем заключается дело ее жизни и почему она его выбрала.

В памяти встал Ленинград, город ее молодости, революционный Петроград 1919 года. В домах тогда было темно и холодно, почти как в чуме у эвенков зимой, когда погаснет костер. И, пожалуй, одним из самых выстуженных зданий был дом на Мойке, где помещался Географический институт.

Занимались тут по вечерам, часто при свечах. Студенты, голодные и усталые, приходили сюда после рабочего дня. Но едва начинались лекции, усталость точно рукой снимало, и всех освежал соленый ветер странствий.

Какие это были лекции! Ученые сообщали здесь о своих путешествиях и открытиях. Известный всем Ферсман рассказывал о будущности Хибин, а Штернберг, Штернберг, чей труд о гиляках перевел Фридрих Энгельс, вдохновенно говорил о Сахалине, о гиляках — маленьком народе, с культурой которого он познакомил человечество. Здесь писатель и ученый Тан-Богораз произносил строгие и скромно-прекрасные слова о том, что им, молодым, предстоит нести знания в самые далекие уголки Родины.

«Изучать язык и историю народа лучше всего на месте. Но не только изучать и учить должны вы. Не только исследовать, но помогать народу,— повторяли студентам эти ученые-энтузиасты, по большей части бывшие политические ссыльные.— Не рассчитывайте на славу и деньги... Вас ждет жизнь, полная лишений и опасности, но эта жизнь достойна мужественных людей!»

«Служить народу!» Как звучали эти слова в Петрограде в годы революции, давшей право на

Тысячи километров по северным рекам проплыла Василевич, охотясь за словами.

жизнь людям, которых еще недавно презрительно называли «инородцами»!..

Помогать людям, изучая их язык и культуру,—разве это не прекрасная цель?! И она, скромная работница почтамта и преподавательница гимнастики, Глафира Василевич, решила посвятить себя этой цели.

Кое-кто говорил: «Девушкам не под силу кочевая жизнь». Она только насмешливо пожимала плечами. Спортсменка, туристка, она не уступала мужчинам в упорстве и выносливости. Юноши из гребного клуба конфузливо вспоминали: во время первой гонки на Неве восьмерку мужчин обогнали восемь девушек, те самые девушки, кого они не хотели принимать в клуб.

Загребной в этой женской восьмерке была Глафира Василевич.

Рыцари тайги

Такой — упрямой, азартной и, может быть, слишком непримиримой к маленьким человеческим слабостям — была она в том, 1925 году, когда, окончив институт, приехала в Иркутск. Отсюда ее путь лежал в тайгу, на стойбища эвенков — одного из малых народов Севера.

Из Иркутска она добралась до Усть-Кута, поселка на Лене. Теперь, когда в быт вошли самолеты, это было бы пустяком. Тогда ей пришлось долго ехать на лодке и на барже...

Никто в поселке толком не знал, где кочуют эвенки. Но один из жителей взялся проводить ее в тайгу. Они выехали из села Марково верхом, прихватив вьючных лошадей. В Иркутске молодую женщину пугали всякими опасностями, но она думала только об одном — поскорее увидеть эвенков.

Все, что она читала и слышала об этом народе, казалось ей интересным. Группы эвенков, к которым она ехала,— эвенки, бродившие в верховьях Нижней и Подкаменной,— не изучались еще никем, увидеть их было вдвойне интересно.

Несколько дней она с проводником двигалась по следам кочевьев, натыкаясь в пути лишь на голые остовы чумов. На седьмой день послышались человеческие голоса и хорканье оленей. Они увидели розовую бересту чумов, светившуюся сквозь зелень лиственниц, навстречу им вышли люди с детски добрыми и доверчивыми глазами.

Приезжую угостили чаем с оленьим молоком и отвели в чум, ни о чем не расспрашивая: невежливо спрашивать у гостя, зачем он приехал, хороший человек расскажет о себе сам.

В стойбище нашлись люди, немного знавшие русский язык. С их помощью она объяснила остальным, что приехала из Ленинграда помочь им выбрать людей в Совет, что выбирать надо самых умных и толковых — тогда эвенкам будет легче жить. Она рассказала о Комитете Севера, цель которого — помогать народам Севера. Ее слушали внимательно. Здесь, в глухой тайге, еще и в 1925 году мало знали о Советской власти.

— Я останусь здесь и буду кочевать с вами,— добавила она.— Я хочу научиться вашему языку.

Эти слова выслушали не без удивления: зачем русскому знать язык эвенков? Но к ее желанию отнеслись с полным доверием. Тот, кто сам не лжет, редко подозревает во лжи других. Эвенки же не привыкли врать, нельзя говорить, чего нет. По их поверьям, слово живет своей жизнью. Скажешь лживое слово, и оно обернется против тебя.

Она поселилась в чуме. Шутя она называла его своим «рабочим кабинетом». Здесь лежали ее тетради, краски, альбомы, фотоаппарат... Сюда по вечерам сходилась молодежь потолковать о новом законе и сфотографироваться тайком от стариков. Старики считали, что, снимаясь, человек теряет душу: она переселяется в карточку.

«Рабочий кабинет» исследовательницы в чуме.

Нелегко ездить верхом на полудиком олене! У эвенков это умеют даже дети.

Иногда ей казалось, что ее каким-то чудом забросило в древнюю эпоху палеолита или неолита. Но эти древние люди очень быстро впитывали все новое... Многие их качества пришлись ей по душе. Добрые, открытые, как все охотники, они не любили жадных людей. Не потому ли гостья и жители становища исполнились симпатией друг к другу. Глафире Макаровне рассказывали то, что обычно скрывали от чужих,— тайны всевозможных обрядов...

Ей нравилось уважительное отношение эвенков друг к другу, их дети — здесь они рано становятся помощниками взрослых. Она показывала им картинки и книги, которые тоже для них были только картинками,— ведь эвенки даже не представляли, что слова, которые они произносят, и песни, которые они поют, можно изображать на бумаге. У них не было письменности. Дети звали ее «дедушка»: должно быть, за ее очки и брюки.

Через несколько дней после ее приезда эвенки двинулись в кочевку. Гостье подвели оленя. Это был первый олень, на которого ей предстояло сесть, и она не без страха посмотрела на седло без стремян. Тогда, заметив ее замешательство, эвенк, подведший ей оленя, опустился на одно колено, рыцарски подставив ей другое... Глафира Макаровна совсем растерялась. Но, оглядевшись, увидела, что точно так же они подсаживали на оленей всех слабых, пожилых женщин стойбища, и это уважение к старости, так же как уважение к гостям, глубоко тронуло ее.

Она прожила у эвенков все лето. Осенью, с пачками тетрадей, рисунков, фотографий, она дружески распростилась с ними; уже тогда у нее созрело решение: свою научную работу — а значит, и жизнь — она посвятит изучению языка и истории эвенков — тех, кого недаром называют «рыцарями тайги».

Цена слова

Еще в то лето она начала собирать богатство, о котором сказала проводнику. В тетрадях у нее было записано множество эвенкийских слов, преданий, загадок. С каждой поездкой сокровища умножались. И все это потом вошло в статьи, книги и большой словарь, теперь он почти что закончен...

Вот ведь как меняется сознание человека! В детстве ей казалось: нет ничего скучнее толстой — вроде кирпича — книги словаря. Да и позже, узнав, что словарь делают языковеды, лингвисты, она при этих словах представляла себе скучных, дотошных людей, которые, как черви, роются в пыльных книгах... И вот оказалось, что создание словаря — живое, а подчас даже опасное дело. Если бы на его узких полях можно было написать все, что перевидал и пережил собиратель слов!

Ведь для того, чтобы изучить язык народа во всех его тонкостях и богатстве, надо ознакомиться со всеми оттенками этого языка, с различными его говорами, диалектами... Эвенки кочевали на больших расстояниях друг от друга, и, скажем, говоры групп, живущих на Подкаменной Тунгуске, значительно отличаются от говоров эвенков, кочевавших между Обью и Енисеем, а диалект этих групп, в свою очередь, мало схож с диалектом эвенков Алдана... Языковеду, которому необходимо ознакомиться со всеми говорами, со всеми диалектами, приходилось совершать далекие и трудные переезды... В первые годы, когда Глафира Макаровна ездила по этому краю, плотность населения в нем не превышала 0,007 человека на 1 квадратный километр, иными

Доярка из стойбища на Нижней Тунгуске.

словами, на одного жителя приходилось 7 тысяч километров пространства. Чтобы добраться от одной группы эвенков до другой, иной раз приходилось проехать, плыть и пройти сотни километров по горам, рекам и девственной тайге.

Сейчас в палатке Глафира Макаровна мысленно перелистывала страницы своего словаря. «Говор эвенков витимо-олекминской группы»... В памяти встает горная тайга, ливни, размывающие тракты, тропы, круто бегущие вверх.

Здесь, подымаясь на плоскогорье, она испытала первый и единственный приступ горной болезни и, задыхаясь, упала без сознания. Придя в себя, она услышала голоса проводников. Тогда она уже хорошо знала язык и поняла, о чем они говорят. В простоте души они собирались применить к ней способ, которым они приводят в чувство оленей,— воткнуть ей палочку между ребер...

А говоры сымской группы! На них говорят между Обью и Енисеем. В этих местах с удивительной чистотой сохранились древнейшие обычаи, здесь эвенки носят самые красивые, шитые бисером костюмы... Но, добираясь до этих мест, она и две ее ученицы, практикантки университета, были почти что заживо съедены комарами. Ехать туда пришлось с Енисея на лодке вверх по Сыму, по плесам, лодку тащили на веревке... А чтобы записать говор эвенков Нижней Тунгуски — Угрюм-реки,— нужно было пройти три тысячи километров на веслах — три месяца гребла она по изменчивой сибирской реке!

Да и в отдельных словах, помещенных в этом словаре, есть для нее свой, подчас смешной, а иной раз и печальный смысл.

Слово «харги»... Она услышала его во время своей первой зимовки в стойбище. Как памятен ей этот холодный чум бедняков! У них даже подстилки не нашлось, чтобы уложить гостью. А зимней ночью в чуме холодно, как на дворе, а на дворе мороз доходит до шестидесяти градусов! Она спала там завернутая, можно сказать, запеленутая в шубу и ватник. Поэтому, возможно, ей приснился страшный сон, будто ее закопали в землю. Громко закричав, она открыла глаза, но тут же снова заснула.

Наутро чум оказался совершенно пустым. Немного удивленная, она пошла к соседям, но те при виде ее разбежались в ужасе. Ведь она кричала ночью, значит, в нее вселился злой дух «харги», и она может принести людям несчастье.

Есть еще такое эвенкийское слово «мухун», или «мусун». Буквально оно означает «живое», «жизнь», «сила». Эвенки вкладывали в это слово особый смысл, они считали живым все, что движется, даже и неодушевленные предметы...

Как-то зимой Глафира Макаровна вместе с хозяйкой чума — глубокой старухой — отправилась на факторию за продуктами. Выехали на розвальнях. В дороге упряжка внезапно развалилась... Глафира Макаровна взглянула на старуху, старуха — на нее. Выяснилось: ни та, ни другая не умеют запрягать лошадь.

Лошадь встала... Надвигалась ночь, ударил сильный мороз.

— Умирать будем,— покорно сказала старуха. Как многие старые эвенки, она относилась к смерти с совершенным спокойствием.

Но Василевич не хотела сдаваться смерти.

— Вставай, бэе! Пойдем поищем людей...

Старуха отрицательно покачала головой. Глафира Макаровна пошла вдоль реки одна. Впервые одна, без дороги шла она по зимней тайге.

Впервые не умом, а всем существом своим поняла она, каково одинокому человеку в тайге. Как злобные существа, накидываются на беззащитного путника ветер, мороз, колючий снег, и стоит ли удивляться, что незнакомому с наукой человеку все это кажется живым?..

Снежная пурга разыгрывалась все сильней. Искать людей было бессмысленно. Глафира Макаровна пошла назад.

— Вернулась? — спросила старуха.— Садись рядом. Вместе умирать будем.

Тогда Глафира Макаровна стала взнуздывать лошадь. Никогда раньше ей не случалось этим заниматься, и, на беду, ни разу толком не пригляделась она, как это делают эвенки. Но то ли от отчаянной решимости, от нежелания ли покоряться, от острой ли жажды жить случилось почти чудо: все стало на место, лошадь тронулась. Продрогшие, но живые добрались они до фактории...

И сколько еще раз случалось ей плутать по тайге, вязнуть в топях, плыть с риском для жизни в лодках-берестянках и долбленке по порожистым, бурным речкам... Из всех этих поездок она возвращалась с добычей, привозя свои знания языка, быта, новые слова и названия мест, обогащая историю эвенков... И, может быть, пережив все опасности, хорошо знакомые эвенку — охотнику, кочевнику, оленеводу,— она особенно глубоко вникла в характер языка и историю этого народа и стала тем человеком, которого называли в этих местах «эвенки из Ленинграда».

Часы пошли

Проводник наконец вернулся в палатку. Оказалось, олени волновались не зря. Он сам видел в долине свежие следы. Кого? Он не хотел называть. Конечно, может, молодежь и права и все это суеверие, но лучше все же не называть медведя по имени: еще услышит косматый и придет сюда...

— Кончается дождь. Поедем скоро,— говорит старик. Медвежьи следы и перемена погоды, видимо, отвлекли его, и он забыл о прерванном разговоре и о своих вопросах. Но Глифира Макаровна хорошо помнит их, и сейчас, когда она уже ответила мысленно, в чем заключается собранное ею богатство, она вспоминает о другом вопросе проводника: «Чем ты платишь за это?»

— Внуки есть у тебя, бэе? Учатся они? — внезапно спрашивает она.

Конечно, у проводника есть и внуки и внучки, и все они учатся... Как же иначе?

— Читают, пишут? По-эвенкийски?..

Ну да, они читают и пишут по-эвенкийски. Что они, глупые разве?.. Какие странные вопросы задает эта «эвенки Василевич»! И чему она улыбается?

— Почему смеешься, бэе?

Конечно, можно ответить старику правду. Можно сказать, что ее веселит мысль, как изменилась жизнь эвенков за эти годы. Ведь теперь их дети живут не в чумах, а в теплых, хороших домах, вместо стойбищ выросли колхозы... Теперь эвенки сами преподают в школах и все дети их учатся. И вот даже он, старый человек, забыл о времени, когда эвенки вовсе не умели записывать свою речь, когда у них не было письменности...

Можно прибавить еще, что азбуку — да и все учебники, по которым учатся внуки проводника,— разработала и написала она, Глафира Макаровна Василевич, и что многие из учителей эвенкийских школ — ее ученики... Но зачем повторять очевидное и, тем более, зачем хвалиться?..

И Глафира Макаровна отвечает другое.

— Чему смеюсь?.. Радуюсь я. Слышишь, бэе, часы пошли...

СОКРОВИЩА НАШИХ МУЗЕЕВ

Ребята-москвичи знают: хочешь полюбоваться картинами русских художников — иди в Третьяковскую галерею. Ленинградцы знакомятся с произведениями лучших наших мастеров в Русском музее. А что делать любителям искусства, живущим в Сибири, на Кавказе, на Урале? Нужно ли им, если они хотят насладиться живописью, непременно ехать в Москву или Ленинград?

Нет, это совсем не обязательно: сокровища искусства рассеяны у нас по всей стране. Мы не говорим уже о столицах союзных республик, о таких городах, как Киев, Тбилиси, Рига...

В музеях иных, даже не очень больших городов выставлены картины, которые сделали бы честь московской или ленинградской галерее. Скажем, в крымском городе Феодосии находится богатое собрание картин художника Айвазовского — уроженца города; жители Уфы имеют возможность любоваться подлинниками Репина, Левитана, Нестерова...

На вкладках вы видите репродукции картин, находящихся в музеях Омска, Свердловска, Иркутска. Это очень хорошие картины лучших наших мастеров.

Перед вами гордость Иркутского художественного музея — картина «Перелесок», написанная И. Шишкиным, которого называют певцом русского леса.

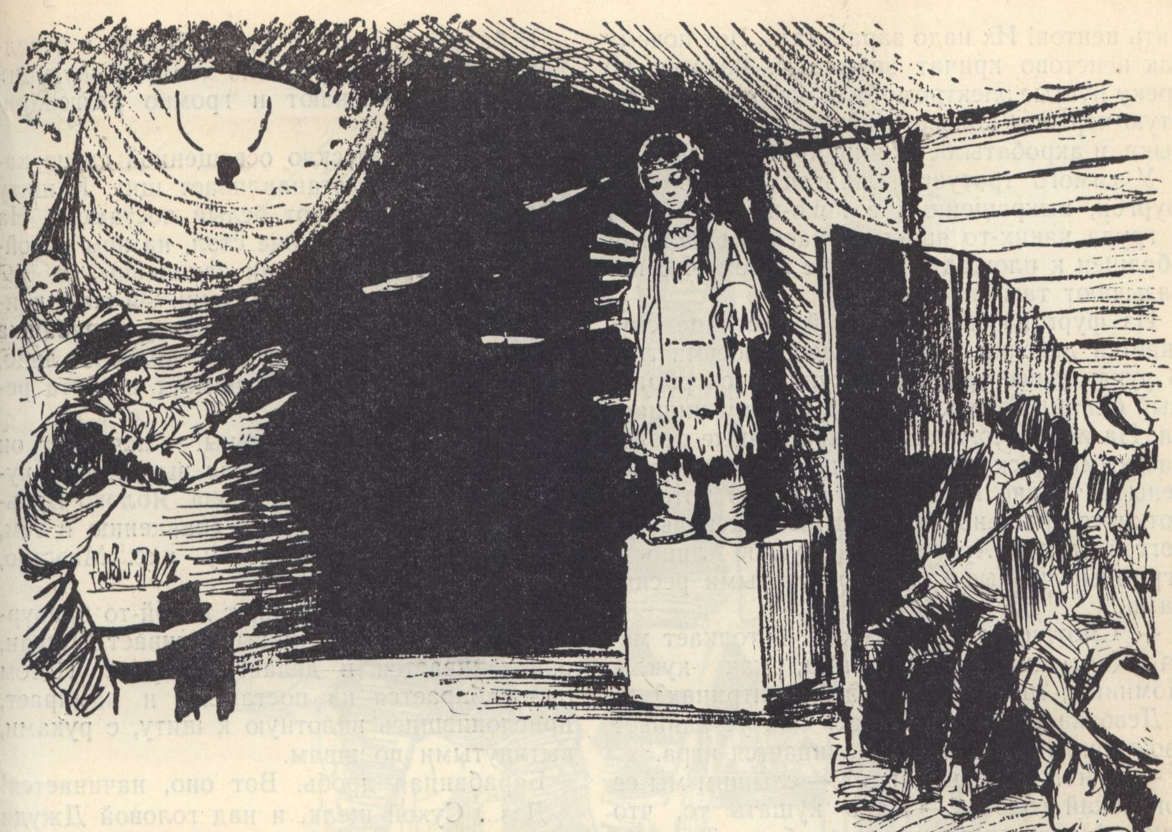
В этом году исполняется 125 лет со дня рождения художника. С любовью и мастерством изображена на полотне родная природа. По своим художественным достоинствам «Перелесок» не уступает самым прославленным работам Шишкина, таким, как «Утро в сосновом бору»,— картине, которую вы все, наверно, знаете по репродукциям, открыткам и даже конфетным оберткам...

Тонкую прелесть раннего, перламутрово-розового утра в Венеции передает картина И. Айвазовского, находящаяся в том же Иркутском музее. А какой силой, какой несокрушимой мощью дышат фигура богатыря и былинный его конь, написанные Виктором Васнецовым!

Эта превосходная картина давно знакома посетителям Свердловского музея.

Очень хорош этюд-набросок художника К. Коровина, от него так и тянет свежим запахом снега... Совсем в ином роде картина Н. Ярошенко «Проводил», она заставляет глубоко задуматься... Кого проводил этот старик, одиноко стоящий на перроне? Может быть, дочь у него уехала учиться в далекий Питер? А может быть, вагон, скрывшийся в тумане, был таким же вагоном с решетчатыми окнами, какой изображен на другой картине Ярошенко — «Всюду жизнь», и в этом тюремном вагоне уехал в сибирскую ссылку единственный сын старика — студент, бунтарь, революционер? Картина написана в 1891 году, а в те годы такие горестные расставания нередко можно было наблюдать на вокзалах...

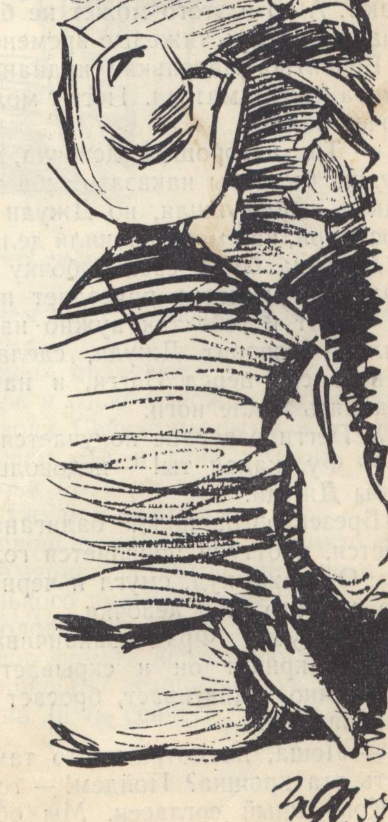
Конечно, в журнале мы смогли поместить всего лишь несколько репродукций. Это ничтожная часть бесчисленных богатств, которые рассеяны по разным городам.

МАЛЕНЬКАЯ ИНДИАНКА

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОРЯКА ДАЛЬНЕГО ПЛАВАНИЯ

Ю. Клименченко **Рисунки Г. Филипповского.**

Калифорния. Окраина Лос-Анжелоса. Мы сидим под полосатым тентом маленького кафе и пьем лимонад, в котором плавают прозрачные льдинки. Очень жарко.

Перед нами на огромном, многокилометровом пустыре раскинулась ярмарка — развлечение бедняков. Чего здесь только нет! Цирк, зверинец, факиры, гадалки, балаганы с механическими азартными играми, качели, чертовы колеса, карусели... Все это крутится, вертится, трещит, звенит, кричит навязчивыми голосами зазывал.

Лениво двигается толпа. Повсюду слышны музыка, взрывы смеха, плач детей, испуганные крики женщин.

Время от времени легкий ветерок поднимает в воздух маленькие смерчи из ореховой скорлупы, разноцветных бумажек и смятых сигаретных коробок.

На ярмарке все «дешево».

Нет счастья, которого нельзя было бы купить за двадцать пять центов. Но мы уже знаем цену этим двадцати пяти центам.

За двадцать пять центов в день гнет спину на ананасовых плантациях темнокожий подросток. О двадцати пяти центах мечтает безработный плотник, бредущий по накаленным автострадам штатов в поисках работы. Двадцать

пять центов! Их надо заработать. Вот почему так неистово кричат зазывалы, носятся по треку пустые электромобили, крутятся вхолостую чертовы колеса и карусели, играет музыка, и акробаты без конца крутят сальто.

У самого тротуара балаган. Около него фургон, выкрашенный в ярко-желтый цвет, и груда каких-то ящиков. Фасадом балаган обращен к площади, и мы не знаем, что показывают там, внутри.

Из фургона по маленькой лестнице спускается девочка. Ей не больше восьми лет. В руках у нее тряпичная кукла и обгрызанный банан. Девочка одета в костюм индианки. На ногах мокассины, украшенные разноцветными лоскутками сукна, волосы заплетены в тонкие косички, в одну из которых воткнуто крашеное перо, на шее ожерелье из когтей птиц. Худенькое, смуглое лицо и огромные черные глаза под густыми ресницами.

— Смотри, какая прелесть! — толкает меня Контушный.— Она сама, как кукла. Помнишь, мы видели такие в витринах?

Девочка не замечает нас. Она устраивает свою куклу на ящиках. Начинается игра.

— Пегги, хочешь банан? — слышим мы ее тоненький голосок.— Надо кушать то, что дают. А то и этого может не быть. Ты ведь знаешь, теперь тяжелые времена.

Вероятно, маленькая индианка повторяет слова своей матери. Пегги молчит. Она не хочет банана.

— Ты нехорошая девочка, Пегги. Мне нужно было бы наказать тебя за то, что ты такая непослушная, но Джуди добрая. Вот посмотри, как меня научили делать реверанс.

Девочка берет свою юбочку двумя пальцами и грациозно приседает перед куклой.

— Вот и тебе так нужно научиться. Поняла? — говорит Джуди, сделав несколько реверансов перед Пегги, и начинает переставлять кукле ноги.

У Пегги реверанс получается плохо.

— Фу, какая ты! — недовольно надувает губы Джуди.

Брезентовый полог балагана приоткрывается, и оттуда появляется голова мужчины. Он тоже худ, смугл и черноглаз. Похоже, что это отец девочки.

— Джуди! Фрэд заканчивает. Сейчас нам!..— кричит он и скрывается. Девочка испуганно вздрагивает, бросает куклу и бежит за полог.

— Леша, посмотрим, что там может делать эта крошка? Пойдем! — говорю я.

Контушный согласен. Мы обходим фургон, берем билеты и входим.

В балагане темно и пусто. Только в переднем ряду сидит несколько человек, жующих резину. Они чавкают и громко разговаривают.

На жалкой, тускло освещенной сцене какой-то человек устанавливает щит. К щиту вплотную придвигают белый постамент. На противоположном конце стол, на нем какой-то ящик. Приготовления закончены.

На сцене появляется хозяин. Он же и конферансье. Неопрятная, засаленная рубашка без воротника, обрюзгшее, толстое лицо, плешивая голова. Он вынимает изо рта резинку.

— Леди и джентльмены! — начинает он гнусавым голосом.— Сейчас вы увидите чудо точности и верности глаза. Яблоко Вильгельма Телля — ничто по сравнению с тем, что будет представлено у нас. Маэстро, прошу!

Скрипка и труба играют какой-то бравурный мотив. На сцену выпархивает Джуди, раскланивается и делает реверанс. Потом она забирается на постамент и замирает, прислонившись вплотную к щиту, с руками, вытянутыми по швам.

Барабанная дробь. Вот оно, начинается!

Дзз... Сухой щелк, и над головой Джуди дрожит длинный, блестящий нож с белой ручкой, пущенный из-за кулис. Он глубоко вошел в щит. Девочка не пошевелилась. На сцену выбегает человек в широких ковбойских штанах, с голубым платком на шее и в сомбреро. В руках у него несколько ножей. Почти не глядя, он мечет их в щит. Дзз... Дззз... летят ножи. Хочется вскочить и закричать: «Прекратите! Хватит!». Но кричать нельзя. Малейшее неверное движение — и девочка будет мертва. Даже привыкшая ко всему американская публика затихла и перестала жевать.

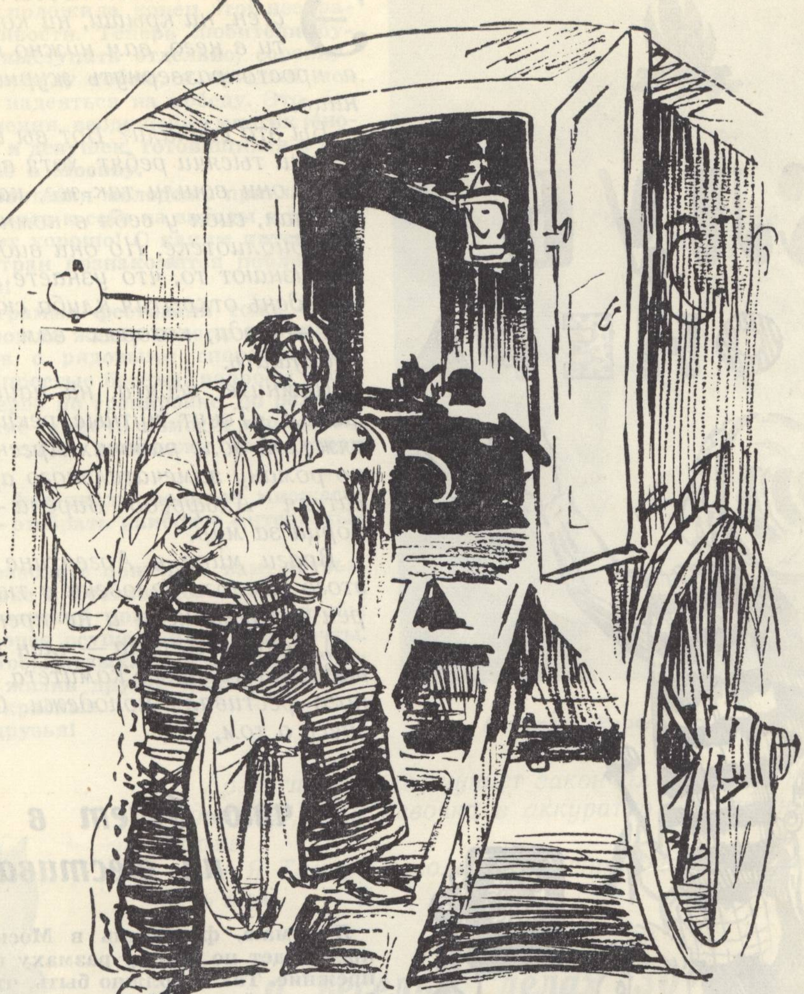
А ножи все летят. Уже почти закончен страшный контур девочки из дрожащих лезвий. Ну, кажется, скоро конец!

Еще несколько ножей, и «ковбой» напряженно кланяется, вытирая лоб своим шейным платком. Публика снисходительно хлопает.

— Хелло, Джуди! Выходи! — кричит артист своей маленькой партнерше. Девочка не двигается.

— Ну же, Джуди, ну!.. Выходи, поклонись публике! — ласково говорит «ковбой», снимает Джуди с постамента и ставит на пол.

Девочка бледна, глаза ее полузакрыты. Как заводная кукла, она приседает и деревянными шажками уходит за кулисы.

У желтого фургона стоит «ковбой» и держит девочку на руках.

Труба и скрипка играют марш «Звезды и полосы».

— Пошли скорее прочь! Какое звериное сердце нужно иметь, чтобы так развлекаться! — говорит Алексей, когда мы пробираемся к выходу.

У желтого фургона стоит «ковбой» и держит девочку на руках. Она не двигается.

— Что-нибудь случилось? — спрашиваем мы в один голос.

Человек грустно смотрит на нас.

— Нет, господа. Все в порядке. С ней это бывает после каждого представления. У дочки слабое сердце, а работа, как видите, тяжелая...

— Так зачем же?..— невольно вскрикиваю я.— Зачем?..

Глаза «ковбоя» мрачнеют.

— Лучше уж я убью ее ножом, но не дам умереть от голода. Сейчас мы сыты, а другие индейцы умирают. Да и глаз у меня еще верный. Ошибки быть не должно.

Он уносит Джуди в фургон.

С тех пор прошло много лет, но никто из властителей Америки не сказал ни слова в защиту маленького индейского народа, умирающего от голода.

Я до сих пор помню крохотную детскую фигурку и дрожащие лезвия вокруг нее.

Джуди, жива ли ты сейчас?

КЛУБ ПИОНЕРА

Это клуб совсем необычный. В нем нет ни стен, ни крыши, ни комнат. Чтобы войти в него, вам нужно не дверь открыть, а просто развернуть журнал на этой странице.

Вы это сделали? Вот вы и в клубе. Вместе с вами тысячи ребят, хотя вы их и не видите. Ведь они вошли так же, как и вы: открыли журнал, сидя у себя в комнате или в школьной библиотеке. Но они видят то, что видите вы, узнают то, что узнаете вы.

В день открытия клуба сюда собрались гости — люди, которых вам будет интересно послушать.

Помните, ребята, на наших экранах шел фильм «Текут мутные реки»? Это фильм о тяжелой доле рабочих Аргентины. Он создан по роману замечательного аргентинского писателя Альфредо Варела — коммуниста и борца за мир.

Враги мира в Аргентине не раз бросали этого смелого человека в тюрьму. Но он верен великой цели и не прекращает борьбы.

Альфредо Варела — член Международного подготовительного комитета Шестого всемирного фестиваля молодежи. Он рассказывает здесь о том,

что будет в Москве на фестивале

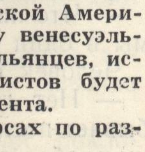

Я думаю, фестиваль в Москве превзойдет по своему размаху все прежние. Так и должно быть, чтобы каждый новый фестиваль был еще лучше, еще веселее и интереснее.

В программу этого фестиваля войдет много нового, чего не было ни в Берлине, ни в Будапеште, ни в Варшаве.

Вот, например, по предложению англичанина Александра Мура будет проведен конкурс современной музыки и танцев. И я рад, что самый любимый народный танец моей страны — аргентинское танго — увидит на фестивале молодежь, собравшаяся со всего мира.

Гитара — любимый инструмент у многих народов на разных материках. В Латинской Америке — у американцев и бразильцев, у венесуэльцев и эквадорцев, в Европе — у итальянцев, испанцев, французов. Конкурс гитаристов будет праздником этого чудесного инструмента.

На прежних фестивалях в конкурсах по разным видам искусства выступали вместе и артисты-профессионалы и простые любители. Мне всегда казалось, что это несправедливо. В таких конкурсах талантливый и опытный артист почти всегда побеждает. С ним любителю трудно тягаться.

Программа Московского фестиваля положила конец этой несправедливости. Теперь любители будут выступать отдельно, соревнуясь между собою, и каждый может надеяться на победу. Это, без сомнения, воодушевит многих юношей и девушек, готовящихся к поездке в Москву.

Советская молодежь приглашает иностранных делегатов к себе на заводы и в колхозы. Как это будет хорошо! С каким интересом гости из других стран познакомятся поближе с Советской страной!

Спортивная программа фестиваля тоже очень богата. Но и тут можно ждать нового: например, встречи чемпионов с рядовыми спортсменами. Это должны быть простые беседы: вопросы и ответы, советы мастеров по тренировке, по режиму дня. Я думаю, такие встречи помогут массовому развитию спорта среди молодежи всех стран мира.

Планов, идей к фестивалю великое множество. Наша задача — отобрать наиболее интересные и дельные.

На прощание позвольте пожелать вам, друзья, успехов в подготовке к фестивалю.

Шлю вам мой братский привет. Желаю, чтобы вы как можно скорее осуществили свои мечты. Но не для того, чтобы отдыхать, а для того, чтобы претворить в жизнь другие мечты, еще более смелые и прекрасные.

До свидания, друзья!

Альфредо Варела со своей дочкой Анаит.

Аргентинский коммунист закончил свой рассказ, и вот уже поднимает руку девочка в аккуратно выглаженной школьной форме.

— Я Тамара Гоголева из Ленинграда. Мне хочется рассказать вам

Фестивальный значок 30-й школы.

о веселых делах 30-й школы

Однажды в коридоре нашей школы появилось объявление: «Все, кто умеет танцевать, петь, мастерить, приходите на смотр, посвященный фестивалю».

Объявление было большое, с яркими рисунками. Оно привлекло внимание ребят, особенно подпись внизу: «Фестивальный клуб».

— Что за клуб?

А это наш комитет комсомола с советом дружины решили открыть в школе клуб ребят, готовящихся к фестивалю.

Смотр, возвещенный объявлением, прошел очень интересно.

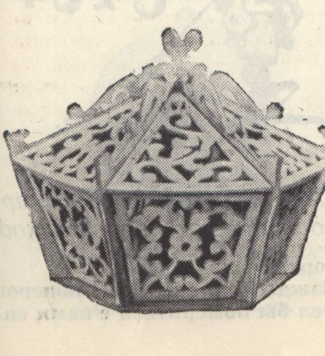
Желающих вступить в клуб становилось с каждым днем все больше и больше, но для того, чтобы стать членом клуба, нужен вступительный взнос — сделать что-нибудь полезное для фестиваля: научить других ребят танцу или песне, приготовить подарок для гостей.

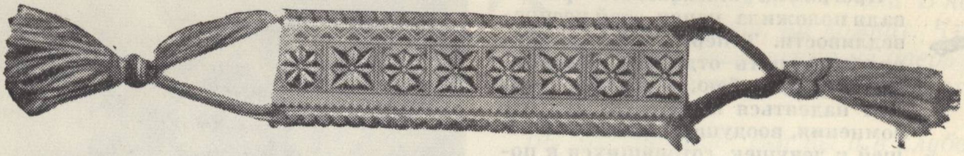
Теперь все пионерские отряды мастерят подарки. У нас их целая гора! Вышитые крестом подушки, закладки из тисненой кожи, резные деревянные шкатулки, письменные приборы. На крыше школы воркуют голуби, а в кабинете биологии лежат пакетики семян для будущих цветников.

Кружки стараются перещеголять друг друга в изобретательности, чтобы привлечь как можно больше ребят.

То вдруг баскетболисты вывешивают стихотворное объявление:

Ставим мы в известность школу:
Блиц-турнир по баскетболу
Будет скоро здесь у нас.
Подготовьте каждый класс!

То появляется на стене коридора плакат наших шахматистов. На нем нарисован оседланный шахматный конь, а под ним подпись о предстоящем турнире.

В коридорах школы то и дело звучат нерусские слова. Это практикуются члены кружков иностранных языков. Ведь у нас почти все ребята переписываются с зарубежными пионерами и хотят знать язык своих друзей!

А недавно клуб вместе с советом пионерской дружины провел фестивальный праздник: «Мы хотим, чтоб все народы мира жили в дружбе меж собой». На празднике устроили игру-путешествие. Воображаемый самолет перенес нас в Чехословакию, Францию, Албанию, Вьетнам, Индию, Индонезию, Корею и Китай. На празднике были студенты ленинградских институтов, приехавшие к нам учиться из стран народной демократии.

Может, вы, ребята, спросите, откуда мы берем деньги на фанеру, бумагу, краски — на все материалы для подарков, костюмов и праздников. Ответ простой: сами зарабатываем!

Одного металлолома мы собрали больше девяти тонн да еще около двух тонн старой бумаги. Работали на стройке новой школы, перебирали овощи, копали картофель и все заработанные деньги отдавали в кассу клуба.

Мы очень любим свой клуб, и мы подумали: «А что, если и в других школах ребята...»

Эта вазочка, закладка и коробочка на предыдущей странице — вступительные взносы членов клуба.

Неожиданное событие прервало речь Тамары на середине фразы. Рядом послышались настойчивые продолжительные телефонные звонки. Скорей, скорей на переговорный пункт клуба!

— Клуб «Пионера» у телефона.

— Алло! Вас вызывает Берлин... Соединяю. Не отходите от аппарата...

— Говорит Гизела Дитман, я из 8-й школы района Фридрихсгейн... Я сейчас в редакции нашего детского журнала «Шульпост». Мне сказали здесь, что Люба Сорокина хочет знать, почему немецкие пионеры носят синие галстуки.

— Совершенно верно, Гизела. Люба Сорокина прислала нам письмо из Баку и спрашивает об этом.

— Вот я и расскажу Любе

о синем галстуке

Наш синий галстук — частица знамени Союза свободной немецкой молодежи.

И юные пионеры Германии и Свободная немецкая молодежь — дети трудового народа. Синий цвет — цвет труда. Ведь рабочие на заводах носят синие спецовки, синие комбинезоны. Об этом напоминает наш синий галстук и знамя Свободной немецкой молодежи.

Три угла синего галстука означают неразрывную связь школы, семьи и пионерской организации.

Передайте привет Любе и всем пионерам. Дружба!

К сведению болельщиков. Начинается заочный шахматный матч на трех досках. Вход свободный.

Пионеры города Эльстерверда делают первый ход.

Дорогие друзья!

Каждый из наших пионеров хотел бы помериться с вами си-

лами на шахматной доске. Но мы после нескольких тренировочных игр выбрали трех игроков.

Начинаем матч!

Вольфганг Кирхнер: е2 — е4
Винфрид Энгельман: в2 — в4
Вернер Беккер: е2 — е4

С сердечным приветом ваши друзья из Дома пионеров.
Город Эльстерверда, ГДР.

Отвечают юные шахматисты Московского городского Дома пионеров:

С радостью принимаем вызов. На первой доске играет черными Володя Костин. Он отвечает Вольфгангу Кирхнеру 1. ...е7—е5.

На второй доске — Володя Белов в ответ Винфриду Энгельману делает ход 1. ...е7—е5.

На третьей доске — Сережа Никифоров играет с Вернером Беккером: 1. ...е7—е5.

Кроме того, начинаем встречную партию белыми. Володя Костин: 1. е2 — е4. Володя Белов: 1. е2—е4. Сережа Никифоров: 1. д2 — д4.

Ждем ответа. Пусть крепнет наша дружба.

Городской Дом пионеров.
Москва.

Wollen sie mitmachen?

Liebe Freunde!
Wir schlagen Euch einen Leichtathletikfünfkampf vor. Er soll in den Sommermonaten ausgetragen werden. Zur Überprüng schlagen wir eine neutrale Komission vor.
Freundschaft!
Haus der Junge Pioniere
Elsterwerda. DDR

Прочтите, переведите, ответьте: «Да».

Медаль, которую завоевал на спартакиаде пионеров ГДР один из ребят, написавших это письмо.

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ КЛУБА

Каждый раз, заглянув в клуб, вы увидите в галерее новые произведения. Их посылают ребята разных стран. Вот рисунки девочек, которые живут в столице Вьетнама Ханое и учатся в школе имени Чин Вьон. У этой школы героическая судьба. Хотите ее узнать? Ну, так слушайте наш рассказ про

алое знамя над школой

Дело было во время войны Вьетнама за свою свободу.

Школьницы, юные патриотки тоже приняли участие в борьбе народа. Однажды утром перед началом занятий все девочки, как всегда, построились на школьном дворе. По приказу директора-француза запели баодаевский гимн. Ненавистный гимн тянули неохотно, вяло. Вдруг из задних рядов кто-то громко крикнул:

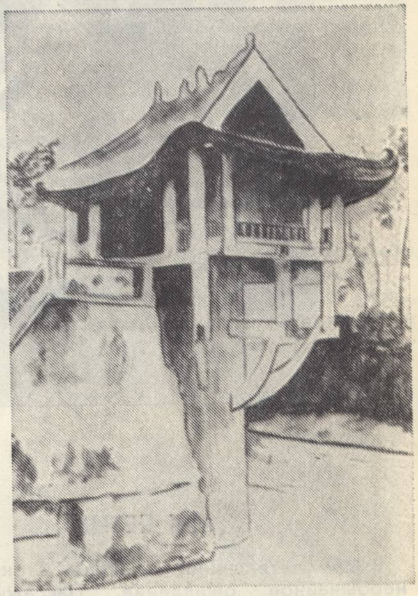
— Да здравствует революция! Долой империалистов!

И тут все школьницы стали смотреть вверх. Над школьным зданием поднималось, расправляя на ветру складки, алое полотнище с золотой звездой посередине — флаг Демократической Республики Вьетнам.

Полиция разогнала школьниц и арестовала.

Это не испугало школьниц. Прошло некоторое время, и над зданием школы вновь взвился алый флаг с золотой звездой. Вновь полицейские обыскивали дома и арестовывали школьниц. Но отважные патриотки продолжали борьбу.

Сейчас в Ханое строится новая, свободная жизнь, а учащиеся школы имени Чин Вьон, как и вся вьетнамская молодежь, помогают своему народу и в этом.

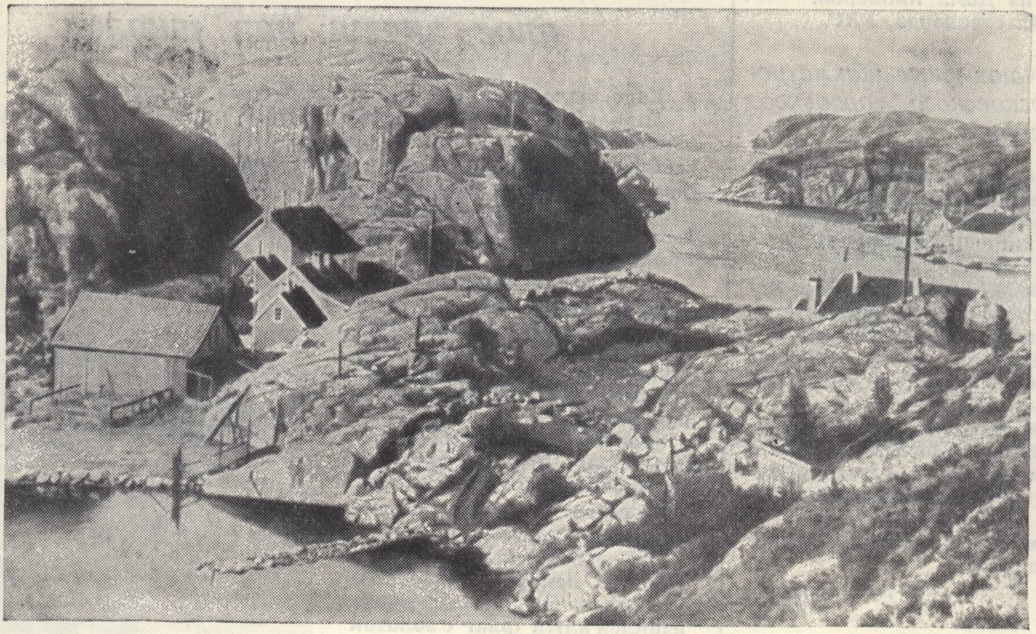

На этих рисунках показаны типичные виды Вьетнама.

★ *Таисия Владимировна Матвеева, редактор газеты «Пионерская правда», руководитель делегации советских пионеров, побывавших в Норвегии, рассказывает про* ★

лагерь дружбы

Скалистые берега Южной Норвегии.

МЫ ЛЕТИМ

В самолете линии Москва — Стокгольм царило необычайное оживление. Пассажиры — взрослые солидные люди разных национальностей — весело улыбались, переглядывались, шутили. Некоторые, не совсем умело выговаривая русские слова, напевали известную детскую песенку:

Мы едем, едем, едем
В далекие края...

В момент взлета пять носов плотно прижались к окошкам пассажирской кабины. Пять мальчиков и девочек в красных галстуках смотрят, как уходит земля.

Именно они, эти ребята, внесли оживление в обычный плановый рейс.

Все интересно ребятам: сверкающие, словно ртуть, тоненькие ленточки речек, игрушечный поезд, бегущий по неприметным полоскам рельс, зеленый ежик лесов, свинцовая гладь Балтийского моря, островки с крохотными коробочками домов.

В столице Швеции Стокгольме мы пересели на другой самолет. Он летит в Норвегию, в Осло.

Пятерка жизнерадостных, общительных ребят быстро приобретает друзей и здесь, в самолете. Вот с Галей Мануйловой оживленно беседует о чем-то немолодая женщина. Это учительница из Парижа. Ее интересует, какие предметы преподают в советских школах, сколько времени длится урок, правда ли, что у нас все дети учатся бесплатно.

Галя отвечает обстоятельно. Первого смущения как не бывало. А вначале она очень робела: говорить первый раз в жизни с настоящей француженкой, да еще по-французски — это не так просто!

Глядя на раскрасневшуюся Галю, я думала, как приятно будет учителям в ее школе узнать, что девочка хорошо справилась с неожиданным экзаменом.

Остальные ребята в это время разговаривали с негром. Переводчицей у них ленинградская пионерка Гуля Дроздова, изучающая английский язык.

Но надо расставаться. Самолет приземлился на аэродроме в Осло. Пассажиры пропускают ребят вперед, и вот наша маленькая делегация на норвежской земле.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ОСЛО

Столица Норвегии встретила нас ярким, по-летнему теплым солнышком. Утопающий в зелени садов и парков Осло показался нам на первый взгляд совсем не северным. Мы невольно ждали встречи с суровой природой, и вдруг такой зеленый, многолюдный, солнечный город!

За короткое время, проведенное в Осло, мы старались увидеть как можно больше интересного. Мы ходили по палубе «Фрама» — корабля, на котором Фритьоф Нансен, а потом Роалд Амундсен совершали свои смелые плавания в Арктике. Мы

видели знаменитый плот «Кон-Тики». Это на нем плыл через Тихий океан отважный норвежский ученый Тор Хейердал.

В другой раз нам удалось совершить необыкновенное путешествие в прошлое. Началось оно с того, что мы вошли в подъезд здания Народного музея с шумной и людной улицы города. Через здание мы попали в обширный парк и увидели в нем маленькие, потемневшие от времени домики с высокими замшелыми крышами, кривые и узкие, заросшие травой улочки, покосившиеся от старости церкви с острыми шпилями. Все это бережно перенесено сюда из самых разных уголков Норвегии.

Переходя от строения к строению, мы словно путешествовали на машине времени, уносившей нас в давно прошедшие столетия.

О третьей нашей экскурсии можно загадать загадку:

Не машина, а везет в гору,
Не самолет, а плывет по воздуху,
Не качели, а висят над землей.

Это подвесная дорога «Клоклейва». Небольшие деревянные скамейки прикреплены к стальному тросу. Каждые три минуты они уходят ввысь одна за другой. Мы сидим на скамейках парами и медленно плывем по воздуху. Навстречу нам спускаются такие же висячие скамейки. Все дальше и дальше уносит нас движущийся трос. С высоты более трехсот метров перед нами открывается Тирефьорд. Фьорды — это морские заливы, глубоко врезающиеся в берега. На один из них мы и смотрим теперь с высоты.

Под нами синяя вода Тирефьорда. Над нами небо, синее, как Тирефьорд. Десятки маленьких островков, поросших густым хвойным лесом, кажутся пучками моха, брошенными на водную гладь неведомой рукой. А вдали, словно гигантские волны каменного океана, громоздятся горы.

Когда вглядишься в норвежскую природу, в ней открывается какая-то своя, особенная нежность и мягкость. Скромные северные цветы в расселинах камней радуют глаз сильнее, чем пышные цветы юга, зелень трав кажется здесь удивительно яркой и свежей, елочки — особенно густыми и мохнатыми.

Высоко в воздухе плывут скамеечки подвесной дороги «Клоклейва».

А люди в Норвегии такие же, как их родная природа: на вид суровые и замкнутые, они при знакомстве оказываются простыми и очень добрыми людьми, приветливыми, гостеприимными и необычайно дружелюбными.

С первых дней приезда мы увидели, что здесь, в Норвегии, наша родина имеет много хороших друзей. Всюду, где бы мы ни очутились — в трам-

Внизу раскинулся Тирефьорд.

вае, в автобусе, в музее или просто на улице,— люди окружали ребят ласковым вниманием, подолгу с интересом расспрашивали их про жизнь в Советской стране и с сожалением прерывали беседу, когда нам надо было продолжать свой путь.

НОРВЕЖСКАЯ ШКОЛА

В Норвегии обязательное бесплатное обучение в семилетних школах.

С одной из них, несмотря на каникулы, нам удалось познакомиться. Здесь детям преподают родной язык, математику, религию, историю, естественные науки, географию. Есть также уроки пения, рисования, гимнастики, ручного труда. Мальчики на уроках ручного труда получают столярные, слесарные и другие технические навыки, а девочки учатся домоводству.

Нам очень понравилось, как ведутся уроки труда для девочек. На этих уроках школьниц учат вести хозяйство, справляться с различными домашними работами, прививают им бережливость, аккуратность, хороший вкус. Во многих школах есть учебные прачечные, кухни, домашние комнаты. Это своего рода учебные лаборатории по домоводству.

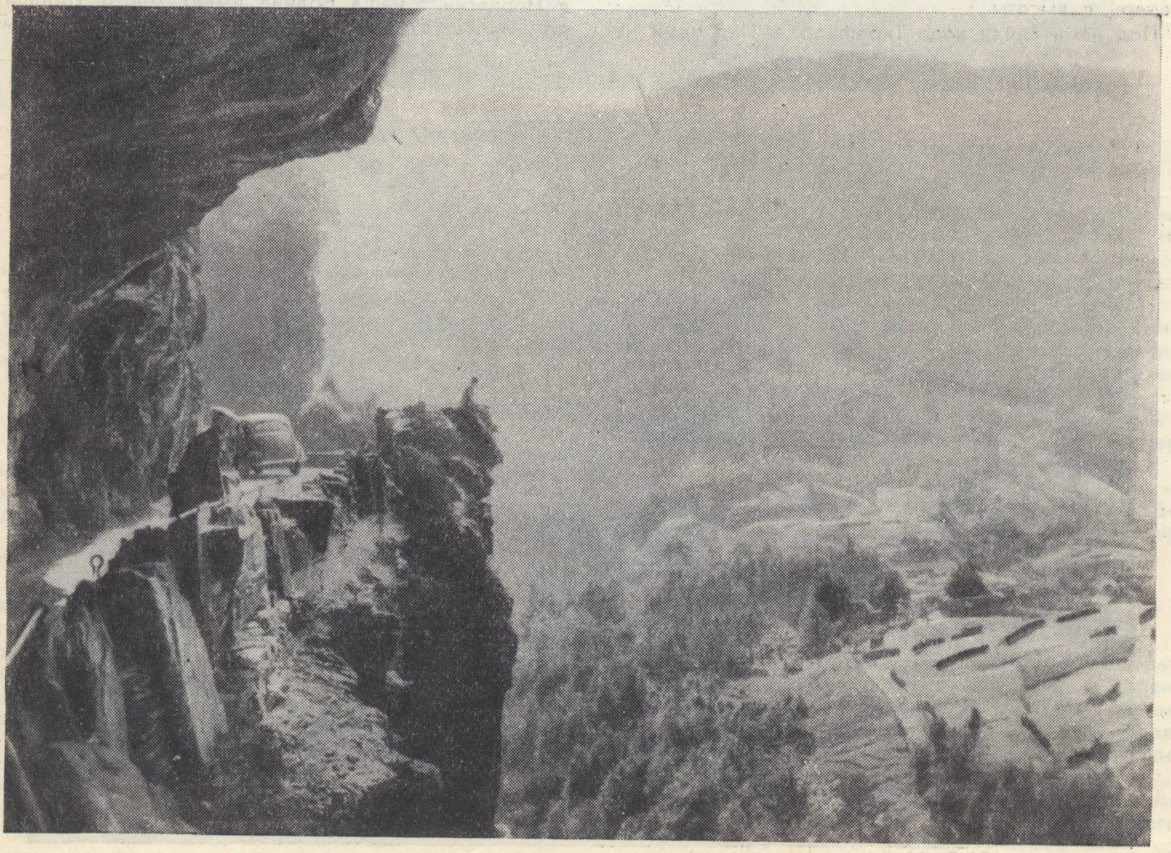
Мы побывали в школьной учебной кухне. На урок сюда приходят одновременно шестнадцать учениц. Их разделяют на четыре «семьи», по четыре человека. Каждой «семье» отводятся кухонный стол, шкаф с посудой и весь кухонный инвентарь. Девочки учатся вкусно готовить различные кушанья, красиво подавать их на стол. В конце учебного года устраивается необыкновенный экзамен. На нем экзаменаторы не только спрашивают, но и едят. Вместе с преподавателями ведут экзамен родители. Попробовав блюда, приготовленные девочками, они ставят отметки.

В норвежских школах оценка знаний ведется иначе, чем в наших. Ученикам первого, второго и третьего классов в течение учебного года совсем не ставят отметок, а начиная с четвертого класса ставят отметки только по наиболее важным предметам. Экзаменов до седьмого класса не бывает.

И отметки там не такие, как у нас. Единица — высшая, самая лучшая оценка, двойка — это просто хорошо, тройка — приблизительно хорошо, четверка — не совсем хорошо, пятерка — посредственно, а шестерка — плохо.

Норвежские ребята очень вежливы, дисциплинированны, аккуратны, и в этом, конечно, немалая заслуга школы. Но вот что нас поразило: школьники мало читают. За все время, что мы прожили в Норвегии, нам почти не встречались дети с книгой в руках, дети, обсуждающие интересный рассказ или повесть.

Я уже говорила, что в Норвегии существует закон о всеобщем семилетнем обучении. Но в капиталистической стране нередко бывает, что хороший закон трудно осуществим. Мы встречали здесь детей, которые даже в бесплатной школе не могут

По этой дороге мы проехали ранним утром из лагеря.

учиться, потому что им приходится работать ради куска хлеба: мальчики — лифтеры в гостиницах, мальчики — официанты в ресторанах, разносчики газет, рассыльные.

Однажды на представлении в цирке мы заметили девочку лет десяти в красной с желтыми кантами форме служащих цирка.

Девочка ходила по рядам с корзинкой и, дойдя до нас, протянула ее нам. В корзинке были сладости и фрукты. Девочка ждала молча, но ее глаза говорили: «Купите хоть что-нибудь, купите хоть немного!».

Нам ничего не было нужно, но разве могли мы отказать ей? Ведь небольшой заработок, который ей дает администрация цирка, зависит от того, сколько она продаст этих сладостей.

У деревенской кузницы.

ЗЕЛЕНЫЙ ОСТРОВОК

Долго мчалась машина по извилистому шоссе. И вдруг остановилась. Дальше нет пути. Перед нами вода. Где же лагерь? Где пионеры?

— А вон там,— показали нам на темнеющий вдали, среди фьорда, пушистый островок.

В маленьком удобном катере мы отплыли от берега.

— Смотрите, смотрите! — закричал вдруг Вестур Шулц, пионер из Риги. Примостившись на носу катера, он не сводил глаз с приближающегося островка.

Теперь и мы увидели на берегу целую толпу детей. Они махали нам платками, галстуками, букетами цветов. Мы тоже замахали им в ответ, пустив в ход флажки, разноцветные надувные шары, шарфы, платочки.

Высаживаемся на берег. В обществе новых друзей, с букетами подаренных нам горных цветов в руках поднимаемся в горы.

Вот, наконец, и лагерь. Для нашей делегации приготовлены две палатки со спальными мешками. Не прошло и часа, как наши путешественники спали непробудным сном.

Этот горный лагерь норвежские пионеры создали своими руками. Вожатые в нем — комсомольцы. Их немного, и они работают бесплатно. Ведь у норвежской пионерской организации очень мало средств.

Ребятам в лагере была предоставлена полная самостоятельность. И, право же, они чувствовали себя отлично. Никто не болел, не происходило никаких чрезвычайных происшествий, хотя все спали на открытом воздухе, купались в море и катались на лодках. С увлечением все работали и по хозяйству: в кухне, на лагерной территории. Ведь чем старательней они несли свою вахту, тем вкуснее были обеды, тем чище и красивее выглядел лагерь, тем уютнее становилось в палатках.

Наше первое лагерное утро. Вместе с ярким солнышком, птичьим щебетом и раскатистым грохотом волн в палатку ворвались звуки горна. Подъем! Вставайте! Мгновение — и все обитатели лагеря высыпали на большую зеленую поляну. Десятиминутная зарядка, умывание у самодельного водопровода и, наконец, линейка.

Замерли в строю отряды. Тихо стоят мальчики и девочки в голубых блузах и темно-синих галстуках (форма норвежских пионеров). Впереди вожатый в такой же форме, только на груди у него еще свисток на белом шелковом шнуре.

Прозвучала команда начальника лагеря, председателя Норвежской пионерской организации Берит Хансен. Отдаются рапорты. А потом под барабанную дробь взлетают ввысь четыре флага: норвежский, советский, датский и немецкий. В лагере отдыхают два делегата из Германской Демократической Республики и пятьдесят из Дании.

Полтораста детей, взявшись за руки, на разных языках поют: «Дети разных народов, мы мечтою о мире живем». Далеко по всему острову горное эхо разносит песню, и слова ее звучат как клятва дружбы и борьбы.

...Незаметно пролетели дни нашей лагерной жизни. Каждый день приносил что-нибудь новое. Соревнования, игры, походы сменяли друг друга. Но больше всего мы полюбили «костры дружбы». Они зажигались каждый вечер на одной из лужаек. Ребята рассаживались вокруг. Здесь не нужны были переводчики. Голос песни понятен всем. У костра советские пионеры учили норвежцев нашим песням, танцам, играм, норвежцы учили нас своим. Веселились, играли, пели. Затаив дыхание, слушали норвежские пионеры русскую балалайку.

Норвежские ребята любят петь. Стоит зазвучать песне, уж тут нет равнодушных. Даже в столовой, прежде чем сесть за стол, дети хором желают друг другу приятного аппетита, а по окончании еды хором поют песню «Так фор мат» («Спасибо за еду»).

Крепко подружились ребята в лагере! Неразлучными стали норвежская девочка Муна с Люсей Михайловой из Ворошиловграда, Вестур Шулц и норвежский комсомолец Янек, а брат и сестра Илья и Майя — датские ребята — не отходили от наших ребят.

Никогда не забыть нам вечера накануне отъезда. В этот вечер особенно много русских песен было спето, в этот вечер все танцевали «русскую», «гопак» и торжественно маршировали, громко распевая: «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля...»

...10 часов вечера. В Москве сейчас полночь. На-

ши друзья переводят стрелки своих часов на 12, и в то же мгновение в наступившей тишине звучит радио: бом, бом, бом... Гулко падают двенадцать ударов. Это Спасская башня.

Звон кремлевских курантов сменяется мелодией советского гимна. Взявшись за руки, все наши друзья поют его торжественно и взволнованно вместе с нами. Поют на норвежском, русском, немецком, датском языках...

И кажется нам в эти прощальные минуты, что мы вместе с нашими новыми друзьями в Москве, на Красной площади. Впрочем, это сбудется. Наша встреча не за горами. Она произойдет летом: с одними — на Всемирном фестивале молодежи, с другими — в Артеке.

Утром весь лагерь идет провожать нас. Последние рукопожатия, поцелуи, напутствия...

Мы еще увидимся с вами в Москве, друзья!

Автобус ждет. Прощайте, друзья, прощай, лагерь!

КЛУБНЫЙ АНСАМБЛЬ ПЕСНИ И ТАНЦА

Разучиваем песенку, которую сложили рабочие сахарных плантаций в далекой стране Пуэрто-Рико, о том, как они сажают
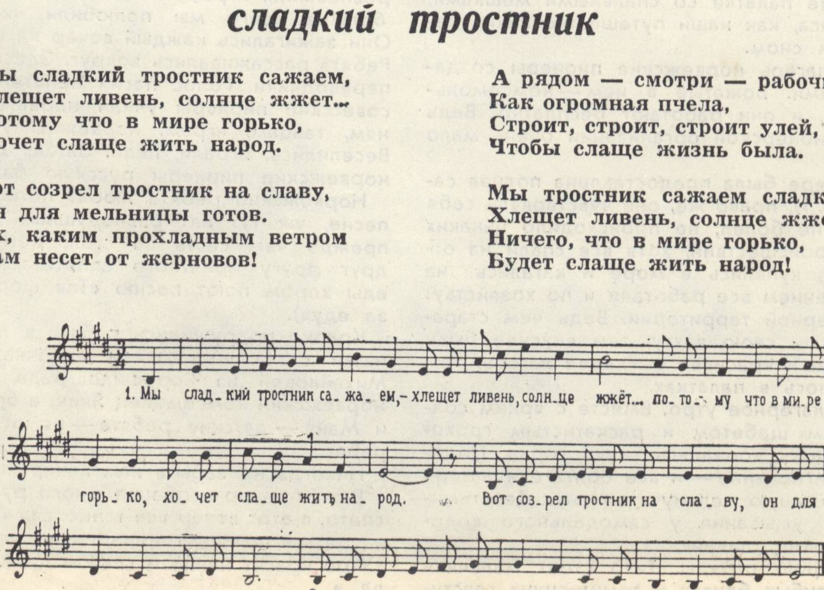
сладкий тростник

Мы сладкий тростник сажаем,
Хлещет ливень, солнце жжет...
Потому что в мире горько,
Хочет слаще жить народ.

Вот созрел тростник на славу,
Он для мельницы готов.
Ох, каким прохладным ветром
Там несет от жерновов!

А рядом — смотри — рабочий,
Как огромная пчела,
Строит, строит, строит улей,
Чтобы слаще жизнь была.

Мы тростник сажаем сладкий,
Хлещет ливень, солнце жжет...
Ничего, что в мире горько,
Будет слаще жить народ!

О принцессе Сулейманской

К. Чапек

Рисунки Е. Щеглова.

Расскажу я вам сказочку о принцессе Сулейманской, чтобы нам с вами время провести повеселее. Если вы случайно эту сказку знаете, только скажите мне, и я сразу перестану... Динь-динь-динь, сказка начинается.

Как известно, за Галочьими горами и Саргассовым морем есть Даламанские острова, а за ними находится пустыня Шаривари, поросшая густым лесом, с главным цыганским городом Эльдорадо; там-то вдаль и вширь протянулся один меридиан и одна параллель, и там, сразу за речкой, если перейти через мостик и взять по дорожке влево, за вербовым кустом и канавой с лопухами, раскинулось великое и могучее султанство Сулейманское. Теперь вы уж там, как дома, верно?

В султанстве Сулейманском, как само название показывает, правил султан Сулейман. Была у того султана единственная дочь по имени Зубейда; и вдруг эта принцесса Зубейда ни с того ни с сего начала чахнуть, хиреть и болеть. Она и кашляла, и хрипела, и бледнела, и охала, и вздыхала, прямо одна жалость!

Само собой разумеется, султан к ней мигом созвал своих придворных чародеев и знахарей, волшебников, колдунов и ведуний, магов и астрологов, лекарей и аптекарей, цирюльников, банщиков и фельдшеров, но никто из них не мог принцессу вылечить.

Если бы это случилось у нас, я бы сразу определил, что девица страдает анемией, плевритом и бронхитом; но в Сулейманской земле ни медицина, ни цивилизация так далеко не пошли, чтобы там могли появляться болезни с латинскими названиями.

Можете себе представить, в каком отчаянии был старый султан!

— Монте-Кристо ты мой,— говорил он себе,— я-то так надеялся, что девчонка унаследует от меня цветущее султанское ремесло, а она тут, бедняжка, тает и вянет у меня на глазах, и я ничем ей не могу помочь!

И при дворе и во всей стране Сулейманской воцарилась великая скорбь.

В это время пришел туда один коммивояжер из Яблонце, некий пан Люстиг, и когда услышал он о болезни этой принцессы, то и говорит:

— Надо бы пану султану вызвать к ней доктора от нас, так сказать, из Европы, потому что у нас медицина более передовая. У вас тут одни знахари, колдуны и волшебники, а вот у нас, голубчики, есть настоящие ученые доктора.

Когда об этом узнал султан Сулейман, он позвал к себе этого пана Люстига, купил у него нитку искусственного жемчуга для принцессы Зубейды, а потом спросил его:

— Пан Люстиг, как у вас узнают настоящего ученого доктора?

— Очень просто,— сказал пан Люстиг.— Узнают его потому, что у него перед фамилией стоят две буквы: «д-р». Например, д-р Манн, или д-р Пелнар и тому подобное. А если у него нет «д-р», то, значит, он не ученый доктор. Понятно?

— А! — сказал султан и богато одарил пана Люстига султанкой — это такая рыб-

Султан созвал своих придворных чародеев и знахарей, волшебников и колдунов, магов и астрологов...

ка, знаете? — а потом отправил в Европу послов за доктором.

— Но смотрите не забудьте,— сказал он им на прощание,— что настоящий и ученый доктор — только тот, который начинается с «д-р». Других мне сюда не привозите, а то отрежу вам уши вместе с головой. Ну, сыпьте!

Если бы я стал рассказывать обо всем, что только пережили и чего только не натерпелись эти послы, пока добрались до Европы, была бы это ужасно длинная сказка. Но после долгих и многих приключений все же попали они в Европу и стали искать доктора для принцессы Зубейды.

Вот целый поезд сулейманских послов, этаких мамелюков с тюрбанами на головах и с толстыми и длинными, как конский хвост, усами, потянулся по дороге среди черного леса. Шли они, шли и встретили дядьку с пилой и топором на плечах.

— Доброго здоровьичка! — поздоровался с ними дядька.

— Бог помочь,— сказали послы.— Кто вы, дяденька, будете?

— Я,— сказал им дядька,— спасибо вам на добром слове, буду не кто иной, как дровосек.

Басурмане навострили уши и говорят:
— Ваше вашество, тогда дело другое! Если вы изволите быть д-р Овосеком, то мы вас должны пригласить, чтобы вы моментально, безотлагательно и немедленно, престо, виваче и удирато пошли с нами в Сулейманскую землю. Пан султан Сулейман всемилостивейше повелеть соизволил пригласить вас к своему двору, но если вы станете отказываться или, чего боже сохрани, противиться, мы вас доставим силой, а потому мы вам, ваше вашество, и предлагаем с нами не спорить.

— Погодите, погодите! — удивился дровосек.— А зачем я пану султану понадобился?

— У него есть для вас работа,— отвечали послы.

— Тогда можно пойти,— согласился дровосек.— Я как раз, господа хорошие, ищу работу. Должен вам сказать, насчет работы я буду не хуже другого.

Послы между собой перемигнулись и говорят:

— Это нам, ваша знаменитость, как раз и требуется.

— Постойте,— говорит дровосек.— Первым делом хотел бы я знать, сколько мне пан султан за мою работу заплатит. Я хоть и не буду драть, но, надеюсь, он встретит меня, как друг.

Послы султана Сулеймана на это учтиво отвечали:

— Это не беда, что вы, ваше вашество, не будете д-р Ать, мы и д-р Овосеку очень рады, что же касается нашего господина султана Сулеймана, то можете нам поверить, что он вовсе не д-р Уг, а самый обычный тиран и деспот.

— Тогда ладно,— сказал дровосек.— Но насчет харчей вы учтите, что я за работой ем и пью, как дракон. Понятно?

— Все сделаем, славный пан,— заверили его сулейманцы,— чтобы и в этом отношении у нас было полное согласие.

Потом отвели с великой честью и почетом дровосека на корабль и поплыли с ним прямо в Сулейманское царство. Когда они приплыли, султан Сулейман мигом влез на трон и приказал привести их к себе. Послы упали перед ним на колени, и самый старший и самый усатый из них начал:

— Наш всемилостивейший господин и владыка, повелитель всех правоверных, пан султан Сулейман! По твоему высочайшему приказу отбыли мы на остров, именуемый Европой, дабы отыскать там знаменитей-

шего, ученейшего и славнейшего доктора для принцессы Зубейды. Вот он тут и есть, пан султан. Это знаменитый и славный лекарь, д-р Овосек. Да будет вам известно, что доктор этот за работой не хуже д-р Угого, платить ему надо, как д-р Угу, ест и пьет он, как д-р Акон. А это, пан султан, все славные и знаменитые доктора, отсюда видно, что мы напали на самого подходящего. Гм, гм... Вот теперь уже все.

— Приветствую вас, д-р Овосек,— сказал султан Сулейман.— Прошу вас пойти посмотреть мою дочь принцессу Зубейду.

«Что ж, почему бы и не пойти?» — сказал себе дровосек, и сам султан отвел его в мрачную, затемненную комнату, устланную самыми красивыми коврами, дорожками и подушками, а на них лежала бледная, вся словно из воска, принцесса Зубейда и дремала.

— Ай-ай-ай! — сказал дровосек сочувственно.— Пан султан, девочка-то ваша вроде квёлая?

— То-то и оно,— вздохнул султан.

— Такая ледащая,— продолжал дровосек,— просто никудышная!

— Так и есть,— подтвердил султан грустно. — Ничего она у нас не хочет кушать.

— Тощая, как дранка,— сказал дровосек. — Как мочалка. И в лице ни кровинки, пан султан. Я бы сказал, что она совсем хворая.

— Конечно, хворая,— уныло произнес султан. — Затем я вас и пригласил, чтобы вы ее вылечили, раз вы д-р Овосек.

— Я? — удивился дровосек.— Батюшки-светы, как я могу ее вылечить?

— Это уж ваше дело,— сказал султан мрачным голосом.— Затем вы сюда и приехали, и нечего тут антимонии разводить. И имейте в виду: если вы ее не вылечите, прикажу вам отрубить голову — и будет вам капут.

— Да ведь нельзя же так! — хотел было возразить испуганный дровосек, но султан Сулейман ему даже и договорить не дал.

— Никаких отговорок! — строго сказал он.— И вообще мне некогда, надо идти царствовать. А вы беритесь-ка за работу и покажите свое умение!

Он ушел, сел на трон и начал царствовать.

— Веселенькая история! — сказал себе дровосек. — Ну и влип же я в кашу! Да как же это я могу вылечить какую-то принцессу? Когда я их лечил-то?! Эх, елки-палки, что же мне делать? Если эту девку не вылечу, отрубят мне голову! Вот так здравствуйте! Если бы я был не в сказке, так я бы сказал, что уж это из рук вон — ни с того ни с сего головы рубить. И черт меня занес в эту сказку! В жизни со мной ничего такого не могло случиться! Разрази меня на этом месте, мне самому интересно, как я из этой истории выкручусь!

С такими-то и еще более мрачными мыслями сидел бедняга дровосек на пороге султанского дворца и вздыхал.

— Эх, дрова-поленья! — сказал он сам себе. — Бывает же такая напасть! Как я могу превратиться в доктора? Если бы велели срубить дерево — хоть вон то, хоть вон это,— я бы им уж показал, чего я стою! Только щепки бы полетели! Вообще-то тут, как посмотрю, все кругом заросло, словно в диком лесу, им и солнышко в горницу не заглянет. Значит, у них в халупе развелись сырость, и плесень, и грибы, и мокрицы! Погодите-ка, я вам покажу, как наш брат работает!

С этими словами он скинул пиджак, поплевал на руки, схватил свой топор и пилу и начал валить деревья, что росли вокруг султанского дворца.

Конечно, росли там не какие-нибудь груши, или яблони, или орехи, как у нас, а сплошные пальмы и олеандры, бананы и драцены, латании и фикусы, красное дерево, деревья, которые растут до неба, и прочая экзотическая флора. Вот бы вы посмотрели, как наш дровосек за них взялся! Когда пробило полдень, вокруг дворца была уже порядочная просека. Тут дровосек утер рукавом пот со лба и, решив подкрепиться, вытащил из кармана кусок черного хлеба с творогом, захваченный из дому.

Тем временем принцесса Зубейда все спала в своей мрачной комнате; и спалось ей под стук топора и шум пилы дровосека, как никогда в жизни. Разбудила ее тишина, наступившая, когда дровосек перестал валить деревья, устроился на куче поваленных стволов и принялся закусывать хлебом с творогом.

Вот тут-то принцесса открыла глаза и удивилась: отчего это в ее комнате так светло? Впервые в жизни хлынуло туда солнце и наполнило мрачную комнату сиянием и блеском. Принцессу этот поток света прямо ослепил, а к тому же в окно потянуло духом срубленного дерева так сильно и хорошо, что принцесса с наслаждением глубоко втянула в себя воздух. К смолистому запаху примешался еще какой-то другой, незнакомый принцессе; да что же это такое? Она встала и подошла к окну, смотрит: вместо

чащи — просека, пламенеющая под полуденным солнцем, а там сидит дядька и с большим аппетитом ест что-то черное и что-то белое; от этой еды и идет такой приятный запах.

Сами знаете, ведь всегда так: вкуснее всего пахнет то, что у другого на обед!

Принцесса не выдержала: аппетитный запах заставил ее спуститься вниз, выйти на волю и тянул ее все ближе и ближе к обедающему дяденьке. Надо же ей было хоть посмотреть, что это такое вкусное он ест!

— А, принцесса! — окликнул ее дровосек с набитым ртом. — Может, хотите кусок хлеба с творогом?

Принцесса покраснела и замялась: она стеснялась сказать, что ей ужасно хотелось бы попробовать.

— Так нате,— предложил дровосек и отхватил своим кривым ножом порядочный кусок краюшки. — Держите!

Принцесса оглянулась по сторонам, не видит ли кто.

— Спасибо! — поблагодарила она, вцепилась зубами в краюшку и сказала:—М-м-м... Ох, какая вкуснота!

Сами понимаете, хлеб с творогом — этого такая принцесса в жизни не видит!

В эту минуту выглянул из окна сам султан Сулейман. Выглянул — и не поверил своим глазам: вместо заросли светлая просека, вся так и горит под полуденным солнцем, а на куче бревен сидит принцесса с набитым ртом, и от творога у нее белые усы от уха до уха, и лопает она так, что мое почтение!

— Слава тебе, господи! — вздохнул с облегчением султан Сулейман.— Стало быть, и впрямь достали мне для девчонки настоящего ученого доктора!

И с этого времени стала принцесса и вправду поправляться, в лице у нее заиграл румянец, и ела она, как волчонок. И все это, да будет вам известно, влияние свежего воздуха и солнца.

Перевел с чешского Борис Заходер.

УТРО В ВЕНЕЦИИ. И. Айвазовский.
Иркутский областной художественный музей.

ЗИМА. К. Коровин.
Иркутский областной художественный музей.

ПРОВОДИЛ (1891 г.).

Н. Ярошенко.
Омский государственный музей изобразительных искусств.

БЕЛ горюч камень

Ю. Моралевич

КАК РАЗРЕЗАТЬ МОСТ?

Это было незадолго до конца Великой Отечественной войны. Откатываясь в панике на запад, гитлеровцы, чтобы преградить дорогу нашим войскам, взорвали громадный железнодорожный мост. Средний пролет моста рухнул в реку, и сообщение между берегами прервалось.

Издали мост казался легким, словно тонкое серебристое кружево. Над водой повисла путаница потемневших рваных нитей. Только вблизи видно было, какие страшные разрушения причинил взрыв. Гигантские стальные балки извивались змеями, сплетались в чудовищные узлы, которые не удалось бы развязать и распутать даже сказочному богатырю. Кто в силах разогнуть балку, которую едва можно обхватить, взявшись втроем за руки?

Наши войска шли на запад, и мост нужно было восстановить как можно скорее. Но прежде всего надо было убрать сотни тонн исковерканных взрывом балок.

Есть тонкие и острые пилы, которыми можно резать металл. Взяв такую пилу-ножовку, слесарь быстро распилит стальной брусок. Но чтобы перепилить ножовками детали разрушенного моста, сотне хороших слесарей понадобилось бы несколько месяцев. Рубить зубилом и молотом пришлось бы еще дольше. А все работы по расчистке моста было приказано провести за пять дней. В такой срок и тысяче слесарей не справиться.

Однако вместо тысячи слесарей на двух грузовиках приехали двенадцать совсем молодых девчат в комбинезонах. Из кузовов автомашин они выгрузили небольшие аппараты, мотки черных резиновых шлангов и несколько железных бочек, наполненных сероватым, покрытым белым налетом щебнем.

Девчата наладили свои аппараты, насыпали в них серого щебня из бочек, налили воды и присоединили шланги, идущие от аппаратов, к большим голубым баллонам. Одна из девушек поднялась на мост, волоча за собой два тонких шланга, ловко пробралась по покореженному среднему пролету. Усевшись поудобней на скрученной штопором могучей двутавровой балке, она подала знак левой рукой и наклонилась, держа перед собой короткую бронзовую трубку с изогнутым носиком и двумя краниками.

Раздался резкий щелчок, и из бронзового носика выметнулось голубое прозрачное пламя. Оно лизнуло балку, вонзилось в ее толщу и вдруг брызнуло с другой стороны снопом золотистых искр. В металле остался сквозной прорез. Балка качнулась, обвисла и рухнула в реку, подняв фонтан брызг. Молодая газорезчица отступила метров на десять и отрезала еще кусок балки. Неподалеку зажгли свои «огненные ножи» и остальные девушки. И под крошечными язычками пламени прочная сталь становилась мягче масла. Многотонные куски моста один за другим с грохотом и лязгом рушились в реку.

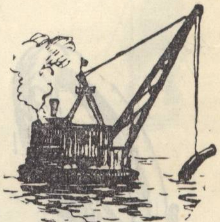

Вечером пришел плавучий паровой кран и стал вытаскивать их из воды и укладывать на большие баржи. Так девушки расчистили разрушенный пролет не за пять, а за четыре дня.

Вскоре на баржах привезли новый пролет моста, подняли его на отремонтированные гранитные быки. А еще через день по мосту прошел первый поезд.

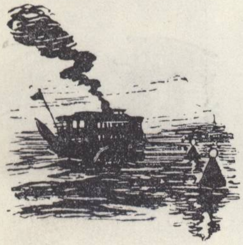
Как же получилось, что щебень, облитый водой, родил удивительное голубое пламя, разрезающее толстую стальную балку?

Все дело в том, что этот щебень не простой. Это — химическое соединение углерода с металлом кальцием, так называемый карбид кальция. Соединение очень нестойкое. Как только вы положите кусочек карбида кальция в воду, из него станут бурно выделяться пузырьки прозрачного газа ацетилена с своеобразным запахом, а на дно осядет белый порошок — кальций, который забрал из воды кислород и превратился в обычную известь. Поднесите к воде спичку, и над ней вспыхнут язычки белого пламени,— это горит ацетилен. Он получился из углерода, содержащегося в карбиде, и водорода, взятого из воды.

Есть много горючих газов, состоящих из водорода и углерода. Но ацетилен самый ценный из них. При сгорании в струе кислорода он дает необычайно горячее пламя. Жарче ацетилена не горит ни одно топливо. В специальных горелках температура его пламени достигает четырех с половиной тысяч градусов. Такую температуру может дать только сильная электрическая дуга. Даже вольфрам — самый тугоплавкий металл, из которого сделаны волоски электрических лампочек,— мгновенно плавится в еле заметной бледно-голубой струе ацетиленового пламени и испускает при этом ослепительный свет.

ЧУДЕСА «ВОЛШЕБНОГО» КАМНЯ

На всех больших заводах есть автогенные цехи. Там режут и сваривают металл ацетиленом, который сгорает в струе кислорода. Его пламя почти не дает света. А попробуйте зажечь тонкую струйку ацетилена в воздухе. Вспыхнет яркий белый огонек. Его температура вдвое ниже, но как раз при такой температуре пламя испускает много видимых лучей. И это свойство карбидного газа оказалось очень полезным.

Все знают, как трудно при вечернем освещении в магазине определить цвет ткани. Днем посмотришь, и окажется, что ткань совсем другого цвета. Зато при свете ацетиленовой лампы можно подбирать цвета, как в погожий солнечный день. Первыми лампами дневного света были не электрические, а ацетиленовые, дающие свет, близкий к дневному. В начале нашего века яркие ацетиленовые фонари ставили даже на автомобили и велосипеды. О них уже успели забыть, но и в наше время карбидный газ употребляется для освещения.

На реках и новых громадных водохранилищах немало есть мест, куда трудно подвести электрическую энергию. Там путь теплоходам указывают, словно крошечные осколки солнца, ацетиленовые огни бакенов. В этих фонарях нет приспособлений для смешивания карбида с водой. Вместо карбида привозят прочные стальные баллоны, наполненные сжатым ацетиленом. Одного такого баллона хватает на много недель.

Но возможно ли это? Инженеры говорят, что сжимать ацетилен очень опасно. При малейшем толчке или сотрясении баллон со сжатым ацетиленом взрывается, как бомба. Как можно разрешить такое «убийственное» освещение? Оказывается, можно. Надо только ацетилен накачивать не в пустой баллон, а в наполненный доверху горючей жидкостью — ацетоном, полученным из того же ацетилена на химическом заводе.

На первый взгляд получается что-то вроде рассказа барона Мюнхгаузена. Как же в наполненный жидкостью баллон вместить еще и газ? И почему взрывчатый газ становится безопасным, если его залить взрывчатой жидкостью?

Оказывается, ацетилен обладает еще одним интересным свойством. Он легко растворяется в ацетоне и теряет при этом способность взрываться. Откроешь кран, и газ свободно выходит из жидкости наружу. В одном сорокалитровом баллоне, полном жидкого ацетона, помещается шесть тысяч литров карбидного газа.

Невольно вспомнишь великана из восточной сказки, помещавшегося в небольшом бронзовом кувшине!

До сих пор речь шла об «огненном» действии ацетилена. Но ацетилен можно не только сжигать, его можно превращать в другие, совершенно на него не похожие вещества.

Оказывается, при соединении с ядовитым газом хлором из ацетилена получаются жидкости, которые легко растворяют смолы, жиры, фосфор и серу. Летучая жидкость из ацетилена! Можно себе представить, как легко она воспламеняется. Но вот рабочий бросает в ведро с этой жидкостью зажженную спичку. Вспыхнет или взорвется? К нашему удивлению, спичка гаснет, словно в ведре обычная вода.

Обычные лаки часто бывают причиной пожаров и разрушительных взрывов. А лаками, приготовленными на растворителе из ацетилена и хлора, можно гасить огонь.

Если бы вы попали на выставку изделий из ацетилена, вы увидели бы рядом с банкой лака для мебели и флаконом лака для ногтей бутылки водки и уксуса. А вот почему-то здесь стоит автомобильная шина, лежат пестрые резиновые коврики и надувная резиновая лодка. Это еще несколько чудесных превращений замечательного камня — карбида. Химики превратили его в газ, а газ — в упругую резину. Очень много карбида потребляет наша самая мощная в мире промышленность синтетического каучука.

Есть у нас совсем необычный завод. Войдя в цех, вы будете крайне удивлены. Здесь просто жгут ацетилен, и рабочие заботятся о том, чтобы он как можно хуже горел. И им удалось этого добиться. Ацетилен горит тусклым, коптящим пламенем, большая часть его превращается в сажу, толстым слоем оседающую вокруг горелок.

Вы попали на завод, который вырабатывает великолепную ацетиленовую сажу, без которой не сделаешь резины. Сажа эта нужна многим другим отраслям промышленности.

Но какой смысл превращать такой дорогой газ в сажу? Ведь ее можно добыть в любой печной трубе. В большом городе трубочисты за зиму выгребают десятки вагонов сажи. Однако печная сажа никому не нужна; она грубая и грязная. Хорошую сажу можно получить, сжигая природный горючий газ,

но лучше всех ацетиленовая сажа. Если, например, примешать ее к резине, то резиновые изделия станут намного прочнее. Не думайте, что галоши, которые вы носите, резиновые. В них каучука меньше половины, а остальное — сажа.

Каждый из вас сотни часов внимательно смотрел на черную классную доску и долго еще будет смотреть, пока станет образованным человеком. Знакомая всем вам классная доска покрыта черной краской, которую делают из ацетиленовой сажи. Буквы и цифры в ваших учебниках напечатаны типографской краской, тоже изготовленной из этой драгоценной сажи. Значит, к выставке чудесных превращений карбида мы можем прибавить лучшего нашего друга — книгу.

Кто-то рядом с нею положил дождевую накидку, сделанную из мягкой и прозрачной пленки, похожей на крылья стрекозы, и моток провода, покрытого разноцветной изоляцией. Эти вещи сделаны из гибкого и прочного хлорвинила. А хлорвинил получился из ацетилена путем взаимодействия его с хлорводородом.

Чуть не каждый день химики открывают все новые свойства ацетилена, создают из него новые вещества. Вот на стенке прочный выключатель, на столе — красивая шкатулка. Они сделаны из купрена — пластмассы, которая получилась при пропускании нагретого ацетилена через соединения меди.

Из ацетилена можно приготовить сильные яды и совсем безвредные вещества, которые на кондитерских фабриках добавляют в желе и конфеты. Готовят из ацетилена и нарцилен, усыпляющий больных во время операции.

Правда, трудно поверить, что резиновая галоша, фруктовое желе, изящная кофточка из шелкового трикотажа и прочный выключатель совсем близкие родственники?

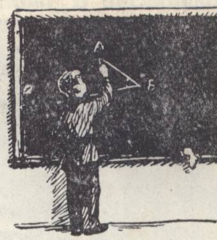
Мы с вами узнали, где применяется ценный газ ацетилен и из чего его получают. Но откуда же берут «волшебный» камень карбид? Наверно, этот чудесный камень и рождается каким-нибудь необыкновенным, «волшебным» образом.

РОЖДЕНИЕ КАРБИДА

Еще никому не удалось найти карбид кальция в недрах земли. Слишком нестойкое это соединение. Оно было создано учеными в лабораториях.

Почти сто лет назад его впервые получил немецкий физик Велер, сильно нагревая сплав цинка и кальция, смешанный с углем. Но лабораторным способом удалось получить ничтожное количество карбида. Только через тридцать лет карбид стали выплавлять, пользуясь электрической дугой Петрова. Так был найден современный способ получения карбида кальция.

На первых карбидных заводах работали совсем маленькие электропечи. Но спрос на «волшебный» камень быстро возрастал, и теперь у нас создана мощная карбидная промышленность. В шестой пятилетке производство карбида значительно увеличится.

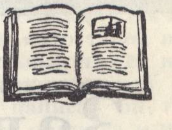
Ежедневно в ворота карбидных заводов въезжают поезда, груженные материалами, из которых выплавляют этот удивительный камень.

Какие же это материалы?

Самые простые и совсем дешевые: уголь и негашеная известь. Материалы дешевые, а карбид стоит довольно дорого. Почему же так получается?

Инженеры объясняют это тем, что карбид энергоемок, то есть требует много энергии. Чтобы получить килограмм карбида, приходится затратить около двух киловатт-часов электроэнергии.

Вы, конечно, не задумываясь, посоветуете строить карбидные заводы возле мощных гидроэлектростанций. Ведь энергия воды самая дешевая! Так обычно у нас и делают. С пуском гигантских электростанций на Волге и на других реках мы все меньше жалуемся на недостаток карбида. Энергией одной только Куйбышевской ГЭС можно выплавлять каждую минуту целый вагон карбида!

Как же выплавляется карбид кальция из смеси угля с известняком?

Многие из вас, наверно, видели электрическую дугу. Вот учитель берет два угольных или графитных стерженька, через которые пропущен ток, смыкает их и тут же чуть раздвигает. Между остриями стерженьков вспыхивает маленькое бело-фиолетовое солнце.

В громадной карбидной печи тоже есть угольные стержни — электроды, но они похожи на огромные колонны. Поперечник каждого электрода — около метра. Эти угольные столбы опущены в печь с шихтой. Электрический ток, проходя от концов электродов через шихту, раскаляет ее до температуры больше двух тысяч градусов, и она плавится. Во время плавки углерод угля соединяется с кальцием извести, и получается расплавленный карбид кальция. Одна такая печь выплавляет в час пятнадцать тонн карбида, а за сутки может выдать целый поезд, груженный «волшебным» камнем.

Килограмм карбида занимает совсем немного места (около полулитра), а много ли из него можно получить ацетилена? И здесь опять происходит «чудо». При соединении с водой он выделяет триста литров ацетилена. Объем газа в шестьсот раз больше объема родившего его «волшебного» камня.

Есть старая сказка о том, как волшебник вызвал могучих духов, не научившись сначала ими управлять, и духи погубили его. Не попадите в положение такого волшебника: в неопытных руках карбид кальция нередко приводит к несчастным случаям.

К. И. Чуковский.

Завидная жизнь

1. «ОТШЕЛЬНИК»

В подмосковном писательском городке Переделкино есть дом. При входе в него — короткая, строгая надпись:

ПРОШУ ДАЖЕ САМЫХ БЛИЗКИХ ДРУЗЕЙ
ПРИХОДИТЬ ТОЛЬКО ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ

«Что за человеконенавистник! — невольно подумает каждый.— Не хочет видеть людей! Оставьте-де его в покое хотя бы в течение шести дней недели!»

Если вы все-таки подниметесь по лестнице, вы увидите еще и вторую надпись:

ДОРОГИЕ ГОСТИ!
ЕСЛИ БЫ ХОЗЯИН ЭТОГО ДОМА
ДАЖЕ УМОЛЯЛ ВАС ОСТАТЬСЯ ДОЛЬШЕ ДЕВЯТИ
ЧАСОВ ВЕЧЕРА,— НЕ СОГЛАШАЙТЕСЬ!

Эта вторая надпись еще усиливает ваше впечатление, что хозяин этого дома жаждет одиночества. Вот даже от разрешенного им самим воскресного прихода гостей он отрубает такой кусище: сидите, мол, только до девяти, а там — до свидания, уходите!

Так думаете вы, читая вторую надпись. Но тут слышны шаги: это сам хозяин, любитель уединения, собирается выйти из дома. Кубарем скатываетесь вы с лестницы и, притаившись где-нибудь позади дерева или забора, следите за тем, что произойдет.

Почти одновременно с выходом на улицу «Отшельника» к нему стремительно мчатся отовсюду собаки! Всякие — свои и чужие, породистые собачьи аристократы и лохматые дворовые псы, разномастные, с самыми несхожими ушами и хвостами. Всех их объединяет одно чувство: они обожают «Отшельника»! Они бегают вокруг него, прыгают, лают, но не грозно, а радостно, словно сообщают всему миру: «Вот он, вот он, наш дорогой друг!»

И «Отшельник» тоже доволен! Правда, он сердито супит брови, даже покрикивает на иную собаку: «Ну, куда, куда? Пошел вон!» Но глаза у «Отшельника» веселые: он тоже рад встрече с друзьями.

Тут, в подкрепление собакам, со всех сторон бежит целая армия ребят! Они прибегают позднее, чем собаки, не потому, чтобы они меньше любили «Отшельника»,— нет, просто собаки бегают быстрее, чем дети. Большие и маленькие, даже вовсе карапузики, ребята восторженно вопят:

— Корней Иваныч! Корней Иваныч!

И начинается веселая возня! Тот не знает, что такое игра взрослого человека с детьми, кто никогда, хотя бы издали, не видал, как играет с детьми Корней Иванович Чуковский! Секрет настоящей игры в том, что все участники — и старые и малые—должны быть ровесниками. В свои семьдесят пять лет Корней Иванович с семилетками — семилетка, с трехлетками — трехлетка, он радуется игре чуть ли не больше, чем его маленькие партнеры!

В этом — весь Корней Иванович: что бы он ни делал, он творит это со всей страстью своей богатейшей и щедрой души.

Но вот, расставшись с детьми и собаками, Корней Иванович входит в Дом творчества писателей — и во всех сорока комнатах этого дома писатели радуются приходу Корнея Ивановича, его беседе, сверкающей умом, знаниями, чудесным юмором.

Тут раскрывается тайна «Отшельника»: он наполнил свой дом ограничительными надписями не оттого, что он боится людей,— он себя боится. Боится своего жизнелюбия, своего неутолимого интереса к людям. Он боится заговориться, забыть о времени,— а ведь ему нужно работать, ведь работает он поражающе много. Вот почему «только по воскресеньям» и «только до девяти часов вечера»!

К Чуковскому льнут все возрасты, но нам, старикам, особенно радостно видеть человека, который в семьдесят пять лет уступил старости только в одном: в цвете волос, ставших теперь совсем белыми. Вот я знаю Корнея Ивановича уже скоро пятьдесят лет,— и когда-то в финском поселке Куоккала у него были такие же озорные, насмешливые глаза, такой же он был рослый, выше всех в толпе, ходил по улице босиком (это очень смущало иных дачников!), неся на плече кого-нибудь из своих маленьких детей, а сегодня у него почтенная седина, ходит он в солидных ботинках и носит на руках не детей, не внуков, а правнуков. Вот и вся разница!

Нет, разница все-таки не только в этом. Тогда, пятьдесят лет назад, Корней Иванович еще только начинал жить. Сейчас за его плечами, все еще сильными, лежит пройденный им большой путь, очень честный и чистый, полный таких дел и

свершений, за которые Корнея Ивановича Чуковского любит и чтит вся наша страна.

Об этом пути мне и хочется рассказать здесь хотя бы в самых кратких чертах.

2. НАЧАЛО ПУТИ

Когда у человека бывает в жизни не одна специальность, а несколько, то он относится к ним неодинаково: эту считает более важной и интересной, ту — менее, а третью — и вовсе случайной. Но Корней Иванович относится серьезно ко всему, что ему приходилось делать в жизни, и все вспоминает радостно. Так говорит он и о своей первой специальности — малярном деле.

— Это очень интересно! И, знаете, у меня был огромный талант маляра! Я хорошо красил, например, «под дуб»! А резиновым гребешком я выводил замечательные завитушки!

Был Корней Иванович маляром потому, что его исключили из гимназии. Царский министр народного просвещения граф Делянов усердно «очищал» гимназии от так называемых «кухаркиных детей». Особый циркуляр графа Делянова запрещал обучать в гимназиях «детей кучеров, лакеев, поваров», иначе — детей рабочих людей. Вот тогда был исключен и Корней Иванович. Напрасно мать его выстаивала часами в ожидании директора, напрасно молила не исключать сына.

Гимназия оказалась наглухо закрытой. Корней Иванович стал маляром,— ведь ему надо было жить и кормиться, а кормежка стоила пять копеек в день: на одну копейку пшенной каши, на остальные четыре копейки хлеба и квасу. Но одновременно с занятием малярным делом Корней Иванович упорно учился, чтобы сдать экзамены на аттестат зрелости «экстерном», то есть при гимназии или учебном округе. В то же время Корней Иванович читал великое множество книг: они легли как фундамент той глубокой образованности, какая отличает Корнея Ивановича; он «наживал» ее в течение всей своей жизни.

Тогда же Корней Иванович начал изучать английский язык. Делал он это без отрыва от малярного производства — весь пол был исписан английскими словами! К сожалению, учился Корней Иванович по книжке, от которой было оторвано начало, а как раз на этих недостававших в учебнике страницах были изложены правила произношения английских слов! В английском языке слова произносятся не так, как пишутся. Например, глагол «читать» произносится «ту рид», а Корней Иванович произносил его так, как он пишется: «То реад». Слова «я — писатель» надо произносить «Ай эм э райтер», а Корней Иванович опять-таки произносил их так, как они пишутся: «И ам а вритер». Он скоро научился свободно читать и понимать печатное, но разговаривать с кем-нибудь по-английски он не мог: никто бы его не понял. Так Корней Иванович овладел английским языком поначалу только глазами, зрительно.

И все-таки уже в этот период Корней Иванович одолел и решил те четыре задачи, какие он тогда перед собой поставил. Он жил собственным трудом,— голодно, но жил. Он вобрал в себя море книг. Он овладел английским языком,— неправильно по произношению, но овладел. И наконец самое трудное: он сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости. Экстернов экзаменовали необыкновенно придирчиво, чтобы помешать «кухаркиным детям» прорваться к образованию. Им предлагали сверхповышенные задания, от них требовали сверхзнаний,— и К. И. Чуковский эти знания обнаружил.

И вот он направляет в большую одесскую газету свою первую статью. Вы думаете, это была репортерская заметка о пожаре на Малой Арнаутской или о крупной краже на Дерибасовской? Рецензия о спектакле? Отчет о заседании? Ничего подобного! Статья называлась «Что такое искусство». И не то самое удивительное, что ее написал почти мальчик, маляр, исключенный из гимназии. Удивительно то, что написал он эту статью хорошо, так что газета приняла и напечатала ее. Автор, вызванный в редакцию, явился туда, прикрывая большой книгой наиболее зияющую рану на своих штанах. Автора обласкали, предложили дальнейшее сотрудничество. Сказочный гонорар — тринадцать рублей! — сделал его обладателем вполне исправных штанов и, кроме того, надолго обеспечил его пятаками для получения привычного меню:

пшенка + хлеб + квас.

Корней Иванович стал работать в газете. Сперва ему поручили английские телеграммы и английскую хронику — вот что значит знать английский язык хотя бы только зрительно! — а затем предложили ему поехать в Лондон в качестве собственного корреспондента газеты «Одесские новости»!

И вот Корней Иванович едет в Лондон. С ним его молодая жена — обоим вместе им нет сорока лет. На Корнее Ивановиче широкополая шляпа необыкновенного фасона и размера. Шляпа вызывает веселость у других пассажиров, но сам Корней Иванович очень ею доволен, да и его юной жене шляпа кажется великолепной.

Багаж молодой четы — на редкость тяжелая корзинка — содержит необходимейшие для жизни предметы, в том числе два увесистых российских утюга. Находится в поезде и спутник, приветливый, милый. Он

На этом шуточном рисунке Вл. Маяковский изобразил К. И. Чуковского вместе с И. Е. Репиным.

не очень понимает «зрительный» английский язык Корнея Ивановича, но улыбается ему, кивает, хлопает его по плечу. К сожалению, вскоре спутник исчезает, и с ним исчезает также и корзинка с утюгами и прочими бытовыми драгоценностями! Вызванный полисмен — «бобби» — не понимает объяснений Корнея Ивановича, но, когда тот переходит от устных высказываний к письменным, «бобби» уразумевает все,— и украденная корзинка возвращается чете Чуковских.

В Лондоне жизнь идет сперва отлично. Молодые супруги счастливы, Корней Иванович глотает книги и посылает корреспонденции в «Одесские новости», которые аккуратно высылают гонорар. Затем в этой прекрасной схеме нарушается одно звено: супруги все так же счастливы, Корней Иванович все так же читает книги и пишет статьи, но... «Одесские новости» больше денег не шлют!

Нищета на чужбине — очень страшная вещь! Чтобы избавить от нее жену, к тому же ожидающую рождения ребенка, Корней Иванович мобилизует все ресурсы и отправляет жену домой, в Россию. Сам он вынужден остаться.

Для него наступают тяжелые дни. Он живет в трущобах, где ютятся безработные, нищие, воры, пьяницы, рахитичные дети. Улица, где он живет, не имеет названия, дом не имеет номера— это настоящее «Подворье разбитых сердец» из романа Диккенса «Крошка Доррит». В каморке Корнея Ивановича непринужденно шмыгают крысы с хвостами длинными и прямыми, как палки. Угля у него нет, есть ему нечего.

К. И. Чуковский с детьми.

Дружеский шарж Б. Антоновского.

Одно прибежище — книги. В библиотеке Британского музея тепло, тихо, чинно. Сосредоточенно читают люди, скрипят по бумаге гусиные перья, еле слышно шуршит песок, которым посыпают написанное (вместо промокашки). Работники библиотеки скоро обращают внимание на молодого человека, который с утра до вечера читает, не обращая внимания на звонки, отмечающие время завтрака, чая, обеда. Объясняется он почему-то только письменно, как немой! Заговори он на своем «зрительном» английском языке, никто бы его не понял! Все-таки с ним удается сговориться письменно,— пишет он по-английски отлично! — и, узнав, что он русский, ему поручают работу по составлению каталога русских книг. Это работа, это заработок в размере одного шиллинга в день! А в шиллинге содержится двенадцать пенсов, и за шесть пенсов можно съесть ленч! Ленч — нечто среднее между завтраком и обедом.

В это же время Корней Иванович сблизился с одной лондонской семьей. Жена была русская, муж англичанин. При встрече муж крепко пожимал Корнею Ивановичу руку и радушно говорил:

— Чрез-вы-чайно!

Это было единственное русское слово, которое он знал!

А затем судьба, видимо, решила улыбнуться Корнею Ивановичу Чуковскому: «Одесские новости» перевели ему четыреста рублей! Это было спасение, возможность уехать на родину, в Россию!

Корней Иванович купил чемодан, фотоаппарат, купил золотые часы с медной цепочкой — на золотую денег не хватило, да и медная, хорошо надраенная, сверкала, как золото. Корней Иванович подарил свою корзинку с утюгами трущобным соседям и сел на пароход, отправлявшийся из Кардиффа в Константинополь. Устроил его на этот пароход муж русской дамы. На прощание англичанин в последний раз пожал руку Корнею Ивановичу и сердечно сказал ему:

— Чрез-вы-чайно!

И Корней Иванович Чуковский отплыл, махая с борта парохода «Гизелла Грэдель» все тою же необыкновенной широкополой шляпой, которую он вывез еще из России.

3. В ОТКРЫТОМ МОРЕ

Не подумайте, что речь пойдет здесь о том море, по которому Корней Иванович плыл из Лондона в Россию. Я расскажу, хотя и очень кратко, о том море — политическом, общественном, литературном,— в которое Корней Иванович попал по возвращении на родину. Это был стремительный водоворот революционных событий 1905 года. Революция взбаламутила, взбулгачила всю страну из конца в конец, закружила, как пурга, все и всех. Закружились даже и такие люди, которые вовсе не были склонны к этому,— как же было не ринуться очертя голову в этот водоворот Корнею Ивановичу Чуковскому с его темпераментом борца, с веселой драчливостью очень молодого человека, с его жизнелюбием и светлым писательским талантом!

На передовой линии тогдашней легальной, то есть незапрещенной, неподпольной, литературы были сатирические журналы. Они выступали против царского произвола, иногда с блеском настоящего таланта. Царское самодержавие, в свою

очередь, боролось против этих журналов и делало это если и без таланта, то со свирепой яростью. Жизнь этих журналов была очень непродолжительной, иные из них, подобно мотылькам, жили только один день: очень часто запрещался и изымался уже первый номер журнала. А были и такие, которым вовсе не удавалось родиться: полиция делала налет на типографию, конфисковала готовый тираж, рассыпала набор. Мотыльковый век был и у редакторов: один — два номера выпустил — и пожалуйте в тюрьму. Так был арестован и К. И. Чуковский, выпускавший один из самых ярких, остро сатирических журналов, «Сигнал».

В последующие годы Корней Иванович много работал в газетах и журналах, главным образом как литературный критик.

В это время выявилась одна драгоценная черта его творчества: он никогда не уходит от затронутого им вопроса, он все снова и снова возвращается к нему, разрабатывая его все глубже, поднимая все выше его общественное значение. Так, начав еще до революции переводить классиков зарубежной литературы, Корней Иванович работает в области перевода и сегодня: еще недавно он дал превосходный стихотворный перевод комедии Шекспира «Напрасные усилия любви». Мало того, он все годы разрабатывал в статьях и книгах вопросы художественного перевода, громя со свойственной ему пламенной яростью плохие, ремесленные переводы, поощряя и поднимая хорошие. Другой пример: еще до революции К. И. Чуковский начал изучать язык детей. Сперва это были статьи в газетах, потом появилась первая книжечка «От двух до пяти»,— книжечка эта переиздавалась одиннадцать раз, но никогда это не были простые переиздания: каждый раз Корней Иванович переписывал книжку заново, все увеличивая ее материал, все углубляя вопрос. Последнее издание этой книжки — интереснейший, ценнейший труд, один из немногих, имеющихся в этой области.

Более сорока лет своей жизни посвятил К. И. Чуковский изучению творчества Н. А. Некрасова. Этот величайший поэт русского народного горя недаром называл свою поэзию «кнутом иссеченною музой»: из всех поэтов, изуродованных царской цензурой, Некрасов был, может быть, одним из самых изуродованных. В дореволюционных изданиях сочинений Некрасова недоставало огромных кусков, варварски вырванных цензурой из его текста. Многие места были изменены, искажены рукой самого Некрасова, пытавшегося протиснуть свои произведения хотя бы в таком искалеченном виде. Путем кропотливых, упорных поисков и талантливых находок, сличения текстов, сопоставления их Корней Иванович открыл нам подлинного Некрасова — его творчество, его жизнь, его эпоху. И сейчас он не оставляет этой работы, не успокаивается на написанных им четырех книгах о Некрасове и многих статьях о нем. А сколько литературоведов, пойдя по этому пути, открытому К. И. Чуковским, продолжили и расширили эту работу!

Судьба подарила К. И. Чуковскому радость общения с целым рядом замечательных людей: А. М. Горьким, И. Е. Репиным, В. В. Маяковским. Это богатство попало в хорошие руки. Корней Иванович ничего не забыл, он все помнит, и его воспоминания об этих людях, частично уже на-

«Крокодил». Дружеский шарж Бор. Ефимова.

печатанные, частично подготовляемые им для печати, сохранят эту дорогую память для будущих поколений.

Нужно ли, говоря с советскими детьми о К. И. Чуковском, рассказывать подробно о том, что им написано и сделано? «Крокодил», «Мойдодыр», «Доктор Айболит», «Муха-цокотуха» и многие другие прекрасные книжки хорошо известны миллионам советских ребят и неизменно любимы ими.

Если бы я захотела перечислить только одни фамилии тех молодых начинающих писателей, которым К. И. Чуковский помог войти в литературу, о которых он всегда помнил и отечески нежно и деликатно заботился и заботится, то это заняло бы целую страницу, а в моем распоряжении остались только считанные строки. Я и так не рассказала и одной десятой того, что сделал в жизни и литературе этот неповторимый человек — поэт и прозаик, критик, литературовед, автор замечательных исследований и воспоминаний, переводчик, писатель, которого считают своим и взрослые и дети, потому что он друг и взрослых и детей.

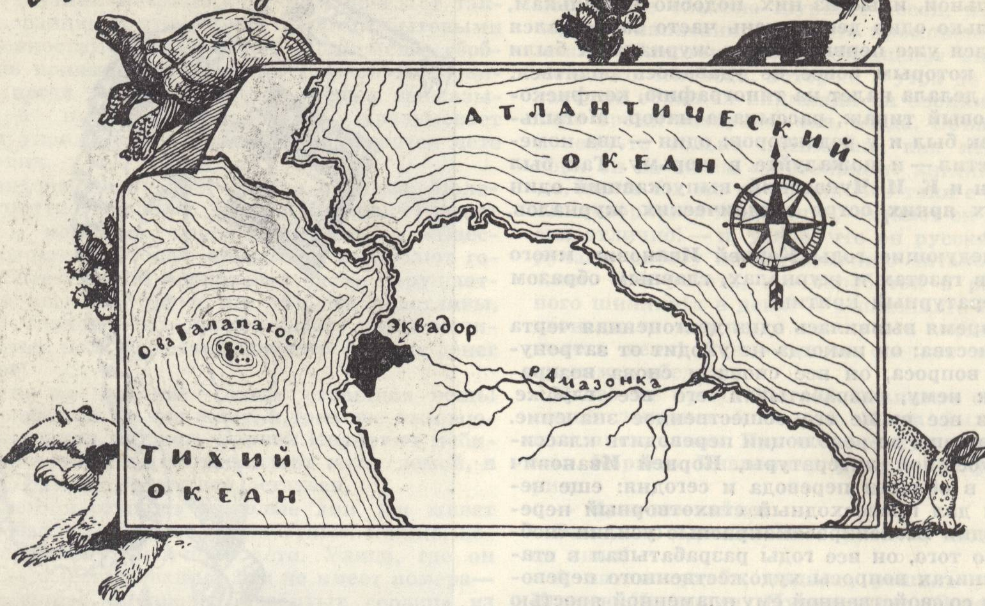
Скажу то, что думаем и чувствуем мы все. Дорогой Корней Иванович! Мы поздравляем вас с вашим чудесным, веселым, крепким семидесятипятилетием. Мы желаем вам: живите долго, бодро, творчески успешно, чувствуйте, как вы нужны людям и дороги им! Мы желаем вам этого потому, что все мы любим и уважаем вас, как сказал бы ваш английский друг:

— Чрез-вы-чайно!

Александра Бруштейн

★

Из записок путешественника

КАКИХ ТОЛЬКО ЗВЕРЕЙ НЕ БЫВАЕТ!..

Рольф Бломберг

ОСТРОВ НЕПУГАНЫХ ЗВЕРЕЙ

Какие животные на земле живут дольше всех? По всей вероятности, черепахи. Многие исследователи считают, что рекорд принадлежит гигантским черепахам Галапагосского архипелага. Предполагают, что наиболее долголетние экземпляры достигают двухсот — двухсот пятидесяти лет.

А сколько весит галапагосская черепаха? У меня не было с собой весов для того, чтобы взвесить этих великанов, но все же я думаю, что наиболее крупные из них весят значительно больше двухсот килограммов.

Первыми людьми, которые увидели этих чудовищ, были, по преданиям, инкский царь Тупак Юпанки и его свита; они попали на Галапагос задолго до того, как в Новом Свете появились испанские завоеватели. В 1535 году Томас де Берланга покинул свое епископство в Панаме и отправился в Перу. Его корабли попали в штиль и оказались во власти течений, которые на восьмой день пригнали их к каким-то островам. Так, совершенно случайно, был открыт Галапагосский архипелаг. В письме испанскому королю епископ рассказывал, в частности, о черепахах, таких огромных, что взрослый человек мог усесться на них верхом.

Только в 1832 году, почти триста лет спустя, на черные, поросшие кактусами лавовые берега Галапагоса высадились первые поселенцы из Эквадора. Эти острова, как будто небрежной рукой заброшенные в Тихий океан, находятся в шестистах морских милях западнее Эквадора, редко посещаются судами и по сей день мало заселены. Зато на Галапагосе, прославившемся своеобразием животного и растительного мира, побывало много научных экспедиций. Во время своего кругосветного плавания на «Бигле» Чарльз Дарвин высаживался на Галапагосе. Шведские ученые тоже проводили свои исследования на этих островах.

Из редких животных, обитающих здесь, наиболее известны гигантские черепахи. Пират, философ и естествовед Вильям Дампье, попавший на Галапагос в 1684 году, дал первое подробное описание черепах. «...Они настолько многочисленны,— писал он,— что пятьсот — шестьсот человек без труда могли бы прокормиться ими на протяжении ряда месяцев. Они чрезвычайно крупны и жирны, а по вкусу не уступают цыплятам».

Черепахи вскоре стали излюбленным лакомством тихоокеанских китобоев, которые истребили множество этих пресмыкающихся.

То обстоятельство, что из черепах можно вытапливать масло, которое по вкусу значительно превосходит оливковое, также оказалось роковым для беззащитных великанов. В конце прошлого и в начале текущего века снаряжались экспедиции, которые забивали черепах из-за масла.

Однако как ни поредели ряды черепашьего племени от деятельности китобоев и охотников за маслом, еще больше вреда принесли им ввезенные человеком животные: крысы, собаки и свиньи, которые быстро одичали и размножились. Они пожрали множество черепашьих яиц и молодых черепах, довольно долго сохраняющих мягкий панцирь. На ряде островов гигантские черепахи совершенно истреблены, они сохранились только в труднодоступных местах — на островах Исабела и Санта-Крус.

На острове Санта-Крус я нашел место, где водилось множество черепах. Открыты они были случайно. Во время войны американцы оборудовали на острове Сеймур военную базу и аэродром.

С этого аэродрома совершались полеты над архипелагом для того, чтобы нанести на карту пресноводные озера. Однажды, когда самолет кружил на малой высоте над районом, напоминающим саванны, летчики увидели несколько озер, вокруг которых собралось множество гигантских черепах. Они рассказали о своем открытии жителям острова.

Предусмотрительные поселенцы никому не рассказывали о черепахах. Но, зная, что я охочусь без кровопролития, с фотоаппаратом, они взяли с меня слово никому не выдавать тайну и указали мне место, где черепахи паслись стадами и принимали грязевые ванны в озерах и болотах.

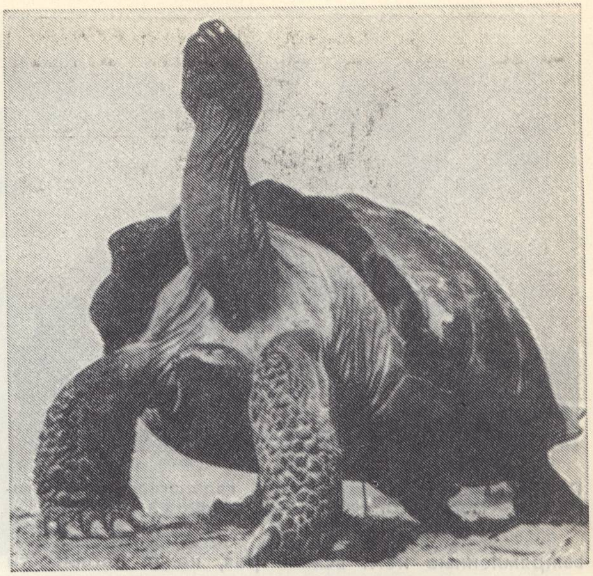
Я разбил палатку около водоема и в течение трех дней наблюдал за черепахами, которые приходили сюда пить и купаться; они то и дело проползали мимо моей палатки. Двигаются черепахи довольно медленно (максимальная скорость — триста тридцать метров в час), но настойчиво и целеустремленно, рывками, словно заводная игрушка. Когда они пробираются сквозь заросли, то напоминают танки.

Слух у черепах никуда не годится: они не реагируют даже на винтовочный выстрел. Со зрением обстоит лучше: увидев человека, они втягивают голову и ноги в панцирь. При этом из легких выжимают воздух и громко шипят или сопят.

Много черепах я видел и в другом месте на острове Санта-Крус, в сухом, песчаном поясе с каменистой почвой и редкой порослью гигантских кактусов и малолиственных кустов. Приходилось мне находить и зарытые в красную почву круглые белые яйца черепах. Дикие свиньи редко заходят в эту бедную влагой, бесплодную местность, но они, видимо, пронюхали, что здесь можно полакомиться: местами земля была изрыта, и на поверхности ее валялась скорлупа — свидетельство того, что свиньи трудились недаром. Кости и остатки панцирей не менее чем тридцати взрослых черепах говорили о том, что здесь побывали и люди. Правда, сейчас неприкосновенность черепах охраняется законом, однако если не истребят их четвероногих врагов и не примут жестких мер в отношении двуногих нарушителей закона, то, как это ни печально, очень скоро черепахи будут истреблены.

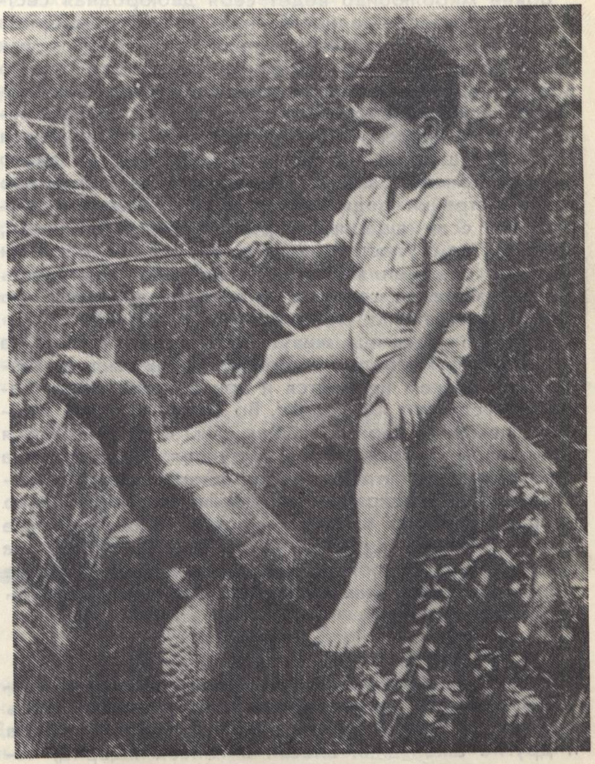
Такая же судьба ожидает и другое своеобразное галапагосское пресмыкающееся — раскрашенную в белый, желтый, оранжевый, красновато-бурый и черный цвета ящерицу-друзоголова, достигающую более метра в длину. На некоторых островах она уже полностью истреблена. Эта большая ящерица — такое же флегматичное и безобидное существо, как и черепаха. Чаще всего она занята тем, что поедает листья и цветы, причем с удовольствием закусывает даже листьями опунции, оснащенными колючками длиной со штопальную иглу. Все остальное время она лежит в тени куста или кактуса и переваривает пищу с неизменным подобием язвительной улыбки на своей уродливой физиономии. Друзоголов питается растительной пищей, но не отказывается он и от скоромного. Однажды я видел друзоголова, поедающего кузнечика, другой раз — мертвую птичку.

То же самое можно сказать и о черепахах. В саду одного моего друга в Гуаякиле жило несколько галапагосских черепах. Он подкармливал их крысами, которые попадались в крысоловки, и черепахи охотно поедали это угощение. Мой друг рассказывал мне, что одна из его черепах, весившая сто пятьдесят килограммов, загрызла и съела попугая с подрезанными крыльями; она же, наверно, придушила носуху. Черепаха долго стояла неподвижно

Гигантская черепаха.

на выпрямленных ногах, словно статуя, и, когда носуха забралась под нее, подогнула ноги и раздавила неосторожного зверька своей огромной тяжестью. Это было не случайностью, а преднамеренным убийством, потому что черепаха поднималась на

Вперед! Не бойтесь, черепаха не помчится галопом и не сбросит всадника. Ее максимальная скорость — 330 метров в час.

Пожалуй, самая удивительная галапагосская рептилия — морская ящерица, единственная на свете.

выпрямленные ноги всякий раз, когда поблизости появлялись куры или утки.

Когда подойдешь к ящерице, она начинает часто-часто кивать головой, чтобы напугать вас. Убедившись, что это ни к чему не приводит, ящерица, извиваясь на широко расставленных ногах, испуганно удирает в нору, вырытую под большим камнем. Если догнать беглянку и схватить ее за хвост, она старается укусить преследователя. У ящерицы мощные челюсти с маленькими, но острейшими зубами, и укус ее очень болезненный.

Более миролюбиво ведет себя двоюродная сестра друзоголова — единственная морская ящерица на земле. Она примерно такой же длины, как друзоголов, но еще уродливее, если это только возможно, еще более напоминает страшных доисторических ящеров. Она серо-черного цвета с зелеными и красно-бурыми отливами. Пойманная морская ящерица не пытается кусаться, а только сердито трясет головой и выпускает из ноздрей две тонкие струйки воды — настоящий маленький дракон. Но если ящерица укроется между камнями, вряд ли вам удастся извлечь ее оттуда: острыми когтями она цепляется за малейшую неровность на камнях, а ее тело так сильно раздувается, что она будто в тисках сидит в своем убежище.

Морские ящерицы живут на всем архипелаге, а на островах Исабела и Фернандина их тысячи. Людей они совсем не боятся и при встрече очень неохотно уступают им дорогу. Во время прилива ящерицы лежат на черных глыбах лавы и наслаждаются солнышком, а когда море отступает, они не спеша сползают вниз, чтобы поесть обнажившихся водорослей. Они прекрасно ныряют и плавают, однако их редко можно увидеть в воде. Самые опасные враги морской ящерицы — одичавшие собаки на суше и акулы в море. Нередко попадаются морские ящерицы с откусанным хвостом. Это памятка о неприятной встрече.

* * *

Когда моя дочь училась в школе на острове Санта-Крус, детям дали как-то задание перечислить ручных животных, живущих на архипелаге. Она да и другие школьники внесли в список ящериц, черепах и морских львов. И они были правы. Ведь на Галапагосе все наоборот: человека боятся только одичавшие домашние животные — лошади, ослы, коровы, козы, свиньи, собаки, кошки,— а так называемые дикие животные почти совсем не знают, что такое страх. И это бесстрашие нетрудно объяснить: люди появились на островах лишь в последние сто тридцать лет, а крупных хищников здесь совсем нет. Здешняя птичка может спокойно опуститься на шляпу идущего по лесу человека, а морской лев, увидев человека, даже не попытается ускользнуть в воду, а останется спокойно лежать на берегу.

Самая ручная и любопытная птица, пожалуй, пересмешник, с удивительным искусством передразнивающая всех. Она ведет себя нахальнее, чем стокгольмские воробьи. Что бы вы ни делали, за вами всегда следит пересмешник, бесцеремонно и любознательно изучая ваши движения и роясь в ваших вещах.

Это хитрая и сообразительная птичка. Ее любимая пища — маленькие улитки. Чтобы добыть улитку из скорлупы, пересмешник, крепко держа раковину в клюве, колотит ею о камень, пока не разобьет. Долгое время для меня оставалось загадкой, почему некоторые камни окружены горкой скорлупы улиток, пока я не увидел, как пересмешник деловито летает от куста, усеянного улитками, к черной лавовой глыбе, на которой совершалась операция.

Один из норвежских поселенцев на Санта-Крус — всего их на Галапагосе около тридцати, включая женщин и детей,— рассказал мне, как пересмешник издевался над его кошкой. Птица подпускала кошку совсем близко, но когда та готовилась к прыжку, взлетала и успевала на лету ущипнуть хищницу за хвост. Это повторялось много раз, кошка была вне себя, а пересмешник наслаждался ее яростью.

Наиболее распространенная хищная птица на архипелаге — галапагосский сарыч, гроза цыплят.

Однако островитяне не тратят выстрелов для того, чтобы отогнать сарыча. Они отгоняют его палкой. Но если поселенцу не удается ударить сидящую поблизости птицу, она останется сидеть на месте, вертя головой и с недоумением поглядывая на нападающего. «Волей-неволей приходится их убивать, чтобы сберечь своих цыплят,— сказал мне один норвежский поселенец извиняющимся тоном.— И когда нарушаешь доверие этих птиц к нам, людям, чувствуешь себя таким подлецом...»

Увы, не все думают так. Я видел на островах людей, которые убивают непуганых зверей, чтобы удовлетворить садистское желание убивать.

На острове Эспаньола я познакомился со знаменитым галапагосским альбатросом — очень красивой, коричневой с белым птицей. Приехав туда для киносъемок, я увидел множество птенцов, неуклюжих, но не уступающих по величине родителям, хотя они еще и не умели летать. Когда медленно подходишь к этим большим птицам, они не обнаруживают никаких признаков страха. Я мог снимать их без телеобъектива. Резкие движения пугали альбатросов, они начинали выбивать клювом пулеметную очередь и важно отступали раскачивающейся морской походкой. Если я продолжал идти за ними, взрослые птицы взлетали — для этого им нужно не менее пятнадцати метров разбега,— а оставленные на произвол судьбы птенцы ковыляли дальше. Словно клоуны в чересчур больших ботинках, они путались в кустах, спотыкались, с размаху садились, шлепались на клюв. Снимая птенцов альбатроса, я порой чуть не ронял камеру от смеха. Забавно было наблюдать и дуэли альбатросов: они искусно фехтовали клювами.

Во время прилива морские ящерицы любят нежиться на черных лавовых глыбах.

* * *

Млекопитающих на Галапагосе мало, если не считать привезенных людьми. Здесь встречаются летучая мышь, несколько мелких грызунов, тюлени и морские львы. Раньше тюленей было множество, но беспощадная охота истребила их почти всех. В старых отчетах можно прочесть об экспедициях, привозивших с Галапагоса пять — восемь тысяч тюленьих шкур.

Во время трех моих посещений архипелага я очень редко видел тюленей, зато морские львы попадались мне на каждом шагу. За ними тоже охотятся, однако не так усердно, потому что шкуры их не имеют почти никакой ценности. Правда, охотникам даже не приходится тратить на них боеприпасы: морского льва можно убить дубиной или камнем.

Как-то, играя роль Робинзона Крузо на маленьком необитаемом островке Баррингтоне, я прожил около недели на песчаном берегу в обществе сорока морских львов. Это было занимательное общество. Они вели себя мирно и поначалу проявляли страшное любопытство, но постепенно львы привыкли ко мне, словно приняли меня в свою семью. Конечно, в их глазах я был довольно нескладным существом, но они относились ко мне терпеливо. Мы жили в полном согласии, и я не без грусти прощался с ними, когда пришла пора покинуть остров.

Два года спустя я вернулся на тот же остров с кинокамерой, чтобы увековечить своих симпатичных друзей. Я увидел их еще издали — они нежились на белом песочке... Но, подъехав ближе, я увидел не живых львов, а их освежеванные туши. За несколько дней до моего приезда их забили дубинками!

Правда, не всегда морские львы ведут себя так миролюбиво, как те, которых я встретил на Баррингтоне. Крупные самцы могут быть очень опасными, особенно если опасность угрожает их самкам и детенышам. Они со страшной скоростью преследуют врага в воде, с рычанием выбираются на берег и преследуют на суше. В воде от них не уйдешь, но на суше они передвигаются с большим трудом.

Галапагосские морские львы живут круглый год, как на курорте. Море кишит рыбой, с питании им не приходится беспокоиться. Когда им надоедает нырять, ловить рыбу и кувыркаться в воде, они выбираются на берег, греются на солнце или дремлют. Сони они страшные, готовы спать большую часть суток.

Иногда морским львам приходится сражаться с акулами, своими единственными врагами. Один норвежец рассказывал мне, как он наблюдал драматический бой между акулой и морским львом. Они бились долго; вода вокруг них была окрашена кровью. И все же в конце концов морской лев одолел акулу, хотя и сам он сильно пострадал. С трудом выбрался он на берег и, страшно хрипя, истек кровью на песке.

Мрачная судьба ожидает своеобразную фауну Галапагосских островов, если только в ближайшее время не будут приняты охранные меры. В момент, когда пишутся эти строки, обсуждается проект учреждения на Галапагосе биологической станции с тем, чтобы превратить острова в заповедники. Будем надеяться, что удастся преодолеть все трудности — в первую очередь финансового порядка, — которые до сих пор препятствовали осуществлению этого проекта.

КОРИНА И ПАНЧИТА

Удивительное животное — тапир! Кто-то написал, что это — нечто среднее между слоном, свиньей и мулом, и надо сказать, что сравнение получилось меткое. Но больше всего меня поражают в тапире издаваемые им звуки. Большое, сильное животное свистит и пищит, словно птичка!

На острове Барро Колорадо я познакомился с девятимесячной мадмуазель тапир. Нельзя сказать, чтобы у нее было женственное личико. Больше всего она напоминала Джимми Дюранте, известную кинозвезду с длинным носом, хотя должен сказать, что Джимми многому может поучиться у Корины (таково было имя мадмуазель тапир). Дело в том, что у Корины был удивительно гибкий и поворотливый нос, вернее, хобот. Его движения совершенно очаровали меня.

Большую часть своего времени Корина посвящала еде, она казалась просто ненасытной. Ела она траву и листья, но не отказывалась и от хлеба, риса, жевательной резины, бумаги, сигарет. Однако больше всего она любила, когда ее чесали. Стоило поскрести у нее за ухом, как она валилась плашмя, зажмуривала глаза и издавала счастливый цыплячий писк.

Мы стали хорошими друзьями — я купил расположение Корины лакомствами,— и она часто сопровождала меня в моих прогулках по дебрям. При этом она всегда держалась поблизости от меня, так как была чрезвычайно труслива. Стоило ящерице пробежать, шурша сухими листьями, как Корина в панике прижималась ко мне.

Мне было грустно расставаться с Кориной. Она проводила меня до самой пристани, и когда катер отчалил, послышался ее печальный писк.

* * *

Несколько времени спустя мне пришлось познакомиться еще с одной мадмуазель тапир.

В Эквадоре я встретился с известным швейцарским звероловом Шарлем Корлье. По поручению одного нью-йоркского зоопарка он с помощью ловушек и сетей прочесывал дебри в поисках редких птиц и млекопитающих. Ему очень хотелось поймать длинношерстного горного тапира, которого еще не показывали ни в одном зоопарке мира. Это своеобразное и редкое животное, более крупное, чем обычный южноамериканский тапир, покрыто густой шерстью. Обитает оно в наиболее неприступных районах Анд: в Колумбии, Эквадоре, Перу и Боливии. Американские зоопарки предлагали за горного тапира внушительную сумму долларов. Многие пытались получить эти доллары, но до сих пор все их усилия оставались безуспешными.

Я сказал Корлье, что мне, возможно, удастся раздобыть горного тапира, и он стал уговаривать меня попытаться это сделать. Ему не хотелось возвращаться в Нью-Йорк без этой зоологической редкости.

Я долго колебался. Мне противно сажать животных в клетку. Правда, я отправил немало пресмыкающихся в зоопарки, но пресмыкающиеся — совсем другое дело. Они не страдают в заключении, у них нет потребности в свободе, которую испытывают птицы или млекопитающие. Им лишь бы брюхо набить. В Индонезии мне приходилось видеть прирученных питонов, которые жили на складах и ловили крыс. Эти крысоловы в любой момент могли бы удрать, но они даже не пытались освободиться, покуда на складах хватало крыс. Питоны всегда лежали на одном и том же месте, и только ночью голод заставлял их отправляться на охоту.

Совсем иначе обстоит дело с млекопитающими, и если бы не острая нужда в деньгах, я ни за что не пошел бы на сделку с собственной совестью.

Однако сделка состоялась, и я совершил два довольно трудных похода в горный край Ланганати. Сильный ливень, из-за которого все реки и ручейки вышли из берегов, перемежавшийся с густым туманом, сделал пребывание в Ланганати прямо-таки невыносимым и заставил меня вернуться ни с чем. Пришлось мистеру Корлье ехать в Нью-Йорк без горного тапира.

Но вот однажды, несколько времени спустя, я случайно узнал, что один индеец, живущий в деревушке Борья на восточных склонах Анд, полтора года назад поймал детеныша тапира и вырастил его совсем ручным. Судя по описанию, речь шла о горном тапире. Я немедленно отправился в Борье. Проехав полдня на автомобиле и пройдя два дня пешком, я добрался до цели.

Панчита быстро подружилась с этими девочками.

Это и в самом деле была молодая самка горного тапира. Совершенно ручная, она бродила по двору, словно домашний пес.

Хозяин и вся его семья очень привязались к животному.

— Но,— сказали они мне,— как бы мы ее ни любили, мы не можем ее держать больше. Посевы и тапир — несовместимые вещи.

Поторговавшись с полчаса, я оказался счастливым обладателем тапира.

Пока все шло хорошо. Но как доставить стопятидесятикилограммовую мадмуазель в Кито?

Я решил вести ее на поводу. Однако она была решительно против этого. Веревочная петля приводила ее в дикий ужас, и мы едва удерживали ее втроем. То она изо всех сил рвалась в заросли, то ложилась на землю.

Все же мы попробовали провести ее с километр. Мы тянули ее, подталкивая сзади, и даже пытались нести упрямицу на руках, манили ее сахарным тростником и бананами, говорили ласковые слова. На это ушло пять часов. Скоро мне стало ясно, что до ближайшей деревни, Папаллакты, находившейся в пятидесяти километрах от Борьи, придется нести ее в клетке.

Но прежде всего нам предстояло преодолеть серьезное препятствие: бурную речку Киос, на которой нет ни одного моста. Сами мы могли переправиться по тросу, протянутому с одного берега на другой, но тапир должен был преодолеть реку вплавь. Два человека ввели животное в воду, а остальные, стоя на противоположном берегу, впряг-

СКВОРЦЫ

Рисунки П. Кирпичева.

Б. Тихомолов,
Герой Советского Союза.

Гитлеровцы, откатившись на запад от Москвы, заняли позиции и стали накапливать силы: они еще надеялись снова пойти в наступление. Но наша авиация мешала им: бомбардировочные полки вылетали громить противника. Бомбили скопления танков, склады боеприпасов, аэродромы, воинские эшелоны.

Каждую ночь вылетала и наша эскадрилья.

Бывало, настанет утро, туман над рекой поднимается, роса в траве блестит, а небо такое голубое-голубое, с белыми облачками. Сел бы на пенек возле березки и смотрел бы вокруг, смотрел бы целый день! А нам, летчикам, не до этого. Утром с аэродрома торопимся домой спать. Лица у всех зеленые от усталости.

Офицеры нашей эскадрильи жили в большой хате с краю села, у речки. Слева и справа за голыми еще кустами виднелись обугленные стены, печные трубы, изуродованные и расщепленные снарядами деревья — следы тяжелых боев.

Наступила весна. Птицы с беспокойным свистом и писком носились над деревней, не находя своих старых, обжитых гнезд. Практичные воробьи с шумом расселялись на уцелевших чердаках, во всех мало-мальски удобных уголках и щелях. Плохо было скворцам: их скворечни погибли — и скворцы уныло сидели, жалобно посвистывая.

Глядя на такую печальную пару скворцов, сидевшую на деревянном коньке нашей крыши, летчики соболезнующе вздыхали:

Жалко птицу!.. Ишь, как печально посвистывают!

— Коли жалко,— сказал штурман эскадрильи капитан Елисеев,— так давайте скворечник поставим. Вот здесь, во дворе.

— А ведь и правда! — согласились все. — Только из чего сколотить?

На следующее утро летчики привезли с аэродрома длинный шест, моток проволоки и руль поворота, снятый со сбитого недавно немецкого самолета.

Хозяйка дома, пожилая женщина с большими синими глазами на усталом лице, с любопытством пощупала руль.

— Для чего это? — спросила она.

— А это, Мария Степановна, будет хата для наших скворцов! — весело объяснил командир звена Марченко. — Не скворечник будет, а за́мок!

К вечеру на старой груше в нашем дворе уже красовалось странное сооружение, действительно напоминавшее своим видом фантастический зáмок с двумя коническими башнями.

Так и прозвали этот скворечник зáмком, а лейтенанта Марченко — «смотрителем», потому что он каждое утро, возвратившись с боевого задания, проверял, крепко ли держится скворечник и довольны ли его жильцы. Скворцы, по-видимому, были довольны. По утрам они трещали на разные лады, а увидев возвращавшихся с аэродрома летчиков, задорно, по-мальчишески посвистывали:

— Фью-ю-ю!

Марченко прикладывал ладонь к глазам, взмахивал рукой и тоже свистел.

Скворец перелетал поближе, садился на тонкую ветку груши и удивленно косил глазом.

Тогда Марченко делал строгое лицо, подносил к губам указательный палец и шипел:

— Ш-ш-ш! Не кричать, скворушки, мы спать будем!

Скворец крутил головой и тоже шипел.

Летчики смеялись:

— Вот пичуга-то, а! Все понимает!

Иногда скворцы, потревоженные соседской кошкой, поднимали гвалт и будили нас. Тогда кто-нибудь из летчиков вставал и, шлепая по полу калошами от унтов, выходил из хаты, чтобы прогнать кошку со двора.

Летчики привезли руль поворота со сбитого недавно немецкого самолета.

Однажды я проснулся от пронзительного кошачьего мяуканья. Сквозь тонкую перегородку были слышны сдержанное ворчание офицеров и скрип коек. Кто-то встал и открыл окно.

— Брысь, проклятая!

Но кошка не умолкала. Крик ее становился все настойчивее и громче.

— Вот дьявол! — услышал я сонный бас Елисеева. — Сапогом ее!

— Да нигде не видать...

— Все равно шугани!

Тяжелый кирзовый сапог с треском врезался в растущие под окнами кусты смородины. Мяуканье прекратилось, но сон уже был нарушен.

— Надо что-то сделать с этой кошкой,— сказал Марченко. — Проучить ее!

Несколько дней подряд будил нас неистовый кошачий крик под окном. Офицеры озлились не на шутку.

А кошка, самая обыкновенная, серая, с рыжими подпалинами на боках, безмятежно нежилась на крыльце, громко мурлыча.

— Вы только поглядите на нее! — ворчал Елисеев. — Развалилась, размурлыкалась, будто я не я!

— Кис-кис-кис! — позвал ее Марченко.

— Мяу!.. — хрипло отозвалась кошка, поднимая голову.

— Вот я тебе дам «мяу»! — сказал Марченко, угрожающе поправляя на ремне кобуру с пистолетом. — Я тебя подкараулю!..

Не то кошка почуяла опасность, не то у нее появились другие кошачьи дела, только мы стали спать спокойно. Даже скворцы не встречали нас своими трелями. Они беспрестанно мелькали в огородах, разыскивая жирных гусениц для своих птенцов.

— Ну и детки! — изумлялись летчики. — Папа с мамой с ног сбились, а им все мало!

И вдруг нас снова разбудили тревожные крики наших друзей. Кто-то, проснувшись, крикнул:

— Товарищи, скворцов обижают!

Мы выскочили во двор. У скворечника хозяйничала ворона. Примостившись у круглого отверстия, она норовила просунуть в него клюв. Скворцы молнией мелькали над головой грабительницы, на лету выщипывая у нее перья. Но соблазн полакомиться птенчиками был настолько велик, что воровка не обращала внимания на щипки и удары.

— Марченко, пистолет! — крикнул я.

— Есть пистолет! — с готовностью отозвался тот. — Разрешите стрелять?

— Стреляйте, только не наповал. Сбейте с нее хвостовое оперение.

Раздался выстрел. Ворона сразу сделалась куцей и беспомощной. Пока она, упираясь крыльями о скворечник, выдергивала застрявшую голову, скворцы осыпали ее градом крепких ударов. Наконец воровка вырвалась и, теряя мелкие перья, зигзагами помчалась прочь. Скворцы долго гнались за ней, пока она не скрылась за речкой.

— Победа за нами! — засмеялся Елисеев. — Враг понес большие потери!

Вернулись запыхавшиеся скворцы. Скворчиха села на макушку «за́мка» и стала чистить перья, а скворец деловито заглянул внутрь и, убедившись, что птенцы целы и невредимы, занял вторую макушку груши.

— Что, господа владельцы, струсили? — насмешливо спросил Марченко.

Мяу!.. — донеслось до нас сверху.

Мы замерли от удивления.

— Что? — машинально переспросил Марченко.

— Мяу!.. Мяу!.. — смешно раздув шею, прохрипел скворец.

Воздух, казалось, раскололся от нашего дружного хохота.

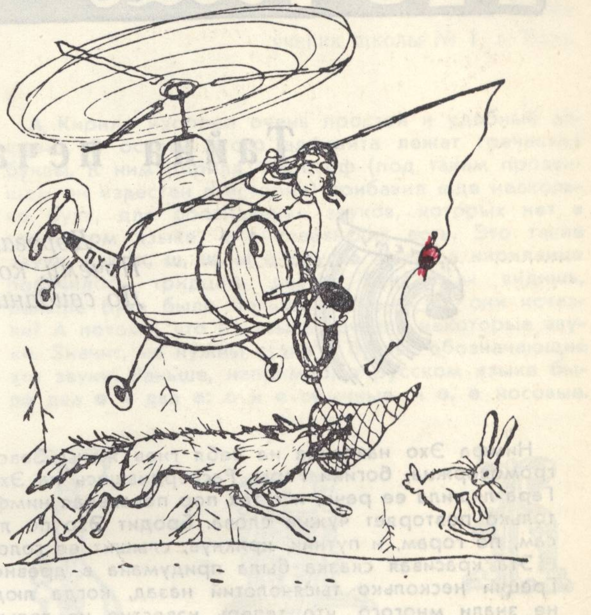
— Ах ты, безобразник! — закричал Марченко. — Так это ты орал у нас под окнами?!

— Мяу!.. — подтвердил скворец и, склонив набок голову, насмешливо посмотрел на летчика. Многим даже показалось, что он подмигнул Марченко, но я не стану этого утверждать, потому что, как и все, смеялся до слез.

Через некоторое время мы распрощались с нашими скворцами и перелетели на другой аэродром. Говорят, что скворечня-за́мок стоит до сих пор. Она сильно обветшала, но в ней по-прежнему живет скворчиная семья.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ «ПУ-1»

(Начало на стр. 61-й).

3. Секунда — и волк в «наморднике».

4. Еще секунда — и злой хищник попался на удочку.

Почему и отчего

Тайна печальной нимфы

Дорогая редакция!
Почему, когда крикнешь в пустой комнате, отзывается эхо?
До свидания!

Галя Таланкина,
ученица 16-й школы, г. Киров.

Нимфа Эхо навлекла на себя гнев жены Зевса-громовержца, богини Геры. Рассердившись на Эхо, Гера лишила ее речи, и с тех пор печальная нимфа только повторяет чужие слова. Бродит Эхо по лесам, по горам, и путник, крикнув, слышит ее голос.

Эта красивая сказка была придумана в древней Греции несколько тысячелетий назад, когда люди не знали многого, что теперь известно не только ученым, но и ребятам в школе.

Вот ты сама заметила, что эхо отзывается в пустой комнате. Вряд ли печальная греческая нимфа забралась туда во время ремонта или перестановки. Что же такое на самом деле эхо? Почему мы его слышим?

Это звук, не правда ли? Вот ты крикнула: «Ау!»,— и эхо тихонько откликнулось: «Ау!» — голосом, похожим на твой собственный. Ты ударила по полу молотком. Прислушалась. Повторенный удар послышался как будто где-то сбоку, в стороне.

А почему мы слышим свой голос, чужие голоса, удар молотка, звон колокольчика? Откуда берутся звуки? Что такое звук?

Звук — это колебания окружающего нас воздуха.

Вот простой металлический колокольчик. Когда язычок, качаясь, ударяется об его стенку, стенка начинает дрожать. Это дрожание передается воздуху, и он тоже приходит в движение.

Когда дрожащий воздух попадает к нам в ухо, он заставляет колебаться барабанную перепонку, специально для этого существующую у нас в ухе. От барабанной перепонки дрожание передается дальше, крохотным слуховым косточкам. потом еще дальше, пока слуховые нервы не передадут его в мозг.

Тогда мы слышим звук: сказанное слово, удар молотка, звон колокольчика, выстрел пистолета, гудок автомобиля.

А что будет, если колокольчик поместить под колпак и выкачать оттуда воздух? Услышим ли мы звон? Нет, не услышим, хотя нам и видно будет, как болтается язычок и ударяет о стенку.

Почему? Потому, что нет воздуха: колебаниям негде распространяться.

А что будет, если звук, иначе говоря, колебания воздуха, распространяясь в комнате, дойдут до стены?

Звук отскочит от стенки, как мячик, и пойдет обратно. Услышим ли мы такой отраженный звук? Конечно. Это и есть эхо. Оно ничем не отличается от звука, который мы слышали сначала, только, может быть, чуть слабее. Звук отражается не целиком. Часть его поглотила стена.

Почему же не слышно эха в комнате, где много вещей? Потому что вещи поглощают звук. Особенно ковры, мягкая мебель, книги. В комнате, где много вещей, не только не слышно эха, но даже голоса людей звучат приглушенно.

Если звук отражается от разных поверхностей, по-разному удаленных от тебя, ты услышишь эхо, многократно повторяющее твой голос.

В Италии, недалеко от Милана, есть знаменитый дворец Симонетто. Выстрел из окна главного здания повторяется до пятидесяти раз, потому что звук отражается от множества пристроек.

В Сицилии была когда-то церковь, обладавшая странным свойством. Когда человек приходил на исповедь, каждое слово, которое он говорил шепотом священнику в исповедальне, было отчетливо слышно совсем в другом конце церкви. Это странное свойство не было случайностью. Церковь нарочно была так построена, чтобы можно было подслушивать тайны, сказанные на исповеди.

Звук может распространяться не только в воздухе, но и в воде. Этим пользуются для определения глубины моря и изучения неровностей морского дна. Прибор, который для этого служит, называется эхолотом. Он улавливает эхо, отраженное от дна. Скорость, с какой звук распространяется в воде, хорошо известна. Чем быстрее вернулось эхо, тем меньше глубина.

Есть и другое эхо. которое нам верно и хорошо служит: эхо радиоволн. Радиоволны возвращаются к нам, если встретят впереди препятствие: корабль, скалу, самолет. Прибор, действующий с помощью радиоэха, называется радиолокатором. Теперешние локаторы устроены так, что на экране телевизора появляется изображение препятствия. Радиоэхо позволяет видеть сквозь туман, сквозь ночную темноту и на расстоянии, которое недоступно ни простому глазу, ни биноклю, ни подзорной трубе.

Вот как служит печальная нимфа Эхо людям, узнавшим ее истинную, а не сказочную природу.

И. Бавыкина,
студентка физического факультета МГУ.

От А до Я

Прошу вас рассказать о том, кто и когда изобрел русский алфавит.

Валерий Подин,
ученик школы № 1, г. Баку.

Свои мысли люди передают друг другу словами. Слово связывает не только двух собеседников. Написанное на бумаге, оно летит в далекий путь и позволяет нам узнать о делах друзей, о здоровье родных, оно может жить вечно. Человеческую мудрость передает слово от предков к потомкам. Это возможно благодаря тому, что каждое слово можно записать с помощью особых знаков — букв.

Очень давно, тысячу сто лет назад, русские люди уже умели записывать свои мысли с помощью букв. Правда, буквы эти не совсем походили на те, которые пишем мы. Это были буквы древнеславянского алфавита. От них произошли, постепенно изменяясь, буквы, которыми пользуются многие славянские народы: русские, украинцы, белорусы, болгары, сербы, черногорцы.

Откуда же взялись буквы славянского алфавита?

Вот что говорит история. Около 862 года болгарский князь Ростислав обратился к византийскому императору Михаилу III с просьбой прислать в Болгарию учителей, которые смогли бы перевести византийские книги на древнеболгарский язык. В Болгарию из Византии отправились два брата, Кирилл и Мефодий, хорошо знавшие древнеболгарский язык. Кирилл и Мефодий были очень образованными людьми своего времени. Они перевели византийские книги на болгарский язык, записав то, о чем в них рассказывалось, с помощью специально для этого изобретенного алфавита, который в короткое время распространился во всех славянских землях. Этот же алфавит стал и русским алфавитом, и назывался он по имени его изобретателя кириллицей.

Правда, некоторые ученые предполагают, что еще до распространения кириллицы русские люди умели писать какими-то другими буквами. Но какие это были буквы, пока не известно: записей, сделанных до введения кириллицы, не сохранилось.

А Кирилл изобрел очень простой и удобный алфавит. В основе этого алфавита лежат греческие буквы. К ним Кирилл Философ (под таким прозвищем он известен в истории) прибавил еще несколько букв, для обозначения звуков, которых нет в греческом языке, а в славянских есть. Это такие звуки, как **ж, ш, щ, ы** и другие. Всего в кириллице получилось тридцать девять букв. Как видишь, раньше букв было больше. Почему же они исчезли? А потому, что из языка исчезли некоторые звуки. Значит, не нужны стали и буквы, обозначающие эти звуки. Раньше, например, в русском языке было два **о** и два **е**: **о** и **е** обычные и **о, е** носовые.

Заглавные буквы из древнейшей русской книги — Остромирова евангелия.

Буквы кириллицы все же были сложные, но постепенно они изменялись, упрощались, пока не стали такими, как сейчас.

Так прошла, изменяясь, русская буква свой путь по векам и донесла до нас вести о былом. Она помогла нам узнать о жизни и деяниях, о мыслях наших предков. Со страниц пожелтевших летописей долетают до нас их слова, сохраненные в буквах.

Н. Друян

Восьминогие строители

Мы знаем, что паук-крестовик не летает, но мы видели его паутину, протянутую через реку. Ширина реки — четырнадцать метров.

Как мог паук-крестовик перебросить паутину на такое расстояние, да еще через реку?

Н. Кондратьев, В. Шваба,
Даурский леспромхоз, Красноярский край.

Вы, наверно, замечали, ребята, что осенью на полях или в лесу много паутины. Она длинными нитями тянется от травинки к травинке, от дерева к дереву. Возьмите одну такую паутинку и пустите ее на воздух. Она не упадет. Она очень легкая и будет плыть по воздуху.

Вот этой необычайной легкостью паутины и объясняется то, что ваш паук-крестовик перемахнул через реку. На берегу он зацепил свою паутинку, начал ее выпускать; выпустил уже порядочно, и тут подхватил паутинку ветер, вместе с ней поднял и паука. Ветер понес паутинку вместе с пауком, и так по воздуху паук добрался до другого берега. Там он зацепил ее за что-нибудь и уже по своей паутинке легко смог перебраться на свой берег.

Таким же способом натягивает паук свои паутинки между травинками и деревьями.

К. Кочетков

СПОРТ

Ребята из школы № 3 города Электросталь, Московской области, сами построили свой спортивный городок: сделали футбольное поле, баскетбольную площадку, беговую дорожку, провели свет. А зимой весь школьный стадион превращается в большой зеркальный каток.

РЯДОМ СО ШКОЛОЙ

Фото С. Карасева.

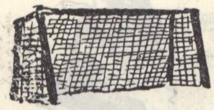

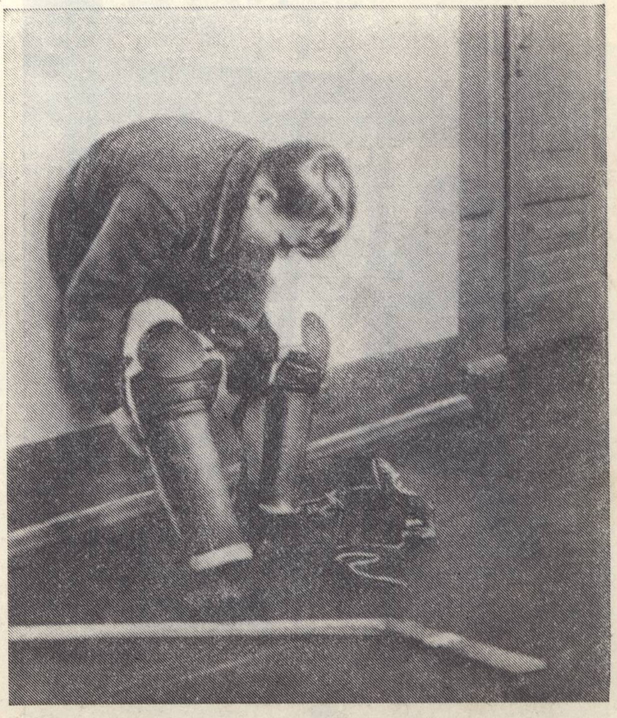
Каток требует заботливого ухода. Ни одной снежинки не должно оставаться на льду. Эти удобные, широкие скребки сделаны в школьной столярной мастерской. Проведешь скребком три — четыре раза — и каток чистый.

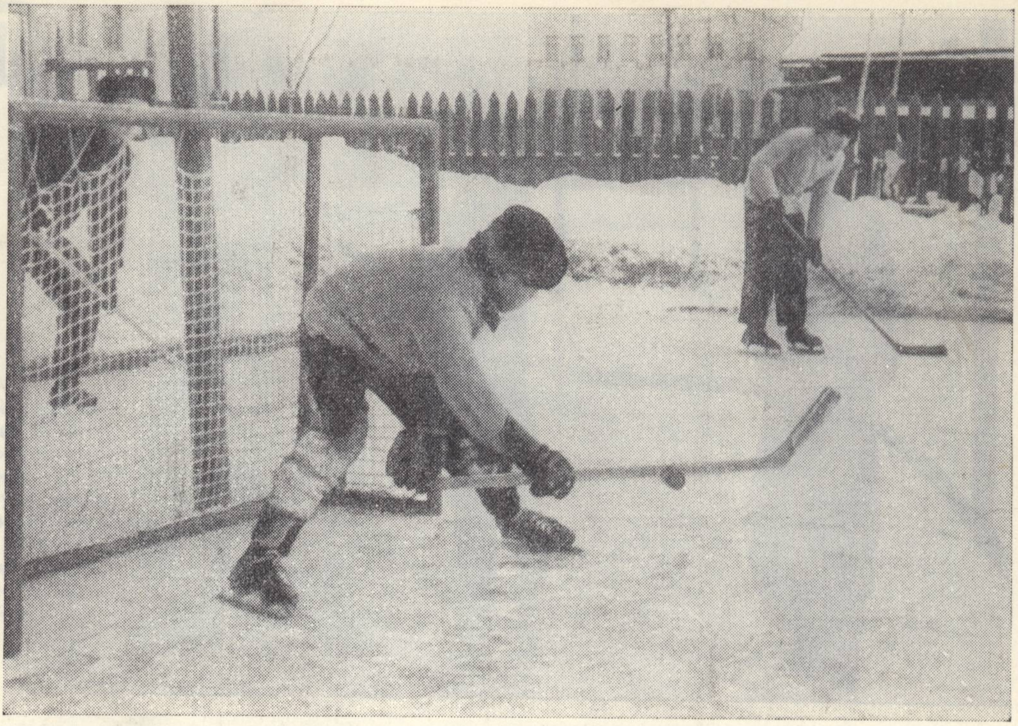

Раннее утро. Солнце еще только всходит, а дежурные уже заливают свой каток. К началу соревнований лед должен хорошенько застыть.

Вратарю без наколенников никак нельзя: часто приходится падать. Ваня Тельнов сделал наколенники из фанеры, обрезков кожи и старой футбольной камеры.

Ворота восьмиклассников охраняются надежно. Напряженный момент игры — еще одна трудная шайба отбита. Молодец, вратарь!

Маленький Вова Амельянов с восторгом следил за игрой. А когда игра окончилась, Вова вышел на поле. Приятно хоть на минуту почувствовать себя настоящим хоккеистом.

Карикатуры для этого выпуска «Клякс» рисовали Илья Еленский и Володя Смирнов.

ДЕТКИ ЗАБАВЛЯЮТСЯ

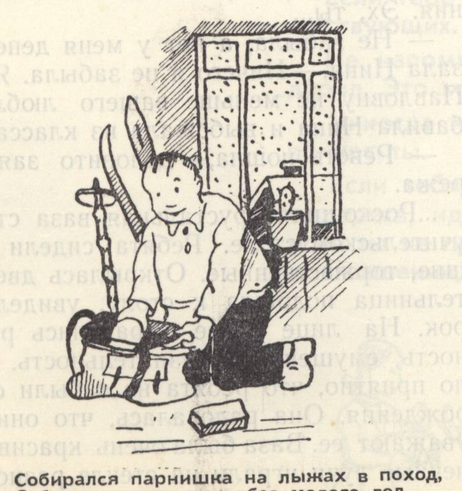

Переправу «шутники»
Растащили до доски.
Ох, и дикая забава!

Делать нечего. Народ
Переходит речку вброд,
А была ведь переправа.

БЫСТРЫЙ ЛЫЖНИК

Собирался парнишка на лыжах в поход,
Собирался парнишка без малого год.

Он к походу готов: смотрит с ужасом
Вместо снега веселые лужицы.

Л. Фридман

ДОРОГОЙ ПОДАРОК

...Приятно получать подарки. И делать подарки тоже приятно. Мой сосед, мальчик двенадцати лет, собираясь на день рождения к своей однокласснице, снял с полки книгу «Овод», которую недавно купил ему отец.

— Папа, я хочу подарить Тане «Овод». Можно?

— Книга твоя,— сказал отец.— Поступай с ней, как хочешь.

— Отнесу.

— А не жалко?

— Немножко жалко, конечно. Но пусть берет — она очень эту книгу любит.

У каждого подарка есть своя история. Обычно тот, кто получает подарок, этой истории не знает. И это, наверное, правильно. Странно было бы, если бы ты, например, принес своей маме восьмого марта цветы и сказал:

— На, мама. Полгорода обегал за этими окаянными цветами! Еле нашел. И дорогие какие, просто ужас — десять шестьдесят заплатил!

Нелепый разговор, верно?

Подарок, как правило, готовится по секрету. И только иногда человек догадывается, как готовился для него подарок, сколько внимания и заботы вы проявили, придумывая, что подарить. Особенно радует, если вы смогли догадаться, что именно эту вещь ему давно хотелось иметь. Словом, история подарка чаще бывает приятной, веселой и трогательной. Но иногда, догадываясь об этой истории, человек не испытывает никакой радости. Одна знакомая девочка рассказывала мне, как их класс сделал подарок учительнице на день рождения.

Староста класса Марина Колосова сказала строгим голосом:

— Ребята, все принесли деньги?

— Принесли,— нестройно ответил класс. Марина собирала деньги, записывала в тетрадку, кто сколько внес, и аккуратно складывала деньги в коробку из-под печенья. Коробка быстро наполнялась: Оля принесла пять рублей, Сережа — десять, а Володя Пробкин — целых пятьдесят.

— Отец расщедрился,— бросил он небрежно.

Одна Нина стояла в стороне, опустив голову.

— Нина, а ты?

— У меня нет ничего,— прошептала девочка.

— Забыла? — ахнула Марина.— Как же так? У любимой учительницы день рождения. Эх, ты...

— Не забыла, а нет у меня денег,— сказала Нина.— Ничего я не забыла. Я Марию Павловну не меньше вашего люблю,— добавила Нина и выбежала из класса.

— Реветь пошла,— деловито заявил Сережа.

...Роскошная хрустальная ваза стояла на учительском столе. Ребята сидели притихшие, торжественные. Открылась дверь, учительница подошла к столу, увидела подарок. На лице у нее отразились растерянность, смущение, признательность. Ей было приятно, что ребята не забыли о дне ее рождения. Она радовалась, что они любят, уважают ее. Ваза была очень красивая, солнечные лучи играли на стекле разноцветными искорками... Но чем больше Мария Пав-

ловна смотрела на эту дорогую вещь, тем больше хмурилось ее лицо. Она представила себе историю этого подарка. Ваза стоит недешево. Конечно, ребята собирали деньги. А денег своих у ребят нет. Их пришлось просить у родителей. И не всем родителям легко было дать деньги. Вон Нина сидит потупившись, лицо у нее грустное. Мария Павловна вспомнила, что у Нины трое маленьких братишек, а работает одна мать... Настроение у Марии Павловны испортилось.

Не только в этой школе существует такой странный обычай — покупать подарки учителям. Может, и вы собираете деньги на подарки своей учительнице и даже не задумываетесь над тем, что есть в этих покупных, дорогих подарках что-то нехорошее.

Денег вы сами не зарабатываете, вот и получается, что дарите эти вещи не вы, а ваши родители.

Но ведь совсем не обязательно подарки покупать в магазине. Разве нельзя смастерить что-нибудь самому: вышить салфетку, выпилить шкатулку, нарисовать красивую картинку — да мало ли красивых, хороших вещей можно сделать своими руками... А если даже они получатся не такие уж красивые, тоже не большая беда. Главное, видно будет, что делалась вещь со старанием, с выдумкой, с любовью. А ведь в этом смысл подарка. Недаром пословица говорит: не дорог подарок, дорога любовь.

СОВЕТУЕМ ТЕБЕ

Можно подарить приятелю что-нибудь из своих вещей: книгу, краски, перочинный ножик. Другу будет приятно, что тебе не жалко для него расстаться со своей вещью.

Не гонись за тем, чтобы подарок дорого стоил. Ценность подарка совсем не в этом.

Дареное не дари, не обижай того, кто сделал тебе подарок.

Когда тебе принесли подарок, не клади его в сторонку. Сразу же разверни, посмотри. Даже если вещь тебе не очень нравится, не показывай вида. Это огорчит твоего гостя.

Придумывая подарок для кого-нибудь, постарайся узнать, что любит этот человек, какая вещь ему особенно понравится. Никто заранее не должен догадываться о том, что ты собираешься дарить. Приятнее всего, когда подарок неожиданный.

Если тебе подарили что-нибудь вкусное, угости всех присутствующих.

Не напоминай приятелю впоследствии: «Это я тебе подарил. Это моя книжка».

Никогда не критикуй чужих подарков и не хвали то, что принес ты.

Если тебя пригласили на день рождения, а тебе нечего подарить, иди без подарка: ничего плохого в этом нет. А если ты не придешь, приятель подумает, что ты забыл о его приглашении, и обидится.

НАША ПОЧТА

Как Вова спас котенка

Я хочу рассказать про одного мальчика — пионера из нашего двора. Его зовут Вова Дорофеев. Ему двенадцать лет.

Недавно у нас случилось несчастье. Наш котенок залез во дворе под огромную кучу толстых бревен, там застрял и не мог вылезти. Его придавили бревна.

Котенок кричал страшным голосом. Я ходила рядом и плакала и всех просила помочь. Но все шли мимо. Никому не хотелось ворочать тяжелые бревна.

Да и хозяева этих дров никому не велели их трогать.

Котенок кричал до вечера, пока не пришел с катка Вова. Он сразу пошел спасать котенка. Попробовал подлезть под бревна, но ничего не вышло.

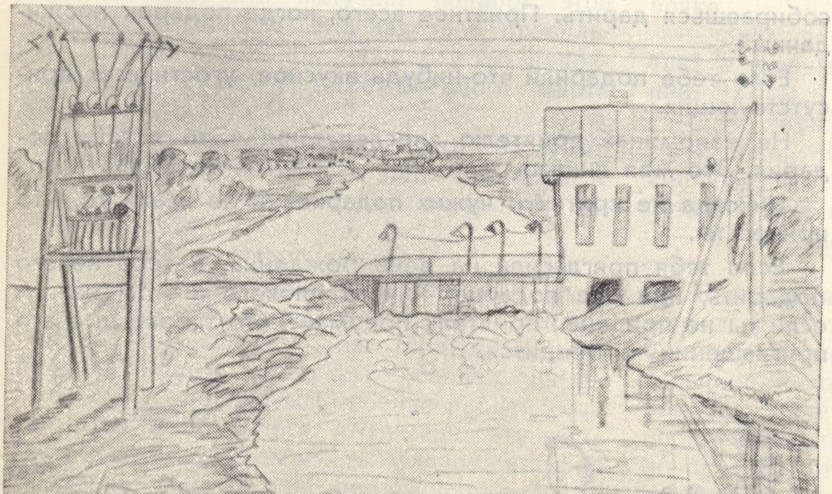
Вова сказал, что до утра котенок ни за что не доживет. И стал разбирать бревна.

Взрослые это увидели и помогли ему. Раскидали бревна, а котенок примерз. Пришлось лить на лед кипяток, чтобы он оттаял.

Так спасли нашего котенка. А потом Вова до поздней ночи укладывал бревна обратно.

Когда я вырасту, я тоже обязательно буду пионеркой.

Оля Ламбина, Москва

Пайскюласская ГЭС.

Юлеви Эльянд,
Ыылевская средняя школа
(Эстония).

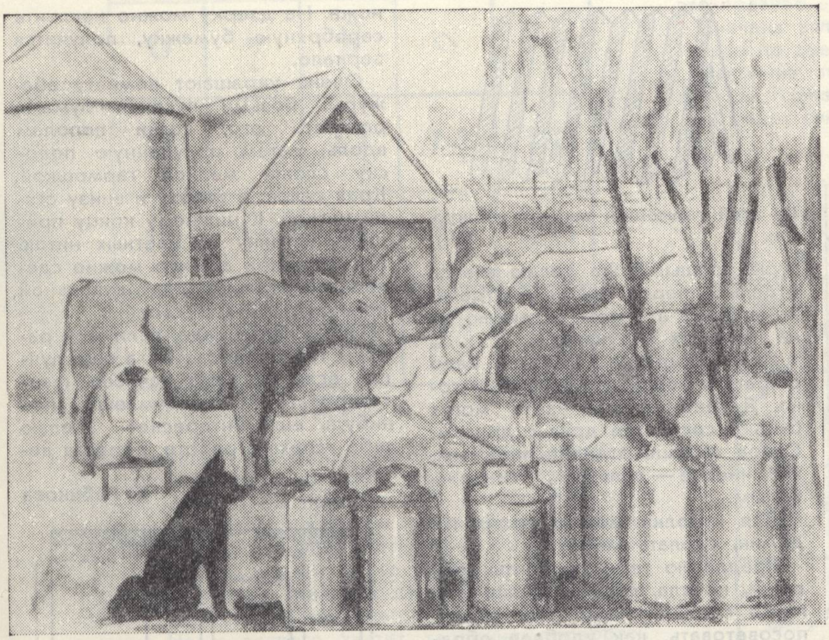
Щеглы

У меня живут щеглы —
Забияки, драчуны.
Целый день они дерутся,
Скачут, прыгают, клюются.
Первый толстенький такой,
Но зато драчун какой!
Он другому, посмирнее,
Перья выклевал на шее.

Дашь капусты толстяку,
А другой уж начеку.
Взглянет быстро левым глазом
И заметит ее разом.
Клювик свой отточит он
И поднимет тут трезвон,
Даже маленькая киска
Перестанет пить из миски.

Толя Трахтенберг,
ученик 4-го класса. Литературный кружок
Красногвардейского дома пионеров Москвы.

На колхозной ферме.

Эви Хоймра.
Таллинская средняя школа № 16.

Посылка нашим друзьям

Наш класс получил письмо от пионеров-третьеклассников школы № 99 города Куйбышева. Ребята писали, что на уроке учительница рассказала им про хлопок. Но куйбышевские ребята никогда не видели хлопка и не знают, как он растет. Они просили нас прислать им коробочку хлопка.

Мы с удовольствием стали готовить посылку своим далеким товарищам. Эргеш Таджибаев принес из колхоза веточку хлопка с цветком и созревшую коробочку. Слава Кривоносов приготовил образчики промышленных товаров, которые изготовляются из хлопка. Все это мы хорошо упаковали в ящик и послали нашим друзьям-пионерам.

А. Мамурова, председатель совета отряда
3-го класса «А» школы № 1 города Джалал-Абада,
Киргизская ССР.

А вы любите играть в куклы?

Мне уже одиннадцать лет, я учусь в пятом классе, но самое мое любимое занятие — одевать куклу. Я придумываю и делаю для своей картонной куколки самые разные наряды из бумаги. То она у меня в украинском, то в китайском костюме, то вдруг превратится в снежную королеву, а потом опять станет простой девочкой в нарядном, цветастом платьице.

Мне бы очень хотелось узнать, любят ли другие девочки моего возраста играть в куклы. Или это уже стыдно?

Жду ответа с нетерпением.

Мила Рыбалова,
Одесса, ул. Советской Армии, д. 4, кв. 3.

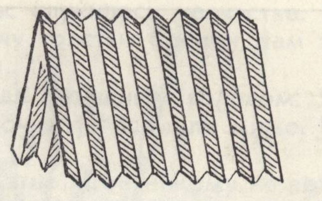
Кукольный дом

Дорогая Мила!

Я тоже в детстве всегда мастерила себе куколки из бумаги. Признаться, я и сейчас люблю их делать, правда, теперь уже не для себя, а для своих маленьких друзей. По-моему, делать то, что любишь, никогда не стыдно.

Мне хочется с тобой поделиться тем, как я наряжаю свою куклу. Быть может, тебе понравится. Посмотри мои рисунки на последней странице обложки.

Ты складываешь бумагу пополам, выкраиваешь платьице с разрезом либо спереди, либо сзади. От этого платьице получается всегда с прямыми, стоячими плечами и неплотно лежит на фи-

Из этой гармошки выйдет абажур.

гурке куклы. Я же делаю всегда отдельно перед платья и отдельно спинку, а потом склеиваю их на плечиках и рукавах.

При раскраске платьев надо стараться подбирать красивые тона. Далеко не все цвета могут быть в соседстве друг с другом. Серое хорошо отделать красным, коричневое — зеленым, синее — белым.

Для куколки можно построить домик, сделать мебель.

Предлагаю тебе выкроить кроватки, кресла, столик, шкаф. Это легко сделать. Хочу тебе только посоветовать, как удобнее обрабатывать сгибы.

Вдоль линии сгиба положи линейку и затем тупой стороной ножа тихонько проведи по линии сгиба.

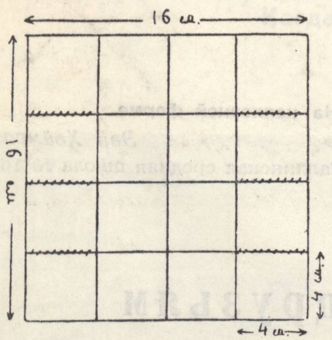
После этого сгиб получится аккуратный, четкий.

Дверку шкафа надо прорезать острым кончиком перочинного ножа. На дверку можно наклеить серебряную бумажку, получится зеркало.

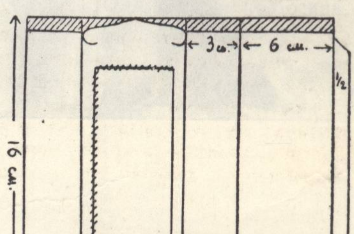
Очень украшают комнату абажуры. Возьми кусочек бумаги, раскрась его, согни пополам вдоль, затем полученную полоску сложи мелкой гармошкой. Края склей, а вверху и внизу стяни ниткой. К нижнему концу пришей кисточку из цветных ниток. Кстати, такой абажур можно сделать не только для кукольной комнаты, а и для своей.

Очень буду рада, если мои работы тебе понравятся, а еще лучше, если ты сама начнешь фантазировать и придумаешь что-нибудь еще интереснее. Желаю тебе успеха в работе, дорогая девочка!

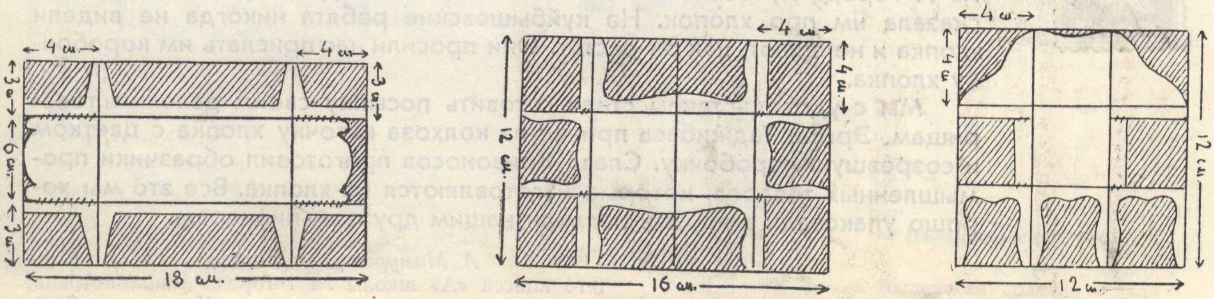
Е. Ребикова

Сделай надрезы на линиях, отмеченных черточками. Получится выкройка собачьей будки.

Выкройка шкафа.

А это выкройки кукольной кровати, столика и кресла.

В часы досуга

КРУГОМ 65

(Магический квадрат)

1	2	3	4	5
6	7	8	9	10
11	12	13	14	15
16	17	18	19	20
21	22	23	24	25

Рисунок 1.

На рисунке 1 вы видите квадрат, разделенный на 25 клеток. В клетки вписаны числа, расположенные в последовательном порядке от 1 до 25. Требуется переставить числа в клетках таким образом, чтобы во всех горизонтальных, вертикальных и диагональных рядах сумма пяти чисел равнялась 65.

Для тех, кто не знаком с секретом этой головоломки, решение ее покажется делом весьма нелегким. Не у всякого хватит терпения перебрать десятки различных комбинаций с числами в поисках правильного ответа. Но в этом и нет необходимости. Существует оригинальный и весьма несложный способ решения этой задачи, доступный каждому.

В квадрат с числами впишите меньший квадрат и разделите его на такое же количество клеток. Линии, образующие клетки, продолжите до сторон большого квадрата (рис. 2). Вы увидите, что тринадцать чисел уже заняли свои места и в новом, вписанном квадрате. Задача, таким образом, наполовину решена. Остается разместить в свободных клетках малого квадрата остальные двенадцать чисел, оставшиеся за его пределами. Но и это оказывается делом несложным. Числа, находящиеся за пределами нового квадрата, будут перемещаться в строго определенном порядке: каждое вдоль своего коридора, образованного продолженными косыми линиями, в направлении, указанном стрелкой (см. рис. 2). А здесь может быть только два варианта: или вписывать число в ближайшую к нему свободную клетку, или же вписывать его в следующую, дальнюю, клетку. Постарайтесь установить это правило сами.

Сначала заполняйте числами те ряды, в которых только по две свободные клетки.

Закончив перемещение чисел, проверьте, во всех ли горизонтальных, вертикальных и диагональных рядах сумма чисел равна 65.

Т. Белоусов

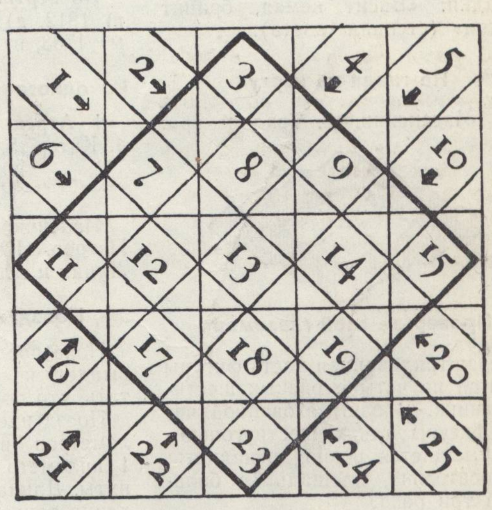

Рисунок 2.

ПЕРЕСТАВЬТЕ КНИГИ

Эти книги надо переставить в таком порядке, чтобы в горизонтальных рядах по буквам на корешках можно было прочитать одно из высказываний Н. Островского.

Составили **Н. Шварев** и **А. Зарипов**, Ворошиловградская область, рудник Голубовка.

КТО ОН?

Даны одиннадцать слов следующих значений: 1. Пищевой продукт. 2. Ткань. 3. Хищная птица. 4. Город в Эстонской ССР. 5. Время года. 6. Млекопитающее, живущее под землей. 7. Крупное хищное животное. 8. Домашнее животное. 9. Город в Московской области. 10. Государство в Азии. 11. Весенний месяц.

Замените в каждом слове одну букву так, чтобы получились слова, означающие: 1. Населенный пункт. 2. Стеклянный или жестяной сосуд, используемый под тару. 3. Река во Франции, приток Роны. 4. Великая русская река. 5. Столица государства Перу. 6. Остров в Средиземном море. 7. Площадь земли, покрытая деревьями. 8. Областной город РСФСР. 9. Продукт, выпеченный из теста. 10. Химический элемент. 11. Травянистое растение с крупными цветами.

Если слова найдены правильно, то из освободившихся после замены букв составится фамилия известного русского художника. Кто он?

Составил **Виктор Рассохин**,
Московская область.

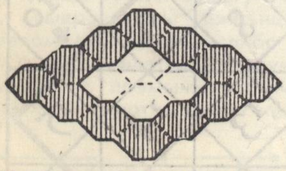
ОТВЕТЫ на задачи, помещенные в № 1

Загадочная стенгазета

Новые слова: поВод, плИта, оСа, кИт, коТел, леНта, мЕх, яМа, вАл, мЯч, заБор, тиРан, лАк, лиНия, мИр, беТон, воЛна, лЕв, баНан, баТон, рЯд, вЯз. Из выделенных букв составляется текст загадки: «Висит немая, бранит лентяя» (стенная газета).

Не глядя на карту

1. Миссисипи. 2. Гвадалахара.

Проверьте свой глазомер

Незаштрихованная часть фигуры делится на четыре равных шестиугольника. В заштрихованной части фигуры таких шестиугольников умещается ровно двенадцать: следовательно, площадь ее больше в три раза.

Рыцари круглого стола

Размещение рыцарей за круглым столом во второй вечер (по ходу часовой стрелки): Артур, Флолл, Белеобус, Дриам, Эрик, Карадок, Галахад; в третий вечер: Артур, Карадок, Белеобус, Эрик, Галахад, Флолл, Дриам.

Удивительные дроби

Куница. (КУзнечик, сиНИца, овЦА).

Задача-шутка

Селенга. Сенегал.

Исторические даты

По горизонтали: в) 1898, е) 1885, ж) 1755, з) 1242, и) 1711, к) 1147, л) 1912, н) 1671, р) 1648, т) 1497.
По вертикали: а) 1185, б) 1801, г) 1812, д) 1581, з) 1861, о) 1922, м) 1768, н) 1240, с) 1612, р) 1870.

Из одного слова — четыре других

1. Атрек, 2. Артек, 3. Актер, 4. Катер, 5. Терка.

Четыре друга

Мальчиков зовут так: Миша Петров, Юра Балашов, Володя Лунин и Алик Симонов.

Поезд идет через тоннель

Пока последний вагон поезда не выйдет из тоннеля, нельзя считать, что поезд прошел тоннель.

Поезд идет со скоростью 30 километров в час, следовательно, 1 километр он проходит за 2 минуты. Длина поезда так же, как и длина тоннеля, тоже 1 километр. Когда паровоз выйдет из тоннеля, последний вагон поезда только что войдет в тоннель. Когда же последний вагон выйдет из тоннеля, паровоз к тому времени пройдет еще 1 километр пути, то есть всего преодолеет расстояние, равное 2 километрам. При скорости 30 километров в час на это потребуется 4 минуты.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 2

Разлейте поровну

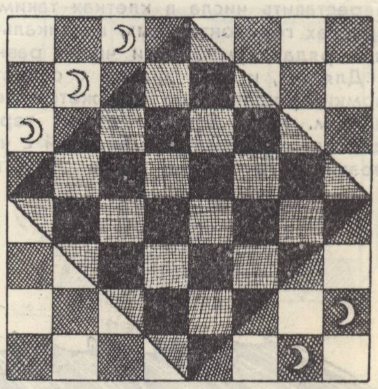
Одно из возможных решений:

12—0—0
1. 5—7—0
2. 5—2—5
3. 10—2—0
4. 10—0—2
5. 3—7—2
6. 3—4—5
7. 8—4—0
8. 8—0—4
9. 1—7—4
10. 1—6—5
11. 6—6—0

Реки мира

1. Шари. 2. Ишим. 3. Кума. 4. Кама. 5. Илек. 6. Урал. 7. Ганг. 8. Нева. 9. Вахш.

Пять серебряных полумесяцев

Редколлегия: **Ильина Н. В.** (редактор), **Каверин В. А.**, **Кассиль Л. А.**, **Орджоникидзе В. Н.** (заместитель редактора), **Орлов В. И.**, **Поддубная В. А.** (ответственный секретарь), **Прилежаева М. П.**, **Сотник Ю. В.**, **Тимофеева Г. Я.**, **Шмаринов Д. А.**

Адрес редакции: **Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.**

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **А. Ефимова.**

А 00246. Подписано к печати 4/III 1957 г. Тираж 350 000 экз. Изд. № 289. Зак. 287.
Форм. бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.